

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

РАЗВИТИЕ НАУК АНТИКРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА В СВЕТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ ОБЩЕСТВУ

*Сборник трудов
по материалам всероссийской заочной
научно-практической конференции
с международным участием
(Саратов, 16 октября 2020 г.)*

Под общей редакцией
доктора юридических наук, профессора *А.Г. Блинова*,
кандидата юридических наук, доцента *Е.В. Кобзевой*

Саратов
2021

УДК 343
ББК 67.4
Р17

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»

З.А. Незнамова;

судья Первого кассационного суда общей юрисдикции,
кандидат юридических наук *Н.Ю. Клименко*

Оргкомитет конференции:

заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права,

доктор юридических наук, профессор *А.Г. Блинов;*

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
кандидат юридических наук, доцент *Е.В. Кобзева;*

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
кандидат юридических наук, доцент *М.М. Лапунин*

Печатается по решению

комиссии по науке и издательству ученого совета

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Р17 Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных вызовов обществу: сборник трудов по материалам всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием (Саратов, 16 октября 2020 г.) / под общ. ред. А.Г. Блинова, Е.В. Кобзевой ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2021. – 360 с.

ISBN 978-5-7924-1674-1

Сборник включает в себя материалы всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием, состоявшейся на базе Саратовской государственной юридической академии 16 октября 2020 года. Издание может быть полезным для научно-педагогических работников, сотрудников правоприменительных органов, а также всех интересующихся вопросами уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса.

Содержание научных статей представлено в авторской научной редакции.

**УДК 343
ББК 67.4**

ISBN 978-5-7924-1674-1

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2021

Предисловие

Начало XXI века ознаменовалось эпохальными достижениями в научно-технологическом развитии государства. Благодаря разработкам цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности общества внедрены высокоскоростные сети, которые позволяют стремительно обмениваться информацией, совершать банковские операции из любой точки мира, дистанционно осуществлять трудовые функции и образовательную деятельность. Прорыв в биоинженерии открыл невиданные ранее перспективы по диагностированию и лечению тяжелых заболеваний, увеличению продолжительности жизни людей, селекции устойчивых к вредителям сельскохозяйственных культур и домашних животных. Открытия в области нанотехнологии и микробиологии легли в основу новых способов идентификации личности, выявления и фиксации следов преступлений.

Однако результаты научно-технического прогресса не только впечатляют, но и таят в себе ряд скрытых и явных угроз современному человеку. Так, использование криминально настроенными гражданами высокотехнологичных знаний для удовлетворения корыстных потребностей приводит к миграции некоторых традиционных форм хищения в киберпространство, причиняя многомиллиардный ущерб потерпевшим. Желание экстремистски ориентированных технократических групп усилить напряженность в социуме реализуется посредством использования сети Интернет как площадки для распространения вредной социуму литературы и медиаконтента. Возрастающее влияние биологов на процесс эволюции спровоцировало тревогу за состояние защищенности генетической информации Homo sapiens. Злоупотребления работодателей возможностями ДНК-тестирования сотрудников чреваты дискриминацией людей в зависимости от наследуемых признаков. Неконтролируемый оборот биоматериалов, выступающих носителем персональных данных, нивелирует право на неприкосновенность частной жизни.

Совокупность перечисленных явлений и процессов детерминировала социальный запрос на установление пределов дозволенного поведения в процессе эксплуатации наукоемкой продук-

ции. Сказанное актуализирует проблему включения инновационной практики в правовое пространство и разработки механизма удержания физических лиц от совершения деяний, последствия которых представляют угрозу благополучному развитию современного мира. Обмен мнениями ученых, представляющих разные отрасли юриспруденции и научные школы России и стран ближнего зарубежья, позволит сформировать единую доктрину и приблизить науки антикриминального цикла к решению поставленных задач.

Публикуемые в настоящем издании результаты научных исследований не решают всех проблем, обусловленных потенциальным или фактическим использованием в преступных целях продуктов инновационной деятельности. Вместе с тем участники конференции значительно обогатили правовую доктрину как в части разработки общих положений механизма удержания граждан от совершения общественно опасных деяний, так и в части формирования теоретической основы противодействия отдельным видам криминальных угроз. Это стало возможным благодаря усилиям учёных, представляющих Саратовскую государственную юридическую академию, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Московский государственный университет международных отношений МИД России, Нижегородскую академию МВД России, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Тамбовский государственный технический университет, Северо-Кавказскую государственную академию, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, а также наших коллег из Республики Беларусь, Республики Казахстан и Донецкой Народной Республики.

*С уважением к аудитории читателей,
благодарностью к участникам конференции
и верой в силу юридической научной мысли,
оргкомитет конференции*

Указатель сокращений

Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации – БВС РФ

Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного
Совета РСФСР – Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР

Гражданский кодекс Российской Федерации – ГК РФ

Кодекс Российской Федерации об административных право-
нарушениях – КоАП РФ

Российская газета – Рос. газета

Собрание законодательства Российской Федерации – СЗ РФ

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации –
УИК РФ

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации –
УПК РФ

Уголовный кодекс Российской Федерации – УК РФ

Секция 1
УГОЛОВНОЕ ПРАВО
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ
ОБЩЕСТВУ

УДК 343.213

Блинов Александр Георгиевич

*Д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой
уголовного и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

**ГЕНЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НОМО SAPIENS
И МОДЕЛЬ ЕЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ***

Аннотация. *Достижения ученых в исследовании генома живых организмов и использовании его результатов в жизнедеятельности людей трудно переоценить. Они внесли огромный вклад в развитие сельского хозяйства, микробиологической и фармацевтической промышленности, практики диагностирования и лечения тяжелых наследственных заболеваний. Однако возрастающее влияние биомедицинской науки на современную цивилизацию спровоцировало определенную тревогу за состояние защищенности генетической информации отдельной личности или человеческого рода в целом. Сказанное актуализирует проблему разработки правового механизма удержания физических лиц от общественно опасного поведения, последствия которых представляют угрозу естественному процессу развития клеток Homo sapiens. Установлению разумных ограничений в клинических исследованиях, направленных на редактирование генома эмбриона человека в репродуктивных целях, должна способство-*

* Исследование проведено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 18-29-14036 «Угрозы безопасности человечества в сфере исследования генома живых организмов и уголовно-правовая модель их предупреждения».

вать предложенная в работе модель уголовно-правовой нормы. Усиления государственного контроля за оборотом генетической информации предлагается добиться за счет возложения на правоисполнителей уголовно-правовой обязанности по воздержанию от незаконного собирания сведений о наследуемых характеристиках народов, проживающих в Российской Федерации. Алгоритм предлагаемых нововведений основывается на идее приоритетного урегулирования и субсидиарной охраны отношений, складывающихся в процессе осуществления генетических исследований.

Ключевые слова: редактирование генома, угроза генетической безопасности, правовое регулирование, уголовно-правовая охрана.

Blinov Alexander Georgievich

*Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
blinovag2008@yandex.ru*

GENETIC SECURITY OF HOMO SAPIENS AND A MODEL OF ITS CRIMINAL LEGAL SUPPORT

Abstract. *The achievements of scientists in the research of a genome of living organisms and the use of its results in human activity can hardly be overestimated. They contributed greatly to the development of agriculture, the microbiological and pharmaceutical industry, and the diagnosis and treatment practice of serious hereditary diseases. However, the increasing influence of biomedical science on modern civilization has provoked anxiety for the State of genetic data protection of an individual or human race as a whole. It raises the problem of developing a legal mechanism for deterring individuals from socially dangerous behavior, the consequences of which pose a threat to the natural process of development of Homo sapiens cells. The proposed criminal legal regulation model should contribute to the establishment of reasonable restrictions in a clinical trial aimed at human embryo genome editing for reproductive purposes. It is proposed to strengthen the state control over genetic data turnover by imposing on law enforcement officers the criminal law obligation to prohibit illegally collection of information about people's hereditary characteristics in the Russian Federation. The proposed procedure of the new ways is based on priority regulation and subsidiary protection of relations during genetic research.*

Keywords: *genome editing, threat to genetic security, legal support, criminal legal protection*

В исследовании генома высших организмов и внедрении его результатов в здравоохранительную практику врачебное сообщество достигло внушительных успехов. Стала доступной коррекция соматических клеток человека, нацеленная на исцеление от наследственных заболеваний, поражающих интеллект, обмен веществ, сердечно-сосудистую и центрально-нервную системы. Открыта технология CRISPR/Cas9, с помощью которой ученые надеются победить онкологию, гемофилию, синдром Дауна и ряд других тяжелых болезней. Использование новейшего метода направленного редактирования ДНК эмбриона позволит оградить ребенка от разных недугов еще до появления его на свет. В краткосрочной перспективе специалисты планируют внедрить в медицинскую практику способы изменения генетического кода, повышающие устойчивость клеток иммунной системы к ВИЧ-инфекции и вирусным гепатитам. Однако динамика развития биомедицинских технологий не только впечатляет, но и настораживает социум. На нынешнем этапе совершенствования научных знаний ученым еще не удастся предвидеть и предупредить побочные негативные последствия экспериментов с геномом человека. Существует большая вероятность того, что изменение определенного гена в целях защиты пациента от какого-либо заболевания повысит риск развития другого наследуемого недуга. Принимая во внимание непредсказуемые последствия применения технологии редактирования ДНК, ученые с мировым именем призывают амбициозных коллег быть конструктивными в экспериментальной практике и предлагают временно ввести глобальный мораторий на клиническое использование генетической модификации зародышевых линий человеческих клеток [1, с. 165-168].

Публичное обращение авторитетных ученых с предложением временно приостановить исследования по созданию генетически модифицированных детей разделяют многие представители биомедицинской науки. Оно рассчитано на личности, согласующие экспериментальную практику с этическими требованиями, но не в состоянии удерживать чрезмерно увлеченных исследователей от проведения опытов, результаты которых в долгосрочной перспективе могут представлять угрозу человеческой цивилизации. В качестве показательного примера уместно сослаться на получивший широкую огласку в средствах массовой информации эксперимент китайских генетиков по исправлению ДНК

эмбриона, завершившийся появлением на свет устойчивых к ВИЧ девочек-близнецов¹. Научно-исследовательская группа во главе с Хэ Цзянькуем «в погоне за личной славой и богатством» проводила опыты с риском заражения новорожденных другими патогенами. Осуществленная ими модификация генов на уровне зародышевой линии сопряжена с опасностью нарушения естественного процесса развития клеток в организме детей. Ситуация осложняется тем, что подвергнутая редактированию ДНК с большой вероятностью будет передана новому поколению и получит широкое распространение в человеческой популяции. Поведение ученых суд города Шэньчжэнь признал общественно опасным и квалифицировал как незаконное занятие врачебной практикой².

Приведенный пример наглядно подтверждает необходимость проявления сбалансированного подхода к развитию биомедицинской науки и обеспечению генетической безопасности *Homo sapiens*. При этом следует избегать принятия радикальных решений. Если неконтролируемые биомедицинские эксперименты чреваты непредсказуемыми последствиями для здоровья человека и качества его жизни, то введение тотального запрета на инновационную деятельность генетиков будет тормозить научно-технический прогресс и лишит многих людей надежды на избавление от тяжелых наследуемых недугов. Изложенные факты обостряют проблему включения практики научных изысканий в правовое пространство. Именно юридическим нормам следует отводить доминирующую роль в определении границ познавательной деятельности ученых-биологов и обеспечении генетической безопасности конкретной личности либо человеческого рода в целом. Еще в середине прошлого столетия известный отечественный криминалист М.Д. Шаргородский позиционировал идею о том, что право должно своевременно регулировать отношения, складывающиеся по поводу использования «достижений современной науки и техники и по возможности устранять или в крайнем случае ограничивать тот вред, который возникает при недостаточно продуманных и необоснованных экспериментах, которые могут привести к непоправимым последствиям» [9, с. 87].

¹ *Regalado A.* Exclusive: Chinese scientists are creating CRISPR babies. MIT Technology Review. URL: <https://www.technologyreview.com/s/612458/exclusive-chinese-scientists-are-creating-crispr-babies/> (дата обращения: 22.05.2020).

² Китайского генетика приговорили к трем годам тюрьмы за создание первых в мире ГМО-детей. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/7445829> (дата обращения: 22.05.2020).

До недавнего момента проблема обеспечения генетической безопасности представляла интерес ограниченному кругу специалистов, занимавшихся исследованием генофонда и разработкой механизма его защиты от нежелательных внешних воздействий. Речь идет, прежде всего, о представителях науки экологической генетики и биохимии, решающих задачу минимизации риска возникновения мутаций в соматических и генеративных клетках от действия ксенобиотиков [6, с. 39-41; 8, с. 9]. Исходя из характера проводимых научных изысканий, выражением «генетическая безопасность» они оперируют применительно к сферам жизнедеятельности, которые прямо либо косвенно оказывают влияние на наследуемую линию живых организмов. Дисбаланс в естественный ход развития природы вносят результаты многих видов хозяйственной деятельности человека. Так, мутагенную активность чаще всего провоцируют используемые в сельском хозяйстве, промышленности, медицине химические вещества, а также находящиеся в атмосфере, воде, почве болезнетворные микроорганизмы. Вступая в реакцию с компонентами ДНК, они вызывают тяжелые наследственные заболевания, существенно снижают жизнеспособность организма либо приводят к его гибели.

С точки зрения биологов угрозу генетической безопасности представляют любые явления и процессы, способные оказать негативное воздействие на генофонд живой природы. При этом они не считают нужным дифференцировать опасности в зависимости от источника происхождения и социального значения. Продемонстрированный подход можно объяснить тем, что в процессе достижения специфических профессиональных целей у представителей анализируемой области знаний отсутствует потребность обращения к нравственной и правовой стороне изучаемой проблемы. Поставленная задача входит в компетенцию юриспруденции.

Правоведы связывают сущность обеспечения генетической безопасности биосферы с защитой наследуемой информации и механизмов ее реализации от внешних воздействий [7, с. 96-108]. В сфере их профессиональных интересов оказываются опасности, обусловленные деятельностью отдельного человека либо объединения людей, которая отклоняется от официально оформленных юридических предписаний. Предметом оценки становятся конфликтные ситуации, порожденные желанием отдельного лица удовлетворить собственные потребности

за счет ущемления интересов иных участников социальных отношений. Обосновав противоправность и (или) общественную опасность поведения специальных субъектов, юристы квалифицируют их как административное правонарушение или преступление.

Принципиально иную правовую оценку получает направленная на достижение социально полезного результата деятельность, не исключая наступление побочных эффектов. Юриспруденция не только не запрещает, но также стимулирует экспериментальную и иную профессиональную активность, проявляемую в ситуациях крайней необходимости и обоснованного риска. В отличие от делинквентного деяния такого рода поведение инициативного лица социально востребовано, правомерно и заслуживает поощрения. Так, использование некоторых инновационных технологий в сельском хозяйстве провоцирует мутации в клетках растений и животных. Однако их грамотное применение приносит обществу гораздо больше пользы, нежели вреда. Поощряя новаторскую деятельность аграриев, государство обеспечивает появление сельскохозяйственной продукции с улучшенными характеристиками.

Очень часто источниками опасностей в системе «человек – среда обитания» выступают естественные процессы и явления. Они вносят существенные коррективы в генетический аппарат живых организмов, но не требуют внимания правоведов. Появление нежелательных мутаций нередко является неизбежным следствием эволюции, которое не связано с поведением конкретных людей. Человек не конфликтует с природой. На нее объективно невозможно оказать позитивное воздействие правовыми средствами. Сказанное исключает актуальность юридической оценки встречающихся угроз генофонду живой природы, обусловленных естественными причинами.

Таким образом, с точки зрения уголовного права генетическая безопасность предполагает защищенность генетической информации *Homo sapiens* от неправомерного воздействия физических лиц, причиняющих вред либо создающих угрозу его причинения. Его источник не связан с деятельностью, направленной на достижение социально полезного результата в рамках институтов крайней необходимости и обоснованного риска, а также естественным изменением наследственной программы живого организма.

Природа угроз генетической безопасности отдельного человека и человеческого рода в целом просматривается в делинквентном поведении физических лиц, пренебрегающих установленным порядком осуществления эксперимента с геномом в репродуктивных целях, оборота генетических материалов и наследуемой информации. Оно может быть выражено в неконтролируемых изменениях ДНК, которые получают закрепление в последующих поколениях, незаконном собирании или распространении информации, содержащей сведения о физиологических особенностях и состоянии здоровья какой-либо этнической группы, несанкционированном обороте биоматериалов, неправомерном завладении наследуемой информацией, бесконтрольном использовании генно-инженерных технологий, создании биологического оружия и т.д.

Представление правоисполнителя о пределах дозволенного поведения формируется главным образом в рамках регулятивных правоотношений. Ныне действующее законодательство не позволяет в полной мере конкретизировать профессиональный статус ученого, желающего апробировать результаты научных изысканий на практике¹. Порядок осуществления генно-инженерной деятельности и применения ее методов к человеку, тканям и клеткам в составе его организма, не является предметом регулирования перечисленных нормативных актов. Сегодня востребован пакет юридически значимых документов, определяющих геном в качестве предмета правоотношения, методы воздействия на участников геномных исследований и их правовой статус, задачи и принципы, на которых они базируются. Важно уточнить границы приемлемых опытов с наследуемой информацией, порядок оборота генетической информации и создания банков данных генетических материалов. Следует определиться с основаниями привлечения к ответственности лиц, пренебрегших правилами проведения биомедицинского эксперимента, запре-

¹ Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 28, ст. 3348; Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» (с изм. и доп. от 29 марта 2010 г., № 30-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 21, ст. 1917; 2010. № 14, ст. 1550; Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 49, ст. 5740; Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» // СЗ РФ. 2016. № 26, ч. 1, ст. 3849; Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» // Российская газета. 2021. 11 января.

тами на создание эмбрионов *in vitro* в экспериментальных целях и на любую форму дискриминации по признаку генетического наследия и т.д. С насыщением инновационного сектора медицины правовым содержанием перед учеными вполне закономерно встанет задача обоснования новой отрасли законодательства в системе российского права.

Охрану генетической безопасности отдельного человека либо социальной группы призваны реализовать отрасли административного и уголовного законодательства. В силу своего функционального предназначения административное законодательство удерживает правоисполнителей от нарушения правопорядка в анализируемой сфере. Оно должно устанавливать ответственность за формальное пренебрежение профессиональными предписаниями, касающимися процедуры организации и проведения исследовательской работы. Возникновение реальной угрозы причинения вреда конкретному пациенту или генетической безопасности населения вызывает потребность в услугах уголовного права. Охраняя сущностные аспекты отношений в сфере направленного редактирования генома человека, уголовный закон должен наделять экспериментатора обязанностью воздерживаться от общественно опасного поведения [2, с. 6-10; 5, с. 819-823].

Сегодня отечественное уголовное законодательство не располагает нормами, охраняющими генетическую безопасность отдельного человека либо социальной группы. Возникший пробел предлагаем восполнить посредством включения в УК РФ норм, удерживающих правоисполнителей от проведения незаконного клинического исследования, направленного на редактирование генома эмбриона человека в репродуктивных целях, а также незаконного сбора информации о наследуемых характеристиках народов, проживающих в Российской Федерации. Их примерная редакция выглядит следующим образом:

«Статья ... Незаконное вмешательство в геном человеческого эмбриона¹

1. Незаконное клиническое исследование, направленное на редактирование генома эмбриона человека в репродуктивных

¹ В предыдущих научных публикациях нами предлагалось несколько иное наименование обосновываемой статьи уголовного закона [4, с. 81; 3, с. 103]. Осмыслив характер общественной опасности предусмотренного в ней деяния, мы пришли к выводу о необходимости корректировать ее название. Оно точнее отражает вредоносную сущность деятельности экспериментатора, пренебрегающего правилами медицинского вмешательства в геном эмбриона.

целях, – наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. То же деяние, совершенное из корыстных или иных низменных побуждений, – наказывается штрафом в размере до трех миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.»

«Статья ... Незаконный оборот генетической информации населения Российской Федерации

Собирание биологического материала, а также информации, характеризующей наследуемые особенности национального или этнического состава населения Российской Федерации, совершенное в целях дестабилизации генетической безопасности, – наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.»

Таким образом, результаты проведенной работы позволяют сформулировать несколько теоретически значимых выводов:

– в установлении допустимых пределов вмешательства в генетическую природу *Homo sapiens* ключевое значение следует отводить правовым средствам. С их помощью государство стимулирует научно-технологический прорыв в биомедицине и стремится исключить злоупотребления в новаторской практике ученых;

– инновации в генной инженерии побуждают юристов решать задачи по обновлению правового пространства, обогащению категориального аппарата юриспруденции, развитию межотраслевых связей регулятивного и охранительного законодательства;

– обеспечение генетической безопасности отдельного человека или человеческого рода в целом предполагает взятие под охрану уголовного закона правоотношений, регламентирующих

порядок внесения наследуемых изменений в геном эмбриона, а также оборот биологических материалов и генетической информации.

Список литературы

1. Adopt a moratorium on heritable genome editing / E. Lander, F. Baylis, F. Zhang, E. Charpentier, P. Berg and specialists from seven countries call for an international governance framework // Nature. 2019. 14 March. Vol. 567. P. 165-168.

2. *Блинов А.Г.* Общественно опасные и иные вредоносные формы поведения в сфере исследований генома человека и критерии их разграничения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 3 (78). С. 5-10.

3. *Блинов А.Г.* Сфера исследований генома человека как предмет правового регулирования и объект охраны // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4. С. 94-105.

4. *Блинов А.Г., Герасимов А.М.* Теоретическая модель преступных деяний в сфере исследования генома человека // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 2. С. 76-85.

5. *Блинов А.Г., Лапунин М.М.* Пределы вмешательства уголовного права в сферу исследования генома человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 50. С. 804-831.

6. *Бондаренко Л.В.* Генетическая токсикология // Экологическая генетика. 2007. № 1. С. 39-41.

7. *Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б.* Теоретико-методологические проблемы правового обеспечения экологической, биосферной и генетической безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации // Lex Russica. 2019. № 9. С. 96-108.

8. *Колясникова Н.Л.* Проблемы генетической безопасности: учеб/ пособие. Пермь, 2019. 94 с.

9. *Шаргородский М.Д.* Научный прогресс и уголовное право // Советское государство и право. 1969. № 2. С. 87-95.

Волков Вячеслав Русланович

Аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Россия, Москва

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВОЙСТВА УГОЛОВНОГО ПРАВА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: К ВОПРОСУ ОБ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты межотраслевых свойств уголовного права, отраслевой и межотраслевой дифференциации ответственности, осуществляется поиск части правового поля, в котором названные явления находят своё выражение. Автором делается вывод о том, что выделение межотраслевых свойств уголовного права возможно через философское понимание терминов «система» и «структура»; представление уголовного права как отрасли права через рассмотрение уголовного права как научной отрасли условно, но его теоретическая ценность заключается в возможности обнаруживать связи и их функциональность с нормами других отраслей права, свойства, проявляющиеся в такой взаимосвязи; изменение вида ответственности не связано с наполнением другим содержанием одного и того же признака; наличие факта правонарушения связывается с ретроспективной ответственностью; применение вида ответственности ставится в зависимость от оценки поведения виновного лица и фактических обстоятельств; выбор вида ответственности предопределён деятельностью законодателя, который по конкретным критериям проводит разграничение между видами ответственности; развитие представления о дифференциации ответственности в уголовном праве позволит предлагать положения, связанные с совершенствованием законодательства; общее правовое поле, в котором межотраслевые свойства уголовного права, межотраслевая и отраслевая дифференциация ответственности находят своё отражение, по нашему мнению, находится в моменте функционирования инфраструктуры уголовного закона при совершении виновным лицом преступления (на теоретическом уровне).

Ключевые слова: юридическая ответственность, уголовная ответственность, преступление, межотраслевые свойства уголовного права, отраслевая и межотраслевая дифференциация ответственности.

Volkov Vyacheslav Ruslanovich

*Postgraduate Student of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminalistics,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow
slava18-08@yandex.ru*

**INTERSECTORAL PROPERTIES OF CRIMINAL LAW
AND DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY:
ON THE ISSUE OF THEIR INTERACTION**

Abstract. *The article deals with aspects of cross-sectoral properties of criminal law, industry and inter-industry differentiation of responsibility, and searches for a part of the legal field in which these phenomena find their expression. The author concludes that the identification of intersectoral properties of criminal law is possible through a philosophical understanding of the terms “system” and “structure»; view the criminal law as branch of law, through consideration of criminal law as a scientific field, conditionally, but its theoretical value lies in the ability to detect relationships and their functionality with the norms of other branches of law; properties, manifested in this relationship; the change in the liability is not related to the content different content same sign; the existence of offences associated with retrospective liability; application of liability is made dependent on the evaluation of the behavior of the perpetrator and the actual circumstances; the choice of the type of responsibility a predefined activity of the legislator, which on specific criteria distinguishes between types of responsibility; the development of the concept of differentiation of responsibility in the criminal law should provide provisions related to improvement of legislation; legal framework in which cross-sectoral properties of criminal law, inter-sectoral and sectoral differentiation of responsibilities are reflected, in our view, is at the moment the infrastructure of the criminal law in the Commission by the perpetrator of the crime.*

Keywords: *legal liability, criminal liability, crime, intersectoral properties of criminal law, sectoral and intersectoral differentiation of responsibility.*

Юридическая ответственность опирается на принципы, которыми руководствуются правотворческие и правоприменительные органы; на их основе она функционирует в правовой действительности. Подтверждение подобного взгляда можно найти в работах Н.В. Витрука [1, с. 147].

Уголовная ответственность является одним из видов юридической ответственности; в классификационное деление положен вид правонарушения [5, с. 473]. Другими словами, ответственность уголовная – вид ответственности юридической за правонарушения. Её принципы находят своё выражение в уголовном законе.

Именно за совершение преступления (имеется факт о содеянном) виновное лицо подлежит уголовной ответственности, т.е. ретроспективной ответственности. Точки зрения о содержании данного понятия перечисляются в монографии Н.А. Лопашенко [3, с. 146-147].

Факт совершения преступления предполагает действие «системы мер уголовно-правового воздействия» [3, с. 157]. Но до момента начала её функционирования или в таковой момент правотворческой деятельностью законодателя осуществляется дифференциация уголовной ответственности (один из элементов «системы мер уголовно-правового воздействия»). Установлению её содержания посвящено огромное количество работ.

Общим понятием для дифференциации уголовной ответственности является дифференциация ответственности. Широкое представление о её видах в науке уголовного права поддерживается представителями ярославской школы. Ими выделяются следующие последовательности данного правового явления: «общеправовая, межотраслевая, отраслевая, а также ... в разделах, в главах и т.д. [6, с. 165].

В настоящей статье предпринимается попытка отразить взаимодействие межотраслевых свойств уголовного права, межотраслевую и отраслевую последовательности дифференциации ответственности на едином уровне правового поля.

Уголовное право обладает межотраслевыми свойствами, «которые оно приобретает в результате функциональной и структурной взаимосвязи с нормами иных отраслей права, признаки последних в определённых уголовным законом пределах вбирают в себя его нормы. За каждым бланкетным признаком стоит система правовых предписаний, в которой рождается юридическое содержание признака. Отражаемое бланкетной диспозицией нормативное образование включает разноотраслевые правовые нормы, представляя собой относительно самостоятельную правовую подсистему, выходящую за рамки тех отраслей, которым принадлежит каждая из взаимодействующих норм. Благодаря

межотраслевым свойствам уголовное право получает возможность реализовывать свои функции в различных по природе сферах правового регулирования [4, с. 73].

Думается, что данный вывод делается, когда уголовное право как правовая отрасль рассматривается через уголовное право как научную отрасль. Наше предположение условно. Однако его теоретическая ценность заключается в возможности обнаруживать связи и их функциональность с нормами других отраслей права; свойства, проявляющиеся в такой взаимосвязи. В этом моменте отражается содержание термина система права, но «система – не как внутреннее строение чего-либо, а множество связанных между собой элементов, составляющих определённое целостное образование; структура же находит выражение в связях и отношениях, существующих между элементами, составляющими систему» [5, с. 197].

В качестве примера обратимся к диспозиции ч. 1 ст. 171 УК РФ. Понятие предпринимательской деятельности содержится в абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ. Порядок государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей предусматривается федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹. Данный момент детализируется в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве»². Перечень видов деятельности, на которые требуются лицензии, определён в федеральном законе «О лицензировании отдельных видов деятельности»³. Вопросу об аккредитации в национальной системе аккредитации посвящён одноимённый федеральный закон⁴. Вопрос аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств урегулирован федеральным законом «О техническом осмотре транспорт-

¹ Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (с изм. и доп. от 27 октября 2020 г., № 350-ФЗ) // Рос. газета. 2001. 10 авг.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (с изм. и доп. от 7 июля 2015 г., № 32) // БВС РФ. 2005. № 1.

³ Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (с изм. и доп. от 31 июля 2020 г., № 270-ФЗ) // Рос. газета. 2011. 6 мая.

⁴ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 412-ФЗ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации» (с изм. и доп. от 8 декабря 2020 г., № 429-ФЗ) // Рос. газета. 2013. 31 дек.

ных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Другие признаки раскрываются в уголовном законе, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве».

Думается, что важным моментом здесь является то обстоятельство, что признаки отсылают к федеральному законодательству; они раскрываются в нормах права, которые относятся к другим отраслям права, но вместе с тем с помощью отраслевых связей уголовного права их содержание используется при квалификации преступлений. Точнее и полнее эту мысль сформулировал Н.И. Пикуров: «Функциональное предназначение норм права регулировать определённые отношения установлено их отраслевой принадлежностью, но будучи включёнными в инфраструктуру уголовного закона, отраслевые нормы призваны работать на функцию уголовного права. В связи с этим уголовный закон предлагает собственную форму для нормативного материала других отраслей права. Этой формой является состав преступления. Войдя в структуру состава преступления, нормативный материал подчиняется принципам уголовного права. Вместе с тем такое подчинение не бывает абсолютным» [4, с. 86].

С другой стороны, межотраслевая и отраслевая дифференциация ответственности организуют связь отраслей права друг с другом определённым образом. Межотраслевая дифференциация ответственности характеризуется «преемственностью в видах юридической ответственности» [2, с. 6]. Здесь должно мыслиться последовательное изменение содержания признаков; их изменение должно, как минимум, влечь другую ответственность, её вид, размер, но это не всегда так. Например, ответственность за невыплату или неполную выплату заработной платы в установленный срок в рамках трудовых отношений, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, предусматривается ч. 6 ст. 5.27 КоАП РФ. Нарушение положений ст. 145.1 УК РФ влечёт наступление уголовной ответственности. В диспозициях частей названной статьи указываются иные признаки, которых нет в КоАП РФ – корыстная или иная личная заинтересованность.

¹ Федеральный закон от 1 июля 2011 г. № 170-ФЗ «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп. от 1 апреля 2020 г., № 98-ФЗ) // Рос. газета. 2011. 4 июля.

Приведённый пример показывает, что изменение вида ответственности не связано с наполнением другим содержанием одного и того же признака; наличие факта правонарушения связывается с ретроспективной ответственностью; применение вида ответственности ставится в зависимость от оценки поведения виновного лица и фактических обстоятельств; выбор вида ответственности предопределён деятельностью законодателя, который по конкретным критериям проводит разграничение между ними.

Спорен вопрос о наличии второго уровня различения – юридической дифференциации ответственности в уголовном праве [2, с. 8], поскольку в настоящее время уголовным законом за совершение преступления предусматривается уголовная ответственность (ст. ст. 1, 2, 4, 5, 6 УК РФ и др.). Вместе с тем в период действия Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. вопрос, по сути, не ставился под сомнение, поскольку предусматривались административная, дисциплинарная, гражданско-правовая и общественная формы реагирования на преступное поведение при наличии определенных условий (ч. 3 ст. 50, п. «б» ст. 256 и др.) [2, с. 8].

Данный вопрос, на наш взгляд, представляется актуальным в теоретическом смысле, поскольку научное знание не имеет пределов своего представления, с одной стороны, разрешение частных проблем в этом правовом поле позволит предложить научно обоснованные изменения уголовного закона, с другой стороны.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы о взаимодействии межотраслевых свойств уголовного права, межотраслевой и отраслевой последовательности дифференциации ответственности на едином уровне правового поля:

1) выделение межотраслевых свойств уголовного права возможно через философское понимание терминов «система» и «структура»;

2) представление уголовного права как отрасли права через рассмотрение уголовного права как научной отрасли условно, но его теоретическая ценность заключается в возможности обнаруживать связи и их функциональность с нормами других отраслей права; свойства, проявляющиеся в такой взаимосвязи;

3) изменение вида ответственности не связано с наполнением другим содержанием одного и того же признака; наличие факта правонарушения связывается с ретроспективной ответственностью; применение вида ответственности ставится в за-

висимость от оценки поведения виновного лица и фактических обстоятельств; выбор вида ответственности предопределён деятельностью законодателя, который по конкретным критериям проводит разграничение между ними;

4) развитие представления о дифференциации ответственности в уголовном праве позволит предлагать положения, связанные с совершенствованием законодательства;

5) общее правовое поле, в котором межотраслевые свойства уголовного права, межотраслевая и отраслевая дифференциация ответственности находят своё отражение, находится в моменте функционирования инфраструктуры уголовного закона при совершении виновным лицом преступления (на теоретическом уровне).

Список литературы

1. *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности. М., 2009. 431 с.
2. *Кругликов Л.Л.* Проблемы теории уголовного права: избранные статьи, 2000–2009 гг. Ярославль, 2010.
3. *Лопашенко Н.А.* Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика. Авторский курс: монография. М., 2019.
4. *Пикуров Н.И.* Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава: монография. М., 2009.
5. *Пьянов Н.А.* Теория государства и права: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск, 2015.
6. *Рогова Е.В.* Учение о дифференциации уголовной ответственности: монография. М., 2014.

Волошенко Денис Николаевич

*Аспирант кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

РЕАЛИЗАЦИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. *В статье проводится анализ проблем практики применения ограничения свободы. Через приводимые примеры раскрываются недостатки его законодательной регламентации, а также сложности и ошибки, связанные с толкованием и реализацией нормативных положений о данном виде уголовного наказания. Предлагаются пути их решения.*

Ключевые слова: *ограничение свободы, система наказаний, виды наказаний, уголовное наказание, назначение наказания.*

Voloshenko Denis Nikolaevich

*Postgraduate student of the Department
of Criminal and Penal Law, Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov
voloshenko@my.com*

IMPLEMENTATION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF A LIMITATION OF FREEDOM

Abstract. *The article analyzes the problems of the practice of restricting freedom. Through the examples given, the shortcomings of its legislative regulation are revealed, as well as the difficulties and errors associated with the interpretation and implementation of regulatory provisions on this type of criminal punishment. The ways of their solution are suggested.*

Keywords: *limitation of freedom, system of punishment, types of punishment, criminal punishment, sentencing.*

Достижение положительного результата перевоспитания преступника беспокоит общество с древних времен. Юристы-практики и теоретики понимают, что одним лишь жестким ограничением прав и свобод человека, имеющим место в рамках лишения свободы, не всегда достигается желаемая цель. Поэтому в качестве альтернативы данному виду наказания было предложено использовать ограничение свободы. Этот вид наказания номинально присутствовал в УК РФ с самых первых дней его действия, однако фактически не применялся по причине отсутствия условий для его реализации. С целью исправления ситуации был принят федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ¹, которым данный вид наказания был наполнен принципиально иным уголовно-правовым содержанием, а санкции многих статей Особенной части УК РФ были снабжены его упоминанием.

Согласно ч. 1 ст. 53 УК РФ в прежней редакции, ограничение свободы заключалось в содержании осужденного, достигшего к моменту постановления судом приговора восемнадцатилетнего возраста, в специальном учреждении без изоляции от общества в условиях осуществления надзора.

По действующему уголовному закону, ограничение свободы – это вид уголовного наказания, не предусматривающий изоляцию осужденного от общества и заключающийся в установлении судом ряда ограничений, затрагивающих в первую очередь свободу передвижения.

Ограничение свободы базируется на таких принципах, как гуманизм и справедливость. Кроме целей наказания, указанных в ч. 2 ст. 43 УК РФ, оно призвано уменьшить число случаев назначения лишения свободы на небольшие сроки (при применении в качестве основного вида наказания) и ускорить ресоциализацию лиц, отбывших лишение свободы (при применении в качестве дополнительного вида наказания).

Некоторые авторы полагают, что эффективность наказания во многом зависит не только от его назначения, но и от реального исполнения, воплощения заложенного в нем воспитательного

¹ Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // Рос. газета. 2009. 30 дек.

потенциала. В связи с этим высказывается мнение, что в содержании наказания в виде ограничения свободы сложно разглядеть исправительный эффект, а потому такая цель наказания, как исправление осужденного, при его применении вряд ли будет достигнута [2, с. 32-34].

Однако ограничение свободы позволяет достичь исправления осужденных в условиях, максимально приближенных к их нормальному гражданско-правовому состоянию, поскольку сохраняются привычные структуры связей со средой, в которой человек развивался до совершения преступления. В процессе его реализации обеспечиваются преемственность занятий, повышение трудовой квалификации, продолжение трудовой деятельности, корректируются и закрепляются складывающиеся навыки социального общежития на основе общечеловеческой морали и нравственности.

О необходимости расширения альтернативных лишению свободы видов уголовных наказаний свидетельствует и такое преимущество, которое, по мнению С.М. Зубарева, выражается в их меньшей репрессивности, в отсутствии необходимости социальной реабилитации осужденных после отбытия уголовного наказания; в возможности избежать тесного контакта осужденного с криминалитетом и получить негативный криминальный опыт; в исключении возможности консолидации этих осужденных, как это имеет место в исправительных учреждениях, что не позволяет им вырабатывать и навязывать другим осужденным правила так называемой «тюремной» субкультуры. Кроме того, общество не несет больших материальных затрат по содержанию осужденных к этим видам наказаний. Более эффективно осуществляется социальный контроль за исполнением уголовного наказания. В большей мере обеспечиваются права, свободы и законные интересы осужденных [3, с. 173].

В то же время необходимо установить жесткую систему контроля за исполнением всех обязанностей и соблюдением всех запретов, поскольку уклонение от отбывания ограничения свободы и фактическая безнаказанность за это, безусловно, нарушают неотвратимость ответственности, а также ни в коей мере не способствуют стимулированию правопослушного поведения не только самих нарушителей, но и других осужденных [1, с. 88-91].

В 2019 г. рассмотрено 579 853 дел в отношении 620 054 лиц, наказание в виде ограничения свободы назначено 21 118 ли-

цам. В первом полугодии 2020 г. судами Российской Федерации рассмотрено 234 128 уголовных дел в отношении 247 322 лиц. Наказание в виде ограничения свободы судами и мировыми судьями было назначено в отношении 9 860 лиц¹. Несмотря на то, что данный вид наказания в своем новом уголовно-правовом содержании реализуется уже на протяжении более десяти лет, и приведенные цифры показывают его распространенность, у судов возникают определенные трудности в связи с его применением.

Из анализа судебной практики следует, что суды назначают осужденным такие ограничения, как запрет выезжать за границы территории соответствующего муниципалитета; покидать жилище в определенное время суток; изменять места жительства, пребывания, работы и учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы. Остальные виды ограничений, перечисленные в ч. 1 ст. 53 УК РФ, применяются не так часто и фактически остаются невостребованными. Это объясняется содержательной неопределенностью таких ограничений, как запрет на посещение определенных мест, мест проведения массовых и иных мероприятий, а также запрет на участие в указанных мероприятиях, поскольку закон не дает четкого их понятия.

В то же время необходимо отметить, что и в случае применения обязательных видов ограничений, таких как неизменение места жительства и пребывания осужденного без согласия специализированного государственного органа и невыезд за пределы территории муниципального образования (ч. 1 ст. 53 УК РФ), у судов возникают трудности. Так, при назначении указанных ограничений суд должен установить одновременно оба обязательных ограничения. Однако имеют место случаи нарушения данного правила. Так, Тульский областной суд установил, что Киреевским районным судом в отношении К., осужденного по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228 УК РФ, назначено наказание в виде ограничения свободы на срок два года, однако такое обязательное ограничение, как запрет на выезд за пределы терри-

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 1 полугодие 2020 г. // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 18.01.2021).

тории соответствующего муниципального образования, не установлено¹.

Приговором Печенгского районного суда Мурманской области Щ. осужден по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ к двум годам лишения свободы условно с испытательным сроком два года, с ограничением свободы. При этом суд установил осужденному лишь одно ограничение: не изменять место жительства и пребывания без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного².

Как отмечалось ранее, в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ осужденным к ограничению свободы обязательно должно быть установлено ограничение на выезд за пределы территории соответствующего муниципалитета. Несоблюдение указанного ограничения является нарушением порядка и условий отбывания анализируемого вида наказания и влечет за собой применение к осужденному мер взыскания и возможность наступления иных неблагоприятных последствий, предусмотренных ч.ч. 3, 4 ст. 58 УИК РФ.

Однако на практике встречаются случаи неправильного понимания термина «муниципальное образование». Согласно определению, данному в ч. 1 ст. 2 федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³, к муниципальным образованиям относятся городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородская территория города федерального значения. Из ч. 1 ст. 11 закона следует, что территории всех поселений, за исключением территорий городских округов, а также возникающие на территории с низкой плотностью населения и на территориях упраздняемых поселений межселенные территории входят в состав муниципальных районов; территория городского округа не входит в состав территории муниципального района.

В целях правильного указания наименования соответствующего муниципального образования необходимо пользоваться

¹ Определение Верховного Суда РФ от 28 февраля 2013 г. № 38-Д13-1 // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Мурманского областного Суда РФ от 29 ноября 2017 г. № 33а-2112/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 29 декабря 2020, № 464-ФЗ) // Рос. газета. 2003. 8 окт.

ся федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Общероссийским классификатором территорий муниципальных образований ОК 33-2005, соответствующими законами субъектов Российской Федерации и муниципальными правовыми актами.

Необходимо отметить, что решение суда законно лишь в том случае, когда в нем соблюдены не только формальные требования закона, но и возможно его реальное исполнение. Однако анализ решений судов показал, что имеются случаи, когда осужденному было установлено ограничение не выезжать за пределы определенного муниципального образования, в то время как он работает и фактически проживает на территории другого муниципалитета. Так, по приговору Алексинского городского суда Х., осужденному по ч. 1 ст. 264 УК РФ к наказанию в виде ограничения свободы на срок один год с лишением права управлять транспортным средством на срок три года, установлены ограничения: не изменять места жительства и не выезжать за пределы Алексинского района Тульской области без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы. Однако, как указано во вводной части приговора, Х. фактически проживает в г. Москве по конкретному адресу, а также работает в г. Москве¹.

В соответствии с требованиями, закрепленными в ч. 6 ст. 53 УК РФ, ограничение свободы не назначается военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации. Однако, несмотря на конкретность и четкость этого запрета, судебная практика изобилует негативными примерами. Так, постановлением Борского городского суда Нижегородской области Г. неотбытая часть наказания в виде лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима заменена ограничением свободы на срок 1 год 11 месяцев 10 дней с возложением предусмотренных ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничений и обязанностей. Однако суд не учел, что осужденный является гражданином Республики Таджикистан, где и зарегистрирован. В связи с этим постановление суда по причи-

¹ Определение Верховного Суда РФ от 19 ноября 2013 г. № 38-Д13-1 // СПС «КонсультантПлюс».

не его неисполнимости было отменено вышестоящей судебной инстанцией¹.

Ранее отмечалось, что возникают проблемы с применением такого ограничения, как запрет на посещение мест проведения массовых и иных мероприятий в связи с их неконкретностью. Так, в приговорах судов встречаются формулировки «не посещать общественные места, в которых происходит реализация алкогольной продукции и пива в розлив», «не посещать места продажи алкогольной продукции в розлив», «не посещать места распития спиртных напитков, расположенные в пределах территории муниципального образования», «не посещать заведения развлекательного характера (ночные клубы, рестораны, бары, кафе и т.п.), расположенные в пределах муниципального образования».

Как видно из приведенных примеров, установленные запреты являются расплывчатыми и неконкретными, вызывают трудности у представителей специализированного органа в отслеживании их соблюдения осужденными. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что судам необходимо более четко формулировать запреты, руководствуясь при этом следующими нормативными актами: федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»², федеральный конституционный закон «О военном положении»³, федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении»⁴ и др. Из их содержания можно сделать вывод, что к проведению массовых мероприятий относится проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирований, развлекательных, спортивных, культурных, зрелищных мероприятий. Об этом же гласит п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»⁵.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2015 года // БВС РФ. 2015. № 4.

² Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (с изм. и доп. от 30 декабря 2020 г., № 541-ФЗ) // Рос. газета. 2004. 23 июня.

³ Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (с изм. и доп. от 01 июля 2017, № 2-ФКЗ) // Рос. газета. 2002. 2 фев.

⁴ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (с изм. и доп. от 03.07.2016, № 6-ФКЗ) // Рос. газета. 2001.02 июня.

⁵ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (с изм. и доп. от 18 декабря 2018 г., № 43) // Рос. газета. 2015. 29 дек.

Необходимо отметить еще один вид ошибок судов при назначении наказания в виде ограничения свободы, а именно установление осужденным ограничений и обязанностей, не предусмотренных ст. 53 УК РФ. Перечень ограничений, предусмотренных ч. 1 ст. 53 УК РФ, является исчерпывающим. Следовательно, установление судом дополнительных ограничений, не предусмотренных данной нормой, противоречит закону. Однако в некоторых изученных приговорах осужденным к ограничению свободы были установлены ничем не предусмотренные ограничения, например такие, как не нарушать общественный порядок, не появляться в общественном месте в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство. Так, мировым судьей в отношении Х., признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 268 УК РФ, установлено ограничение не появляться на улице и в других общественных местах в состоянии алкогольного опьянения¹. Кроме того, установлен случай, когда в отношении осужденного была применена обязанность пройти добровольно курс лечения от алкогольной зависимости.

Как показало изучение судебной практики, назначение ограничения свободы в основном соответствует требованиям уголовного закона, и в большинстве случаев по уголовным делам суды реализуют единообразные подходы к его применению. В то же время данный вид наказания еще недостаточно изучен, что сопровождается отдельными судебными ошибками. Дальнейшее развитие судебной практики, безусловно, должно привести к более активному использованию ограничения свободы, поскольку оно позволяет осуществлять исправление осужденного без изоляции от общества.

По результатам анализа судебной практики можно сделать следующие рекомендации: необходимо строго соблюдать требования уголовного закона при назначении наказания в виде ограничения свободы; устанавливать ограничения, которые в силу ч. 1 ст. 53 УК РФ должны быть установлены в обязательном порядке; не устанавливать ограничения и не возлагать обязанности, не предусмотренные ч. 1 ст. 53 УК РФ; достоверно определять место жительства подсудимого, руководствуясь при этом объективными данными.

¹ Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 55, 58.

Список литературы

1. *Антипов А.Н.* Совершенствуя право – повышаем уровень безопасности // Проблемы правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы: сб. матер. всерос. науч.-практ. конф. (23 октября 2014 г.). В 3 ч. М., 2014.
2. *Гарбатович Д.А.* Проблемы эффективности уголовного наказания в виде ограничения свободы // Российская юстиция. 2013. № 8.
3. *Зубарев С.М.* Уголовно-исполнительное право. М.: Высш. образование, 2013.

УДК 343.2/.7

Герасимов Александр Михайлович

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

ПОВЕДЕНИЕ КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. *В работе развивается идея о том, что содержание преступления не ограничивается конкретным действием или актом бездействия, предусмотренным диспозицией уголовно-правовой нормы. По логике уголовного закона и практики его применения в ходе квалификации содеянного в качестве преступления исключительно важную роль играет деятельность лица, относящаяся к обстоятельствам учиненного деяния и характеризующая личность виновного. В настоящей статье приводятся уголовно-правовые сценарии, когда формально признаки состава преступления правоприменителем констатируются, однако обвинительный приговор суда при этом не выносится. На практике данному обстоятельству не всегда придается существенное значение. Судебная система твердо стоит на позиции, согласно которой освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего предусмотренное уголовным законом деяние, реабилитирующим основанием не является. Однако такой подход прямо противоречит презумпции невиновности, гарантированной Конституцией РФ. На основании изложенного формулируется вывод о том, что в официальной дефиниции преступления понятие «деяние» предпочтительно заменить содержательно более емкой категорией «поведение». В отличие от конкретного деяния (действия или бездействия) поведение предполагает систему поступков учинителя вреда, имеющих уголовно-правовое значение для оценки содеянного в качестве преступления. Обоснование и признаки искомой дефиниции представлены в содержании исследования.*

Ключевые слова: *признаки преступления, деяние, поведение, уголовная ответственность, презумпция невиновности.*

Gerasimov Alexander Mikhailovich
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
amgerasimov@list.ru

BEHAVIOUR AS A CONSTRUCTIVE SIGN OF CRIME

Abstract. *The idea is developing that the content of the crime is not limited to a specific act or act of inaction provided for by the disposition of a criminal law norm. According to the logic of the criminal law and the practice of its application, the activities of a person relating to the circumstances of the act committed and characterizing the identity of the perpetrator play an extremely important role in the characterization of the crime. In this article, criminal law scenarios are given, when formally the signs of the corpus delicti are established by the law enforcement officer, but the court's conviction is not issued. In practice, this circumstance is not always given significant importance. The judicial system is firmly in the position that the exemption from criminal responsibility of a person who has committed an act prescribed by criminal law is not a rehabilitating ground. However, this approach directly contradicts the presumption of innocence guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. On the basis of the above, it is concluded that in the official definition of a crime, it is preferable to replace the concept of «act» with a more meaningful category of «conduct.» In contrast to a particular act (act or omission), conduct involves a system of acts of the perpetrator of the harm, which have criminal law significance in assessing the crime. The rationale and signs of the desired definition are presented in the study content.*

Keywords: *signs of crime, act, conduct, criminal liability, presumption of innocence.*

Преступление представляет собой категорию, приобретающую в уголовном праве идеологическое значение. Оно наполнено содержанием, определяющим социальные и правовые основания уголовно-правовой обязанности, возлагаемой на человека всей отраслью охранительного законодательства. За более чем два десятилетия становления и развития российского уголовного закона понятие преступления оставалось в стабильном состоянии, вполне обоснованно претендуя на одно из центральных мест в ряду постулатов уголовного права. Даже несмотря на обилие теоретических предложений по оптимизации конструктивных признаков преступления, законодатель не посчитал нужным вносить в содержание ч. 1 ст. 14 УК РФ каки-

е-либо коррективы. Однако сказанное отнюдь не исключает потребность в поиске оптимальной модели преступления, отвечающей требованиям сегодняшнего дня. Настоящее исследование уточняет сущность и свойства деяния как конструктивного признака преступления.

Сопоставляя содержание ч. 1 и 2 ст. 14 УК РФ, несложно сделать вывод о том, что понятие деяния в уголовном законе является родовым по отношению к действию и бездействию. Конкретный поведенческий акт человека, являющийся поводом для постановки вопроса о совершении преступления, ограничен строго определенными объективными рамками. Обозначенное свойство деяния позволяет решать ряд важных вопросов, связанных с основанием уголовной ответственности, временем совершения преступления, обратной силой уголовного закона, вменяемостью лица, виновностью, окончанием преступного посягательства.

Несмотря на столь высокую значимость категории «деяния» в уголовном праве, нельзя не отметить уязвимость законодательной формулы, согласно которой преступление тождественно учиненному действию или бездействию. Само словосочетание «преступление есть деяние» противоречиво как по форме, так и по существу. Формально категория деяния (действие или бездействие) характеризует только один из объективных признаков преступного посягательства. За его рамками остаются общественно опасные последствия и иные объективные обстоятельства совершения преступления. Однако данный аспект не столь принципиален, если учитывать, что с позиции объективной стороны только деяние свойственно всем без исключения составам преступных посягательств. Главное заключается в сущностных аспектах рассматриваемой проблемы. По логике законодателя и уголовно-правовой теории деяние представляет собой осознанный волевой акт правоисполнителя, направленный на причинение вреда охраняемому объекту. Конкретные формы выражения преступного деяния описываются в диспозициях составов преступлений, предусмотренных Особенной частью уголовного закона. В итоге можно предположить, что для констатации преступления объективно вполне достаточно установления факта совершения лицом определенного действия или бездействия. Между тем нормотворческая и правоприменительная практика свидетельствуют об ином. В ходе уголовно-правовой оценки содеянного как преступления, помимо самого деяния, содержащего признаки

состава преступления, чрезвычайно важны обстоятельства его совершения и последующие поступки виновного лица. Во многих ситуациях соблюдение уголовно-правовой обязанности не ограничивается простым воздержанием от совершения деяния. Законодатель использует все возможные стимулы надлежащего поведения правоисполнителя, направленные на недопущение негативного воздействия на охраняемый объект даже после учинения им соответствующего поведенческого акта. Яркой иллюстрацией сказанному может послужить норма о добровольном отказе от преступления. Согласно ч. 1 ст. 31 УК РФ добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. Что особенно примечательно, прекращение соответствующего деяния разновидностью преступления не рассматривается. В соответствии с ч. 2 ст. 31 УК РФ добровольный отказ от преступления исключает уголовную ответственность. Категория «исключение ответственности» в данном случае автоматически снимает с повестки вопрос о преступной природе совершенного действия или бездействия. В этом отношении следует согласиться Ю.Е. Пудовочкиным в том, что «с прекращением лицом своей противоправной деятельности, сама эта деятельность теряет характер приготовления или покушения на преступления. Следовательно, в действиях, направленных на совершение преступления и завершившихся добровольным прекращением, отсутствует вина лица и общественная опасность» [1, с. 182-183]. Как следствие, исключается преступление в целом.

Будет справедливым представить другую позицию по данному вопросу, обозначенную А.П. Козловым. Исследователь хотя и признает пресеченную (приготовление к преступлению и покушение на преступление) и прекращенную (добровольный отказ) преступную деятельность категориями, взаимоисключающими по причине возникновения и разнонаправленности существования, но обосновывает их в качестве разновидностей преступления [2, с. 119, 260-262]. Проанализируем основные доводы автора.

А.П. Козлов обращает основное внимание на то, что норма о добровольном отказе от преступления размещается в главе уголовного закона, именуемой «Неоконченное преступление». Подобное местоположение обозначенной нормы служит пер-

вым аргументом в пользу отождествления добровольного отказа от преступления с видом преступной деятельности. Однако здесь уместно напомнить, что категории «преступление» и «неоконченное преступление» законодателем не отождествляются. В частности, приготовление к преступлению как первая разновидность неоконченного преступления в отдельных случаях не может признаваться преступлением ни при каких обстоятельствах. В соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. Становится очевидным, что по смыслу закона преступление неотделимо от последствий в виде уголовной ответственности. Поскольку добровольный отказ от преступления уголовную ответственность исключает, видом преступления он являться не может.

Сделанное заключение опровергает и последующие аргументы А.П. Козлова в пользу того, что до самого отказа от преступления лицо совершает действия или бездействие, которые в перспективе могли быть признаны преступлением. Если правоисполнитель добровольно прекращает начатую преступную деятельность, то уже совершенное на данный момент времени деяние выводится из-под угрозы уголовного наказания, выступающей неотъемлемым признаком преступления.

Другим примером отсутствия признаков преступления в деянии, предусмотренном диспозицией соответствующего состава, вполне может послужить поведение, отраженное одним из стигмулирующих примечаний к статьям Особенной части уголовного закона. К примеру, согласно примечанию к ст. 222 УК РФ лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности по данной статье. Особенность описанной ситуации состоит в том, что при приобретении, передаче, сбыте, хранении, перевозке или ношении оружия, его основных частей, боеприпасов лицо полностью воплощает в реальной действительности объективную сторону состава преступления. В то же время выполнение условий, описанных в примечании к ст. 222 УК РФ, исключает преступность содеянного. Обвинительный приговор в таком случае судом не выносится.

Несколько противоречиво по рассматриваемому вопросу выглядит позиция правоприменителя. Так, согласно п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и не-

законном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», «добровольная сдача огнестрельного оружия и других предметов, указанных в статьях 222-223¹ УК РФ, не означает отсутствие в деянии состава преступления, поэтому прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования в соответствии с примечаниями к этим статьям не влечет реабилитацию лица, совершившего преступление»¹.

Исходя из представленных разъяснений видно, что совершение преступления не связывается с фактом привлечения лица к уголовной ответственности, подтвержденного вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Помимо прямого противоречия презумпции невиновности, представленная точка зрения Пленума Верховного Суда РФ диссонирует с социальным предназначением стимулирующего положения, закрепленного примечанием к ст. 222 УК РФ. По его логике правоисполнителю, направившему свои усилия против охраняемого уголовным законом объекта, дается дополнительный шанс выполнить уголовно-правовую обязанность и тем самым оставить свою биографию без криминального отпечатка. Однако выраженное желание Пленума Верховного Суда РФ вывести анализируемое уголовно-правовое положение из числа реабилитирующих оснований явно не способствует стимулированию граждан к добровольной сдаче оружия. На правоприменительном уровне лицо, добровольно сдавшее запрещенные к обороту предметы, оценивается в качестве преступника. Едва ли многие правонарушители откликнутся на призыв к добровольному прекращению запрещенной уголовным законом деятельности, который не носит реабилитирующего начала. В описанной ситуации человеку выгоднее скрыть факт хранения оружия, его основных частей, боеприпасов, продолжая создавать угрозу общественной безопасности.

Таким образом, отождествление преступления с конкретным деянием противоречит алгоритму установления преступного посягательства, предполагающего оценку судом не только совершенного действия или бездействия, но и иных обстоятельств содеянного, последующих поступков правоисполнителя и его личности.

Внося должную ясность в сложившуюся ситуацию с научным и правоприменительным толкованием категории «деяние», соответствующий признак преступления предпочтительнее поимено-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.

вать как «поведение». В отличие от деяния понятие поведения охватывает систему поступков, имеющих уголовно-правовое значение для оценки содеянного. Отправным поступком исследуемой цепи следует считать деяние (действие или бездействие), описанное диспозицией уголовно-правовой нормы, совершение которого служит основанием для постановки вопроса об уголовном правонарушении. При этом совершенное деяние отражает только характер общественной опасности содеянного, но не высвечивает ее степень. Решая задачу по установлению степени общественной опасности преступления, суд изучает обстоятельства содеянного и личность учинителя вреда. Нередко его сопутствующие вредоносному деянию и последующие поступки носят нейтральный или ярко выраженный негативный характер. В таком случае суд констатирует преступление. Однако деятельное желание правоисполнителя загладить учиненный вред или предотвратить более значимые последствия не остается без внимания правоприменителя. При наличии к тому формальных оснований лицо может быть освобождено от уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности свидетельствует об отсутствии в оцениваемом поведении субъекта признаков преступления. Сделанное заключение основывается на идеи о том, что совершивший соответствующее деяние человек на момент вынесения судебного решения не представляет угрозы охраняемым уголовным законом объектам. Отсутствие в содеянном признаков общественной опасности автоматически исключает его преступность.

На основании всего изложенного следует сделать вывод о том, что поведение как признак преступления предполагает систему поступков учинителя вреда, имеющих уголовно-правовое значение для оценки содеянного. Компонентами преступного поведения выступают само деяние, формально содержащее признаки состава преступления (характер общественной опасности), а также иная деятельность лица, относящаяся к обстоятельствам совершения соответствующего деяния и характеризующая его личность (степень общественной опасности).

Список литературы

1. Пудовочкин Ю.Е., Дорогин Д.А. Учение о преступлении и о составе преступления: учебное пособие. М.: РГУП, 2017.
2. Энциклопедия уголовного права. Т.3. Понятие преступления. Издание профессора Малинина. СПб., 2005.

Голикова Арина Владимировна

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

СТАНДАРТИЗАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Аннотация. В статье речь идет об изменении традиционного для отечественной науки уголовного права взгляда на обстоятельства, исключаящие преступность деяния. Сопоставление процессов стандартизации поведения и увеличения объема личной ответственности при выборе линии поведения специалистом, позволило воспринимать указанные обстоятельства в качестве факторов, снижающих степень заштампованности профессиональной деятельности. В итоге обосновывается вывод о необходимости парадокса уголовного права, увеличивающего свободу выбора деяния (с учетом ограничений по правомерности причинения вреда) вопреки стандартам поведения, поддерживая эти стандарты.

Ключевые слова: уголовное право, стандарты поведения, крайняя необходимость, правила, риски.

Golikova Arina Vladimirovna

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
golikovaa@mail.ru*

STANDARDIZATION OF CONDUCTS AND CRIMINAL LAW

Abstract. The article tells about the change in the traditional view of the Russian science of criminal law on the circumstances that exclude the criminality of an act. Comparison of the processes of standardization of behavior and increasing the amount of personal responsibility when choosing a line of conduct by a specialist, allowed us to perceive these circumstances as factors that reduce the degree of professional activity. As a result, the conclusion about the necessity of the paradox of criminal law, which increases the freedom to choose an act (taking into account restrictions on the legality of causing harm) contrary to the standards of behavior, while maintaining these standards, is substantiated.

Keywords: criminal law, standards of conducts, extreme necessity, rules, risks.

Одним из способов обеспечения безопасности в современных условиях достаточно распространенным стала стандартизация процессов и действий. Термин «стандартизация» появился в сфере экономического планирования для «рационализации производства», удобства контроля и снижения рисков. В сущности, стандартизация поведения человека производится с той же целью – снижения рисков и обеспечения безопасности деятельности социальных институтов. Как известно, уголовное право служит аналогичным задачам (ст. 2 УК РФ): охраны общественных отношений и обеспечения безопасности человечества.

«Стандарт (от англ. standard – норма, образец) в широком смысле слова – образец, эталон, модель, принимаемые за исходные для сопоставления с ними др. объектов; нормативно-технический документ по стандартизации, устанавливающий комплекс норм, правил, требований к объекту стандартизации и утверждённый компетентным органом» [3, с. 1260]. Для юриспруденции он становится фактически синонимом правовой нормы «стандартизация, как приведение приемов работы к однообразным нормам» [5, с. 164]. Большое число не только текстов законов, условий договоров, но и служебных инструкций, правил внутреннего распорядка, инструкций по эксплуатации, этических кодексов поведения и др., образуют пласт норм, детально упорядочивающих поведение человека в разных жизненных ситуациях. Представленная тенденция отвечает запросам современного общества относительно обеспечения безопасности. Количество предписаний такого рода стремительно увеличивается и относится к разным сферам жизнедеятельности, правовым отраслям. Уголовное право «подключается» в случаях опасного несоблюдения указанных стандартов. Например, ст. 124, 143, 145.1, 172, 215, 219 УК РФ и др.

Таким образом, уголовное право функционально поддерживает существующие стандарты запретом на совершение преступлений, сопряженных с их несоблюдением. Сказанное приводит к мысли об относительной самостоятельности данной отрасли в системе права. Нормы уголовного права функционируют лишь в связи (в дополнение) к иным отраслям права, поддерживая желательные стандарты поведения, устанавливая правила регулирования последствий социально значимых конфликтов. Следовательно, объектом уголовно-правовой охраны следует считать не общественные отношения, а правоотношения (общественные отношения, уже урегулированные иными отраслями). Отрицать

отмеченную вспомогательную роль уголовного права в системе отечественного права нецелесообразно.

Можно попробовать посмотреть на институты Особенной части уголовного права как на своеобразные стандарты нежелательного (опасного, запрещенного) поведения, собранные законодателем в один нормативно-правовой акт. При этом сталкиваемся с необходимостью толкования колоссального объема информации, содержащейся в бланкетных диспозициях статей УК РФ, требующих обращения для уяснения содержания нормы к иным источникам правового регулирования. Например, бланкетные признаки законодатель включает в предмет преступления, свойства которого определяются нормами различных отраслей права (имущество в составах преступлений против собственности, наркотические средства или оружие в составах общественно опасных деяний, связанных с незаконным оборотом этих средств и др.). Большое число составов преступлений за счет описания объективной стороны путем указания на «нарушение правил безопасности...» встраивает в уголовно-правовую норму элементы стандартизированных правил поведения. Получаем еще одно доказательство выдвинутой версии об относительной самостоятельности отрасли уголовного права.

Положения Общей части УК РФ, устанавливающие стандарты реализации уголовной ответственности (освобождение от нее, назначение наказания и освобождение от него, применение иных мер уголовно-правового характера), служат ориентирами для судей, содержат малое число требований к правоприменителю. Например, ст. 60 УК РФ, регламентирующая общие начала назначения наказания, обозначает пошаговый алгоритм для судьи при выборе вида и размера правоограничений виновному лицу, сохраняя огромные пределы судейского усмотрения в данном вопросе за счет отсутствия конкретики оценки личности подсудимого и обстоятельств совершения преступления. Не говоря уже о возможности расчета эффективности наказания с позиции достижения целей (ст. 43 УК РФ). Ст. 61 и 63 УК РФ, фиксируя перечни типичных обстоятельств совершения преступления, ничего не говорят о правилах их учета и влияния на вид и размер избираемого наказания. Попытки создания профессиональных и этических стандартов для преодоления свободы выбора линии поведения при принятии решений представителями отдельных профессий не решает этой задачи.

Наиболее сложные формы взаимодействия со стандартами поведения в области применения уголовно-правовых норм возникают в случаях причинения вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния (глава 8 УК РФ). Причиной можно назвать как раз высокие риски чрезмерного причинения вреда в указанных ситуациях, ибо смоделировать одну линию поведения в привычных и типичных условиях можно, а в случае риска типизировать деяния невозможно. Пределами установления нормативов для такого рода жизненных обстоятельств, становятся характеристики самих условий, а не действий или бездействия человека. Например, в необходимой обороне (ст. 37 УК РФ) главные факторы, подлежащие учету обороняющимся лицом, связаны с оценкой обстановки. Фактически это всегда выбор между двумя или более вредоносными (общественно опасными) моделями поведения.

Среди всех названных в УК РФ обстоятельств, исключающих преступность деяния, наименьшим уровнем упорядоченности обладает крайняя необходимость. По описанию ст. 39 УК РФ трудно сделать вывод о моменте возникновения права на причинение вреда при использовании термина «непосредственная опасность». Опасность представляет собой потенциал вреда. Непосредственность ее существования в науке уголовного права практически не раскрывается: момент возникновения может быть как связан с угрозой наступления вреда «здесь и сейчас», так и существовать в недалекой перспективе [4, с. 141-145]. Отсутствие конкретики предписаний относительно характера предпринимаемых усилий по устранению опасности также «смущает», оставляя лицу широкие пределы для собственного усмотрения. Встречаются предложения по сокращению объема ответственности, принимаемой на себя лицом, действующим в состоянии крайней необходимости, за счет внедрения в группу обстоятельств, исключающих преступность деяния, условия «исполнения профессиональных обязанностей или предписаний закона» [2, с. 40-44]. Полагаем, законодатель сознательно отказывается от подобных конструкций, избегает обострения противостояния между риском и стандартом.

Профессиональная деятельность медицинских работников может быть сопряжена с рисками [1, с. 94-98] в условиях крайней необходимости. Так, в больницу поступает пациент с объемной отечностью правой ноги, чернеющими пятнами и воспаленной

гнойной раной на голени. Дежурный хирург по результатам осмотра, с учетом резких болезненных ощущений пациента при пальпации конечности, ставит диагноз «гангрена» и ампутирует ногу выше колена. Пациент, конечно, возмущен, потому что врач принял решение единолично и сразу, а не попытался исправить ситуацию медикаментозным лечением. На этом основании (решение принято единолично, а не консилиумом) врача привлекают к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 124 УК РФ, совершенно забывая о ст. 39 УК РФ. Сейчас врачу гораздо удобнее с юридической точки зрения выполнить инструкцию, даже в нетипичной ситуации, чтобы не претерпеть ответственность дисциплинарную и гражданско-правовую (иногда и уголовную) за использование права на крайнюю необходимость (позволяющее, вероятно, рискованно спасти пациента). «Под безопасностью медицинской помощи понимается отсутствие *недопустимого* риска, связанного с возможностью нанесения ущерба», где «риск медицинского вмешательства – вероятность наступления неблагоприятного исхода для жизни или здоровья пациента, а также вероятность недостижения той цели, ради которой проводится медицинское вмешательство». Критериев его «недопустимости» нет и быть не может, когда речь идет о ситуации крайней необходимости.

Созданные инструкции, правила, регламенты и протоколы лечения больного призваны снижать не столько риски ухудшения состояния здоровья человека (в отличие от, например, правил дорожного движения), сколько сократить объемы ответственности медицинских работников. Современная угроза в виде пандемии обостряет указанные вопросы поиска баланса между детализацией исполнения профессиональных обязанностей (не только медицинскими работниками, но и представителями иных профессий, вынужденных оперативно реагировать на общесоциальный запрос) и допущением риска при оказании помощи либо осуществлении гражданского долга. Формализация порядка действий и принятия решений (особенно когда речь идет о поведении специалистов) во всех жизненных ситуациях не только маловозможна, но и не является необходимой. Во-первых, потому что лицо, обладающее профессиональными навыками, предполагается не слепым исполнителем регламента, а ответственным и самостоятельным субъектом, качественно реализующим необходимый вид деятельности. Распространенные суждения о необходимости сужения судейского усмотрения при

назначении, например, уголовного наказания на основе альтернативных санкций Особенной части УК РФ, буквально подрывают авторитет судей. Социум выдвигает значительный перечень требований к представителям различных профессий, устанавливает системы контроля и поддержания должного уровня квалификации, а потому презюмируется доверие к специалистам, подтвердившим свои навыки и знания. Во-вторых, положения 8 главы УК РФ предусмотрительно оставляют место для свободы реализации наиболее эффективного решения в сложных жизненных ситуациях, позволяя лицу выбирать линию поведения между установленными стандартами и личным опытом, ограничивая последний общими условиями предсказуемого причинения вреда. Применение указанных положений уголовного закона, на наш взгляд, должно увеличиваться, а не сокращаться.

Полагаем, обстоятельства, исключаящие преступность деяния, олицетворяют собой свободу выбора (с учетом ограничений по правомерности причинения вреда) вопреки стандартам поведения, поддерживая их. Такой вот парадокс уголовного права.

Список литературы

1. *Мирошниченко Н.В.* Обоснованный риск как обстоятельство, исключаящее преступность деяния, при исполнении профессиональных функций // Общество и право. 2015. № 1.
2. *Михайлов В.И.* Исполнение закона как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Уголовное право. 2007. № 1.
3. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1989.
4. *Станкевич А.М., Дмитренко А.П., Фоменко Е.В.* Соотношение условий и пределов правомерности крайней необходимости // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 1.
5. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1940. Т. 4.

Донченко Александр Григорьевич

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

НОВЫЕ ФОРМЫ ОБОРОТА ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Аннотация. В статье проведено исследование новых форм оборота детской порнографии и уголовно-правовых мер их предупреждения. Одним из способов оборота детской порнографии выступает интернет-груминг или кибер-груминг. Представлено имеющееся в теории уголовного права определение понятия «груминг» и основных его видов. В международном законодательстве и современных правовых системах действия, которые выражаются как груминг, расцениваются как домогательство в отношении несовершеннолетнего с сексуальными целями. Предлагается ввести в гл. 18 УК РФ ст. 135.1 «Домогательство в отношении несовершеннолетнего с сексуальными целями». Проведен анализ имеющих распространение в киберпространстве порнографических дипфейков. Представлена авторская позиция по правовой оценке порнографических дипфейков через призму действующего отечественного законодательства. Сделан промежуточный вывод о том, что отечественный правоприменитель в состоянии дать правовую оценку порнографическому дипфейку, используя для этого нормы действующего законодательства. Обращено внимание на отсутствие защищенности обучающихся от воздействия порнографии в период образовательного процесса с использованием программного обеспечения Zoom.

Ключевые слова: детская порнография, груминг, домогательство, порнографический дипфейк, несовершеннолетний.

Donchenko Alexander Grigorievich

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov
donchenko.a.g@yandex.ru*

NEW FORMS OF TRAFFICKING IN CHILD PORNOGRAPHY AND THEIR CRIMINAL LEGAL PREVENTION

Abstract. *The article examines new forms of trafficking in child pornography and criminal law measures to prevent them. One of the ways child pornography is trafficked is online grooming or cyber grooming. The definition of the concept of "grooming" and its main types, available in the theory of criminal law, is presented. In international law and modern legal systems, actions that are expressed as grooming are regarded as harassment of a minor for sexual purposes. It is proposed to introduce in Ch. 18 of the Criminal Code of the Russian Federation Art. 135.1. "Harassment of a minor for sexual purposes." The analysis of pornographic deepfakes that are widespread in cyberspace. The author's position of the legal assessment of pornographic deepfakes through the prism of the current domestic legislation is presented. An intermediate conclusion was made that the domestic law enforcement officer is able to give a legal assessment of a pornographic deepfake, using the norms of the current legislation for this. Attention is also drawn to the lack of protection of students from the effects of pornography during the educational process using Zoom software. At the end of the work, the conclusion of the study is formulated.*

Keywords: *child pornography, grooming, harassment, pornographic deepfake, minor.*

Активное распространение цифровых технологий способствует прогрессивному развитию общества и государства. Однако в сфере информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») содержатся опасные социальные явления, в т.ч. оборот детской порнографии и иные посягательства на половую неприкосновенность и нормальное физическое и духовно-нравственное развитие несовершеннолетних.

В последнее время приобрел массовое развитие так называемый «интернет-груминг» или «кибер-груминг». В теории уголовного права интернет-груминг (кибер-груминг) определяется как «процесс установления эмоциональной связи и дружеских отношений злоумышленника с ребенком или подростком с целью совершения развратных действий, сексуального насилия либо иных форм сексуальной эксплуатации» [3, с. 143].

По данным отдельных исследователей чаще всего преступники (грумеры):

- вели переписку под видом детей; направляли детям текстовые сообщения на тему секса, порнографические материалы, соб-

ственные фото, склоняли к «виртуальному» сексу, общению при помощи видеосвязи без реальных встреч, угроз и шантажа;

- вымогали интимное фото, требовали общения по видеосвязи, а после того как соглашались, угрожали применением насилия, распространением фотографий среди одноклассников, родителей, на порнографических сайтах;

- общались с детьми на сексуальные темы и договаривались о реальной встрече;

- предлагали несовершеннолетним деньги за фотографии и встречи» [4, с. 26-27].

Действующее уголовное законодательство не позволяет привлечь грумера к ответственности. Уголовное преследование может быть только с момента, если в действиях будут признаки развратных действий (ст. 135 УК РФ). К сожалению, в ст. 135 отсутствует квалифицирующий признак «совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»». Законодатель не берет во внимание современные реальности, что многие преступления совершаются в киберпространстве. Видимо, учитывая пробельность в уголовном законе (ст. 135 УК РФ), Пленум Верховного Суда РФ, впервые давая толкование развратных действий, отметил, что «развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей»¹.

В международном законодательстве и в современных правовых системах действия, которые выражаются в груминге, расцениваются как домогательство в отношении несовершеннолетнего с сексуальными целями. Автор настоящей статьи совместно с А.А. Токаревой в ранее опубликованных научных работах предлагали дополнить гл. 18 УК РФ ст. 135.1 «Домогательство в отношении несовершеннолетнего с сексуальными целями» [2, с. 133-134]. Сексуальные цели грумера могут быть разнообразными и выражаться в совершении полового сношения, мужеложства, лесбиянства или иных действий сексуального характера с несовершеннолетним или использовать его для изготовления

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 декабря 2014 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой свободы личности» // Российская газета. 2014. 12 дек.

порнографических материалов или предметов, а также иные цели, направленные на удовлетворение своего сексуального влечения, на вызывание сексуального возбуждения у несовершеннолетнего или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям.

В современном киберпространстве ежедневно размещается много информации. Пользователи информационных технологий не в состоянии определить ложность или правдивость информации. Среди размещенных фото- и видеоизображений имеются те, которые созданы с помощью новых технологий искусственного интеллекта. Речь идет о дипфейках и в частности порнографических дипфейках. По мнению Р.А. Делфино, «порнографические дипфейки – это сфальсифицированные фотографии и видеоролики с наложением изображений лиц людей, не участвовавших в их съемке» [1, с. 105].

Для отечественного правоприменителя правовая оценка порнографического дипфейка представляет определенную сложность в связи с отсутствием единого нормативного акта.

Полагаем, что отечественный правоприменитель в состоянии дать правовую оценку порнографическому дипфейку используя для этого нормы действующего законодательства.

Во-первых, действия лица, которое создает и (или) распространяет порнографические дипфейки, в т.ч. с признаками детской порнографии, следует квалифицировать по ст. 242.1 УК РФ.

В примечании к данной статье говорится о понятии детской порнографии и способах ее изготовления, в т.ч. с использованием новых технологий искусственного интеллекта.

Во-вторых, если данное лицо использует без согласия другого лица его фотографии либо видеоролики в целях создания порнографического дипфейка, то его действия следует рассматривать как разновидность оскорбления, то есть оскорбление действием (ст. 5.61 КоАП РФ). К сожалению, законодатель в декабре 2011 года исключил уголовную ответственность за оскорбление. На наш взгляд, такое решение не согласуется с положениями Конституции РФ и противоречит здравому смыслу. Степень общественной опасности оскорбления ничуть не меньше, чем клеветы (ст. 128.1 УК РФ).

В-третьих, потерпевшее лицо от порнографического дипфейка может защитить свою честь и достоинство в гражданско-правовом порядке.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что положения отечественного законодательства в полном объеме позволяют дать оценку действий с порнографическими дипфейками и не требуется принимать отдельный закон по противодействию данному негативному социальному явлению.

Однако Пленуму Верховного Суда РФ необходимо принять соответствующее постановление и дать разъяснения для правоприменителя относительно преступлений, связанных с оборотом порнографических материалов или предметов.

Следует также обратить внимание, что в период пандемии коронавируса и карантина образовательные учреждения России перешли на дистанционное обучение с использованием программного обеспечения Zoom. По данным информационных источников, в г. Калуге и г. Саратове преступники пытались продемонстрировать порнографические фильмы на учебных занятиях с использованием платформы Zoom¹. По данному факту правоохранительные органы проводят проверку. Очевидно, что общество и государство оказались неспособны защитить детей от такого рода ситуаций. Полагаем, что Министерству просвещения необходимо разработать комплекс мер по защите обучающихся от воздействия порнографии в период проведения занятия с использованием платформы Zoom.

Таким образом, проведенное исследование новых форм оборота детской порнографии и их уголовно-правового предупреждения позволяет сформулировать вывод о том, что на законодательном и правоприменительном уровнях необходимо своевременно принимать меры в отношении киберпреступности и этим обеспечивать реализацию задач уголовного права.

Список литературы

1. *Делфино Р.А.* Порнографические дипфейки: следующий трагический акт феномена «порно из жести» и необходимость принятия уголовного закона на федеральном уровне // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 2. С. 105-141.

2. *Донченко А.Г. Токарева А.А.* Международное сотрудничество по противодействию преступлениям, связанным с сексуаль-

¹ Мать пятиклассника из Калуги заявила о трансляции порно на уроке православной культуры в Zoom. URL: <https://tjournal.ru/news/157971-matyatiklassnika-iz-kalugi-zayavila-o-translyacii-porno-na-uroke-pravoslavnoy-kultury-v-zoom> (дата обращения: 27.07.2020).

ной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями несовершеннолетних // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4 (123). С. 124-135.

3. Мазур А.А. Социально-криминологическое исследование интернет-груминга // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 1 (39). С. 142-146.

4. Осипенко А.Л., Соловьев В.С. Киберугрозы в отношении несовершеннолетних и особенности противодействия им с применением информационных технологий // Общество и право. 2019. № 3 (69). С. 23-31.

Зарецкая Елена Андреевна

*Аспирант кафедры уголовного права и уголовного процесса,
Донбасская юридическая академия,
Донецкая Народная Республика, Донецк*

Козюберда Вячеслав Иванович

*К.ю.н., доцент кафедры уголовного права
и уголовного процесса,
Донбасская юридическая академия,
Донецкая Народная Республика, Донецк*

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ
ОГРАНИЧЕННОЙ ВМЕНЯЕМОСТИ**

Аннотация. *Рассмотрены проблемы, касающиеся уголовно-правового значения признания лица ограниченно вменяемым. Предложено дополнить перечень обстоятельств, смягчающих наказание, указанием на признаки, подтверждающие состояние ограниченной вменяемости. Обоснована неуместность применения к ограниченно вменяемым принудительных мер медицинского характера.*

Ключевые слова: *ограниченная вменяемость, наказание, принудительные меры медицинского характера, психическая аномалия.*

Zaretskaia Elena Andreevna

*Postgraduate student of the Department of Criminal Law
and Criminal Procedure, Donbass Law Academy,
Donetskaya Narodnaya Respublika, Donetsk*

Kozyuberda Vyacheslav Ivanovich

*PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminal Procedure, Donbass Law Academy,
Donetskaya Narodnaya Respublika, Donetsk
kerriin_94@list.ru*

**CRIMINAL SIGNIFICANCE OF THE CATEGORY
OF LIMITED SANITY**

Abstract. *The article examines the problems related to the criminal-legal value of recognizing a person with limited responsibility. It is proposed*

to supplement the list of circumstances mitigating the punishment, indicating the signs confirming the state of limited sanity. The inappropriateness of the application of compulsory medical measures to persons with limited responsibility has been substantiated.

Keywords: *limited sanity, punishment, compulsory medical measures, mental anomaly.*

Практика проведения судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз уже давно подтвердила вывод о том, что психическая деятельность человека, в частности уровень осознания и волевого контроля, не имеет четких переходов. Поэтому в практике проведения судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз известны случаи, когда возможность сознательно-волевого контроля за своим поведением у лица не потеряна полностью, но в то же время ограничена. Учитывая, что категория ограниченной вменяемости является относительно новой, научные дискуссии по этому вопросу не прекращаются. Не менее спорными в литературе являются вопросы об уголовно-правовом значении того факта, что лицо в момент совершения преступления не могло в полной мере сохранять сознательно-волевым контролем за своим поведением. В ч. 2 ст. 21 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее УК ДНР) указывается, что признание лица ограниченно вменяемым учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для применения принудительных мер медицинского характера. Однако как именно суд должен учитывать это обстоятельство при назначении наказания, законодатель не конкретизирует. Такая законодательная позиция по меньшей степени является спорной, поскольку создает предпосылки для неограниченного судебного обзора при решении вопроса об уголовно-правовых последствиях признания лица ограниченно вменяемым.

Большинство ученых, которые исследовали рассматриваемую проблему, считает, что это обстоятельство должно рассматриваться судом как обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность [2, с. 76; 2, с. 162, 254; 6, с. 162-163; 9, с. 6]. Пленум Верховного Суда ДНР в постановлении от 18 ноября 2016 г. № 16 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» не выражает четкой позиции в этом вопросе. Отдельные ученые не просто предлагают рассматривать указанное обстоятельство как таковое, что смягчает уголовную ответственность, но и считают необходимым формализовать при этом

критерии смягчения наказания [10, с. 4-5]. Хотя справедливости ради следует указать, что судебная практика свидетельствует о том, что состояние ограниченной вменяемости суды не всегда рассматривают как обстоятельство, смягчающее наказание, в отдельных случаях его вообще не принимают во внимание при назначении наказания. Вместе с тем другие ученые более осторожно подходят к решению вопроса о том, должно ли это обстоятельство учитываться как смягчающее уголовную ответственность. Так, А.А. Васильев считает, что психическое расстройство или умственная отсталость, не исключающая вменяемости, только в зависимости от конкретных обстоятельств дела могут быть учтены судом при назначении наказания как смягчающее обстоятельство [1, с. 15]. П.С. Дагель считает, что наличие психических аномалий не только не должно учитываться как обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность, во всех случаях совершения преступления, но и в отдельных случаях может свидетельствовать даже о большей степени общественной опасности совершенного преступления. Как пример исследователь приводит сексуального маньяка, повышенная общественная опасность которого очевидна [3, с. 88]. Наличие у преступника психического расстройства, как считает А.В. Зайцев, не может однозначно ни смягчать, ни обременять наказание за совершенное им преступление. Он хоть и предлагает дополнить перечень обстоятельств, смягчающих наказание, указанием на состояние ограниченной вменяемости, но считает, что такое положение не дает возможности однозначно во всех случаях говорить о смягчении наказания лицу. Связано это, по его мнению, с тем, что субъект, признанный ограниченно вменяемым, может совершить какое-либо преступление, предусмотренное УК ДНР, и в зависимости от обстоятельств дела лицо и совершенное им деяние могут характеризоваться разной степенью общественной опасности. Поэтому он предлагает предусмотреть право суда, а не обязанность смягчить наказание такому лицу в зависимости от характера совершенного лицом преступления [5, с. 164, 169-171].

Известный исследователь проблем вменяемости и невменяемости Р.И. Михеев предлагает дополнить перечень обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность, указанием на психические аномалии. Однако учитывать их во всех случаях, считает он, было бы неправильным, поскольку психические аномалии, по его мнению, могут: а) снижать общественную опас-

ность личности преступника (например, при совершении психостеников преступления по неосторожности) б) иметь нейтральный характер, то есть не иметь значения для оценки характера и степени общественной опасности лица психически аномального преступника; в) повышать общественную опасность личности преступника (например, в случае сексуальных перверсий у лица, которое совершает половые преступления) [7, с. 96-97, 100, 103]. О.Д. Ситковская также считает, что, по общему правилу, снижение возможности осознано-волевого контроля за своим поведением лица во время совершения им преступления может учитываться судом как смягчающее обстоятельство. Вместе с тем, по ее мнению, в случае совершения преступления субъектом с психической аномалией в предмет доказывания обязательно должно включаться выяснение того, насколько повлияло психическое расстройство на принятие и реализацию решения о совершении преступления. Корректным, по ее мнению, будет также вопрос экспертам о том, осознавало ли (должно было ли осознавать) лицо наличие, характер и возможное влияние на поведение в конкретном случае психической аномалии. С учетом этого, считает автор, и будет решаться вопрос о том, следует ли указанные аномалии учитывать как обстоятельство, смягчающее наказание [11, с. 176-177].

По нашему мнению, аргументы тех ученых, которые пытаются отрицать самостоятельное уголовно-правовое значение ограниченной вменяемости как обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность, тот факт, что лицо во время совершения преступления не могло в полной мере сохранять сознательно-волевой контроль за своим поведением, не является убедительными по следующим причинам:

- тот факт, что лицо во время совершения преступления не могло в полной мере сохранять сознательно-волевой контроль за своим поведением, не теряет самостоятельное значение в качестве обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность, в зависимости от других обстоятельств, которые могут негативно характеризовать личность виновного или обусловили возникновение такого ее состояния;
- во-вторых, на наш взгляд, необходимо учитывать тот факт, что психическая деятельность лица, к сожалению, не столь прогнозируема и подконтрольна человеку, чтобы можно было утверждать, лицо знало или должно было знать о том, что в опреде-

ленной ситуации оно потеряет возможность в полной мере обеспечивать сознательно-волевой контроль за своим поведением, а тем более могло само повлечь за собой определенное состояние;

- все попытки обосновать усиление уголовной ответственности лиц с психическими аномалиями, по нашему мнению, необходимо рассматривать как своеобразные попытки возвращения к отдельным положениям антропологической школы уголовного права, когда основанием уголовной ответственности признавали сам факт наличия у лица психофизиологических аномалий.

По нашему мнению, установление того факта, что лицо во время совершения преступления не могло в полной мере обеспечивать сознательно-волевой контроль за своим поведением, может учитываться как обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность лица. Ведь общепризнанно, что на общественную опасность преступления влияют все его элементы. Если же говорить о существовании так называемой стандартной общественной опасности определенного состава, то все отклонения от этого «стандарта» должны учитываться или как повышающие общественную опасность, или как такие, что ее снижают. В нашем случае в силу того, что лицо во время совершения преступления не могло в полной мере обеспечивать сознательно-волевой контроль за своим поведением, можно говорить об отклонении от нормы в сторону уменьшения «стандартной» общественной безопасности такого элемента состава преступления как субъект, что само собой разумеется должно учитываться как обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность. Все остальные обстоятельства, если они имеют самостоятельное уголовно-правовое значение, также должны учитываться судом в совокупности при индивидуализации уголовной ответственности. Конечно, в данном контексте необходимо обратить внимание на те случаи, когда лицо оказывается в состоянии так называемого ослабленного сознательно-волевого контроля по собственной воле. Поэтому можно предположить случаи, когда указанное состояние теряет значение обстоятельства, уменьшает общественную опасность преступления, а следовательно и смягчает наказание. Однако и в этом случае, на наш взгляд, вряд ли есть основания утверждать необходимость усиления уголовной ответственности.

Дискуссионным является вопрос не только о том, нужно ли учитывать потерю лицом в полной мере возможности обеспечивать сознательно-волевой контроль за своим поведением во

время совершения преступления как обстоятельство, смягчающее или, наоборот, отягощающее уголовную ответственность, но и о возможности применения к такому лицу принудительных мер медицинского характера. Поскольку большинство ученых считают, что причиной уменьшения сознательно-волевого контроля является психическое расстройство, в соответствии с ч. 1 ст. 21 УК ДНР соответствует современной позиции законодателя, то понятно, что возникает вопрос о возможности принудительного медицинского лечения такого лица, а также форм и оснований такого медицинского вмешательства. Тем более что в соответствии с ч. 2 ст. 21 УК ДНР признание лица ограниченно вменяемым может быть основанием для применения к нему принудительных мер медицинского характера. Наиболее полное обобщение различных форм применения принудительных мер медицинского характера к упомянутой категории лиц сделал в свое время В.С. Трахтеров. Исследовав различные законодательные подходы к решению этой проблемы, он привел следующие возможные варианты решения этого вопроса: 1) применение системы прямой кумуляции, когда меры медицинского характера применяются вместе с мерами уголовной ответственности; 2) применение системы обратной кумуляции, когда перед мерами уголовной ответственности к лицу применяют меры медицинского характера; 3) применение только медицинских мероприятий; 4) применение модифицированных медицинских мероприятий с мероприятиями уголовной ответственности [12, с. 236]. Еще в 20-х годах XX века ученые предлагали создание специальных учреждений для лиц, совершивших правонарушения под влиянием психических аномалий, в которых бы режим содержания совмещали с лечением, обязательным трудом и с мерами, направленными на социальное перевоспитание. Сегодня такое предложение не утратило своей актуальности, в его поддержку приводятся новые аргументы [4, с. 74-75].

Исследуя этот вопрос, А.В. Зайцев считает, что учет психических расстройств при отбывании лицом наказания возможно и без создания для них специальных исправительных учреждений. Так, в соответствии со ст. 95 Уголовно-исполнительного кодекса Украины осужденные поддаются полному медицинскому обследованию для выявления инфекционных, соматических и психических заболеваний, а также первичному психолого-педагогическому и иному изучению. По результатам такого медицинского обследования, первичной психодиагностики и психолого-педаго-

гического изучения и на основании криминологической, уголовно-правовой характеристики на каждого осужденного создается индивидуальная программа социально-воспитательной работы, которая утверждается начальником колонии. Кроме того, согласно ч. 1 ст. 107 УИК Украины, относительно осужденных к лишению свободы предусмотрена возможность лечения. Таким образом, ученый делает вывод о том, что действующий УИК Украины предусматривает достаточно возможностей для обеспечения индивидуального подхода к отбыванию наказания в отношении осужденных, имеющих психические расстройства [5, с. 175-176].

В последнее время в юридической литературе достаточно активно обсуждается еще одна форма применения принудительных мер медицинского характера, если эти меры сочетаются с мерами уголовной ответственности, в частности с наказанием. Однако среди ученых нет единой точки зрения на основания, при наличии которых возможно одновременное применение этих мер. Отдельные ученые вообще не детализируют основания их применения [1, с. 15]. Другие считают, что решение этого вопроса не может происходить без надлежащей дифференциации. Так, по мнению В. Назаренко, необходимость назначения принудительных мер медицинского характера таким лицам вместе с наказанием возникает только в случае, когда ограниченно вменяемое лицо вследствие имеющегося у него психического расстройства представляет опасность для себя и других лиц и может снова совершить преступление. Это означает, что степень психического расстройства субъекта должна быть значимой, свидетельствовать о его потенциальной опасности. В противном случае в применении принудительных мер медицинского характера, по мнению ученого, нет необходимости [8, с. 149]. Н.А. Орловский считает, что к ограниченно вменяемому лицу могут быть применены наравне с наказанием такие принудительные меры медицинского характера, как предоставление амбулаторной психиатрической помощи в принудительном порядке или госпитализация в психиатрическое учреждение с обычным наблюдением. В случае осуждения такого лица к лишению свободы принудительное лечение должно происходить в местах лишения свободы [9, с. 16].

В ч. 2 ст. 21 УК ДНР предусмотрена возможность применения к лицу, имеющему психическое расстройство, не исключающее вменяемости, принудительных мер медицинского характера. Вместе с тем, на наш взгляд, это положение противоречит другим

положениям действующего УК ДНР, в частности ч. 1 ст. 21, где указывается, что лицо, признанное судом ограниченно вменяемым, подлежит уголовной ответственности. Однако, поскольку в ч. 2 ст. 21 УК ДНР предусмотрена возможность применения к указанной категории лиц принудительных мер медицинского характера, можно сделать вывод о том, что в отдельных случаях ограниченно вменяемое лицо не будет подлежать уголовной ответственности. Ведь указанные меры по действующему УК ДНР не входят в систему мер уголовной ответственности. Видимо, законодатель должен непосредственно предусмотреть возможность применения в таких случаях принудительных мер медицинского характера вместе с наказанием. Именно на таком применении принудительных мер медицинского характера настаивают отдельные ученые, полагая при этом, что ограниченно вменяемым возможно назначение только такой принудительной меры медицинского характера, как предоставление амбулаторной психиатрической помощи в принудительном порядке.

Невозможность применения принудительных мер медицинского характера вместе с наказанием обосновывается и тем, что сегодня среди предусмотренных видов таких мер лишь некоторые по своему содержанию могут быть назначены вместе с отдельными видами наказаний. Так, в случае назначения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, невозможно применить ни один из видов принудительных мер медицинского характера, ведь выполняются они в разных учреждениях и заведениях. При назначении исправительных работ, общественных работ, служебных ограничений для военнослужащих возможно назначить только амбулаторную психиатрическую помощь в принудительном порядке. И лишь в случае назначения более мягких видов наказаний возможно применить к лицу любой вид принуждения медицинского характера. Однако такое толкование уголовного закона и такая практика его применения, на наш взгляд, была бы явно несправедливой и нарушающей принцип равенства граждан перед законом. Ведь лица, к которым был применен более мягкий вид наказания, а следовательно представляющих меньшую общественную опасность, оказывались бы в худшем положении по сравнению с теми, к кому были применены более суровые виды наказаний.

Вместе с тем представляется, что сама проблема, а следовательно и ее решение находится не только в формальной плоско-

сти. Прежде всего необходимо содержательно рассмотреть вопрос о целесообразности и правомерности применения принудительных мер медицинского характера к указанной категории лиц. Рассматривая этот вопрос, А.В. Зайцев справедливо считает, что в отношении указанной категории лиц вообще неправильно предусматривать возможность применения принудительных мер медицинского характера. Они должны иметь возможность проходить лечение на добровольной основе [5, с. 191-192, 195-199]. Сегодня международные стандарты в области оказания психиатрической помощи признают приоритет добровольности ее предоставления, максимально ограничивая случаи возможного принудительного вмешательства. Такая же позиция прослеживается и в национальном законодательстве. Так, в соответствии со ст. 3 закона ДНР от 9 октября 2015 г. «О психиатрической помощи» одним из принципов оказания психиатрической помощи закреплен принцип ее добровольности. Принудительное оказание такой помощи допускается только в случае наличия у лица тяжелого психического расстройства, то есть расстройства психической деятельности, лишаящего человека способности адекватно осознавать окружающую действительность, свое психическое состояние и поведение. Более того, само по себе тяжелое психическое расстройство не является основанием для принудительного предоставления психиатрической помощи. Такая помощь в принудительном порядке предоставляется только тогда, когда имеются достаточные основания для обоснованного предположения о наличии у лица тяжелого психического расстройства, вследствие чего оно: 1) совершает или проявляет реальные намерения совершить действия, представляющие непосредственную опасность для него или окружающих, или 2) может самостоятельно удовлетворять свои основные жизненные потребности на уровне, обеспечивающем его жизнедеятельность, или 3) нанесет значительный вред своему здоровью в связи с ухудшением психического состояния в случае непредоставления ему психиатрической помощи. Очевидно, что применение к лицам, признанным ограниченно вменяемыми, принудительных мер медицинского характера противоречит приведенным выше положениям. Необходимо учитывать, что принудительные меры медицинского характера являются по своей сути прежде всего мерами психиатрической помощи, предоставление которой должно согласовываться с общепризнанными международными нормами медицинской этики.

Список литературы

1. *Васильев А.А.* Проблеми осудності у кримінальному праві: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Х., 2005.
2. *Голіна В., Ємельянов В., Петрюк П.* Проблеми боротьби зі злочинністю неповнолітніх з психічними аномаліями // *Право України.* 2005. № 10. С. 74-77.
3. *Дагель П.С.* Учение о личности преступника в советском уголовном праве: учеб. пособие. Владивосток, 1970.
4. *Емельянов В.П.* Преступность несовершеннолетних с психическими аномалиями. Саратов, 1980.
5. *Зайцев О.В.* Обмежена осудність у кримінальному праві України: монографія. Харків, 2007.
6. *Иванов Н.Г.* Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности: учеб. пособие для вузов. М., 1998.
7. *Михеев Р.И.* Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. Владивосток, 1983.
8. *Назаренко Г.В.* Невменяемость: уголовно-релевантные психические состояния. СПб., 2002.
9. *Орловська Н.А.* Осудність та її види (порівняльний аналіз законодавства України та інших держав): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Одеса, 2001.
10. *Приходько Т.М.* Проблема обмеженої осудності в кримінальному праві: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. К., 2001.
11. *Ситковская О.Д.* Психология уголовной ответственности. М., 1998.
12. *Трахтеров В.* Кримінальна відповідальність психічно неповноздатих // *Труды кафедры «Проблемы современного права» и Правового факультета Харьковского института народного хозяйства.* 1930. № 5.

Иванчин Артем Владимирович

*Д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии,
декан юридического факультета,*

*Ярославский государственный университет им П.Г. Демидова,
Россия, Ярославль*

**ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ
ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И (ИЛИ) ИНОГО ИМУЩЕСТВА
(СТ. 172² УК РФ): ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ
И РЕКОНСТРУКЦИИ СОСТАВА**

Аннотация. В статье анализируются проблемы применения и совершенствования ст. 172² УК РФ. По мнению автора, если умысел субъекта направлен на хищение денежных средств «вкладчиков» в отсутствие реальной предпринимательской деятельности, содеянное следует квалифицировать как мошенничество. Соответственно, ст. 172² УК РФ является резервным средством борьбы с «финансовыми пирамидами», а главным выступает ст. 159 УК. В плане совершенствования ст. 172² УК РФ необходимо, во-первых, уточнить ее диспозицию: «Осуществление деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества...». Во-вторых, оценочную формулировку «в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества» целесообразно заменить на формально-определенную «в объеме, равном или превышающем объем привлеченных денежных средств и (или) иного имущества». В-третьих, в целях углубления дифференциации ответственности диспозицию ч. 2 ст. 172² УК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное: а) в особо крупном размере; б) организованной группой».

Ключевые слова: статья 172², УК РФ, деятельность по привлечению денежных средств, финансовая пирамида, мошенничество, реконструкция состава, квалификация преступлений.

Ivanchin Artem Vladimirovich

*Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department
of Criminal Law and Criminology, Dean of the Faculty of Law,
Yaroslavl State University named after P.G. Demidov,
Russia, Yaroslavl
ivanchin@uniyar.ac.ru*

ORGANIZATION OF ACTIVITIES TO ATTRACT FUNDS AND (OR) OTHER PROPERTY (ART. 172² OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): ISSUES OF QUALIFICATION AND RECONSTRUCTION OF THE CORPUS DELICTI

Abstract. *The article analyzes the problems of application and improvement of art. 172² of the Criminal Code of the Russian Federation «Organization of activities to attract funds and (or) other property». According to the author, if the intent of the subject is aimed at stealing the funds of the «depositors» in the absence of real entrepreneurial activity, the deed should be qualified as fraud. Accordingly, art. 172² of the Criminal Code is a backup means of combating «financial pyramids», and the main thing is art. 159 of the Criminal Code. In terms of improving art. 172² of the Criminal Code it is necessary, first, to clarify its disposition: «Carrying out activities to attract funds and (or) other property...». Secondly, it is advisable to replace the estimated formulation «in a volume comparable to the volume of attracted funds and (or) other property» with a formally defined «in an amount equal to or exceeding the volume of attracted funds and (or) other property». Thirdly, in order to deepen the differentiation of responsibility, the disposition of p. 2 of art. 172² of the Criminal Code must be stated in the following edition: «The act provided for in part one of this article, committed: a) on an especially large scale; b) by an organized group».*

Keywords: *article 172², the Criminal Code of the Russian Federation, activities to attract funds, financial pyramid, fraud, reconstruction of the composition, qualification of crimes.*

В 2016 году в УК РФ была введена ст. 172² «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества». Однако до сих пор не сформировано стабильной и единообразной практики применения данной нормы, значительные сложности возникают и при ее разграничении со ст. 159 УК РФ как еще одним средством противодействия деятельности «финансовых пирамид». Кроме того, вряд ли можно назвать безупречной действующую редакцию ст. 172² УК РФ.

Чтобы разобраться в данных вопросах, необходимо первым делом дать краткую уголовно-правовую характеристику преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ. Объектом данного преступления является порядок привлечения денежных средств или иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц, предусмотренный ГК РФ, законом РСФСР «Об инвестиционной де-

тельности в РСФСР»¹ и иными нормативно-правовыми актами РФ. Объективная сторона преступления выражается в организации деятельности по привлечению денежных средств или иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц, в крупном размере (на сумму свыше 2 млн 250 тыс. руб.), при которой выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды «вкладчикам» осуществляются за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных «вкладчиков» при отсутствии инвестиционной и (или) иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества. При не крупном размере такой деятельности применяется ст. 14.62 КоАП РФ.

Очевидно, что состав данного преступления – формальный, оно полагается оконченным с момента получения денежных средств или иного имущества в указанном размере (зачисление денег на расчетный счет, внесение их в кассу и т.д.). Субъективная сторона выражается исключительно в прямом умысле на организацию указанной деятельности. Субъект – лицо, достигшее возраста 16 лет, фактически организовавшее привлечение денежных средств или иного имущества. Наконец, в ч. 2 ст. 172² УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак – особо крупный размер, который образует денежная сумма свыше 9 млн руб.

Теперь о проблемах. В первую очередь считаем необходимым заострить внимание на возникающих в практике сложностях разграничения преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, и мошенничества (ст. 159 УК РФ). Анализ данных статей и практики их применения приводит к выводу о том, что главным критерием их отличия выступает умысел субъекта. Если умысел лица направлен на хищение денежных средств «вкладчиков» в отсутствие реальной предпринимательской деятельности, содеянное следует квалифицировать как мошенничество. Так, согласно разъяснениям, изложенным в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»², в случае, если умысел лица направлен на хищение чужого имущества пу-

¹ Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» (с изм. и доп. от 26 июля 2017 г., № 205-ФЗ) // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 29, ст. 1005.

² Рос. газета. 2017. 11 дек.

тем обмана или злоупотребления доверием под видом привлечения денежных средств или иного имущества граждан или юридических лиц для целей инвестиционной, предпринимательской или иной законной деятельности, которую оно фактически не осуществляло, то содеянное в зависимости от обстоятельств дела образует состав мошенничества (ч. 1, 2, 3 или 4 ст. 159 УК РФ) или мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5, 6 или 7 ст. 159 УК РФ), при этом дополнительной квалификации по ст. 172² либо 200³ УК РФ не требуется.

Именно по этому пути, указанному Пленумом, в основном и идет судебная практика по конкретным уголовным делам. Так, апелляционным определением Пензенского областного суда от 08 августа 2018 г. по делу № 22-818/2018 был оставлен в силе приговор, на основании которого К.А. привлечен к ответственности по ч. 4 ст. 159 УК РФ за мошенничество в особо крупном размере. По делу установлено, что «умысел осужденного был направлен исключительно на противоправное и безвозмездное изъятие денежных средств у потерпевших». Способом такого изъятия выступал обман, который заключался в сообщении потерпевшим неполной и недостоверной информации: о якобы имеющей место инвестиционной деятельности ООО с целью побудить потерпевших к заключению договоров займа; о выплате в будущем высоких процентов за пользование денежными средствами, а также их возврате в установленные договорами сроки; о том, что компания имеет длительный период успешной работы. Потерпевшие в подавляющем большинстве являлись лицами преклонного возраста, и в связи с этим процесс введения их в заблуждение был существенно облегчен, в частности, когда К.А. и менеджеры, не осведомленные о его преступных намерениях, стали ссылаться на временные финансовые трудности, обещая исполнить обязательства по договорам позднее. Также при производстве по делу было достоверно установлено, что «К.А. объективно понимал невозможность возврата всем потерпевшим вложенных ими денежных средств, тем более с учетом обещаний о выплате процентов в явно завышенных размерах, и это при отсутствии осуществления названными компаниями какой-либо деятельности, приносящей реальную прибыль»¹.

¹ Апелляционное определение Пензенского областного суда от 8 августа 2018 г. по делу № 22-818/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Весьма показательным является также постановление Президиума Московского городского суда от 24 мая 2019 г. № 4у-2168/2019. В данном постановлении суд кассационной инстанции согласился с судебными актами нижестоящих судов, которыми действия К. были квалифицированы по ч. 2 ст. 159 УК РФ (16 преступлений), ч. 3 ст. 159 УК РФ (38 преступлений), ч. 4 ст. 159 УК РФ (4 преступления). Приведем цитату из мотивировочной части данного решения: «Как подтверждается совокупностью доказательств по делу, К. действовал с умыслом, направленным на хищение принадлежащих потерпевшим денежных средств, при этом, не имея намерений и реальной возможности выполнения принятых на себя обязательств, путем обмана, под видом заключения гражданско-правовых сделок оформлял договоры, принимал от потерпевших денежные средства, которые в реальной финансово-хозяйственной деятельности не использовал, а похищал их. Из регистрационных и юридических дел, а также банковских выписок усматривается, что организации с момента их создания никакой финансово-хозяйственной деятельности, в т.ч. инвестиционной деятельности на рынке финансовых услуг, не вели, между тем с 2011 года К. совместно с соучастниками получали принадлежащие потерпевшим денежные средства, которые впоследствии они похитили»¹.

Соответственно, при отсутствии умысла субъекта на хищение денег вкладчиков (либо его недоказанности, что с процессуальной точки зрения одно и то же) содеянное оценивается не по ст. 159 УК РФ, а по ст. 172² УК РФ. Наглядным примером является апелляционное определение Челябинского областного суда от 10 июня 2020 г. по делу № 10-1128/2020. Суд апелляционной инстанции, оставляя в силе приговор суда первой инстанции о переквалификации содеянного со ст. 159 УК РФ на ст. 172² УК РФ, указал буквально следующее: «Достоверных данных о том, что у М.А. имелся умысел на хищение денежных средств потерпевших путем обмана, который возник до заключения с каждым из потерпевших договора займа и получения денежных средств по нему, суду представлено не было. При этом само по себе составление договоров займа, договоров страхования, выдача приходно-кассовых ордеров потерпевшим, не свидетельствует в доста-

¹ Постановление Президиума Московского городского суда от 24 мая 2019 г. № 4у-2168/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

точной степени о том, что М.А. не собирался исполнять какие-либо обязательства»¹.

Добавим также, что мошенничество является более опасным преступлением в сравнении с организацией «финансовых пирамид». Закономерно поэтому, что наиболее опасные формы мошенничества – в составе организованной группы, в особо крупном размере или повлекшие лишение права гражданина на жилое помещение (ч. 4 ст. 159 УК РФ) – максимально наказываются лишением свободы на срок до десяти лет. В то же время санкция ч. 2 ст. 172² УК РФ в качестве наиболее суровой меры грозит виновным лишением свободы на срок до шести лет. Думается, что отмеченные различия в наказуемости вполне оправданы. При мошенничестве человека обманывают или злоупотребляют его доверием, т.е. он не понимает, что становится жертвой преступников. В случае же со ст. 172² УК РФ потерпевшие зачастую осознают, что вкладывают денежные средства в «пирамиду», но надеются заработать «быстрые» деньги и вывести их до обвала «пирамиды». То есть они нередко осознают риск потери денежных средств, но идут на это ради быстрого обогащения. При этом забывается, что «бесплатный сыр бывает только в мышеловке». Это обстоятельство, конечно же, не снимает ответственности с «пирамидостроителей», но, тем не менее, свидетельствует о пониженной в сравнении с классическим хищением степени опасности содеянного ими.

С учетом изложенного вряд ли есть основания, как это иногда утверждается, считать ст. 172² УК РФ избыточной нормой. Будто бы есть ст. 159 УК РФ, и ее вполне достаточно для борьбы с «финансовыми пирамидами». Отнюдь не так. Статья 172² УК РФ устранила действительно имевший место пробел в уголовном законе. Если у «пирамидостроителей» отсутствует умысел на хищение (либо – с позиции практики – этот умысел не доказывается), т.е., например, ими осуществлялась реальная экономическая деятельность, но в меньшем масштабе, нежели объем привлеченных средств, то оценка содеянного как мошенничества исключена. Вот в подобного рода ситуациях как раз и следует обращаться к ст. 172² УК РФ. С этих позиций анализируемую норму можно с известной долей условности назвать резервным средством борьбы с «финансовыми пирамидами», в качестве главного средства рас-

¹ Апелляционное определение Челябинского областного суда от 10.06.2020 по делу № 10-1128/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

смаывая ст. 159 УК РФ. К тому же, как верно отмечают специалисты, «действительным мотивом решения законодателя дополнить УК РФ статьей 172² «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» является не только неспособность правоприменителя использовать имеющиеся возможности уголовного закона для целей уголовно-правовой борьбы с финансовыми пирамидами, но и правовые свойства самой нормы (норм) об ответственности за мошенничество, несоответствие некоторых признаков состава мошенничества признакам пирамидной схемы» [1, с. 23; 2, с. 24-25].

Анализируя проблемы практической реализации ст. 172² УК РФ, следует заострить внимание на недостатках действующей её редакции, которые, на наш взгляд, снижают эффективность ее применения. Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что объективную сторону по ч. 1 и ч. 2 ст. 172² УК РФ образует не сама деятельность по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, имеющая признаки «финансовой пирамиды», а исключительно её *организация*.

Вместе с тем имеются, на наш взгляд, все основания утверждать, что подлинная воля законодателя в реальности была направлена на криминализацию не одной лишь организационной деятельности по созданию и обеспечению функционирования «финансовой пирамиды». Уместно обратиться к пояснительной записке к законопроекту, которым в УК РФ в 2016 г. была введена ст. 172². В качестве доминирующего мотива данной новации ее разработчиками указывалось на отсутствие в уголовном законе запрета функционирования «финансовых пирамид»: «Несмотря на угрозы, которые «финансовые пирамиды» несут для социально-экономической стабильности общества, действующее законодательство РФ не содержит каких-либо форм запрета на их создание и функционирование». Таким образом, предполагалось запретить не только организацию деятельности, но и саму деятельность.

Впрочем, это логично и соответствует законодательной практике конструирования родственных составов преступлений. Так, по ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство» уголовно наказуемым признается *осуществление* предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии, по ст. 171² «Незаконные организация и проведение азартных игр» – *неправомерные организация и (или) проведение азартных игр*, по ст. 172

«Незаконная банковская деятельность» – осуществление банковской деятельности с нарушением установленных правил. Как известно из теории построения составов преступлений, «законодатель должен стремиться к «изоморфизму» (одинаковости структур) при конструировании составов сходных преступлений» [3, с. 133-135].

Наконец, рассматриваемая статья была введена в УК РФ одновременно с дополнением КоАП РФ ст. 14.62 «Деятельность по привлечению денежных средств и (или) иного имущества», по которой привлекаются «строители финансовых пирамид», размах деятельности которых не достиг планки крупного размера. Тем самым законодателем произведена так называемая межотраслевая дифференциация ответственности за создание и обеспечение функционирования «финансовых пирамид». Однако объективную сторону административного нарушения по ст. 14.62 КоАП РФ образует «организация либо осуществление лицом деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества...». Разумеется, при межотраслевой дифференциации ответственности должна быть обеспечена преемственность между признаками составов нарушений разной отраслевой принадлежности, чего в анализируемом случае правотворцем ошибочно не сделано.

Таким образом, не вызывает никаких сомнений, что мы имеем дело с дефектом в нормативной конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 171² УК РФ. Как известно, применение уголовного закона по аналогии запрещено (ст. 3 УК РФ). Поэтому надо признать, что на сегодняшний день само по себе осуществление деятельности «финансовой пирамиды» находится за рамками ст. 172² УК РФ. Не секрет, правда, что практика (пусть и небогатая) применения данной нормы идет по пути расширительного ее толкования. К тому же весьма обширный круг действий подпадает под понятие «организация деятельности». Это регистрация соответствующего юридического лица, прикрывающего «финансовую пирамиду», выполнение в нем управленческих функций, в т.ч. руководство коллективом, приобретение или аренда помещений и мн. др. Но, тем не менее, рассуждая строго с позиции закона (а иному подходу не должно быть места в практике), из-за ошибки законодателя сегодня в ст. 172² УК РФ имеется пробел. С целью его устранения целесообразно в диспозиции ч. 1 ст. 172² УК РФ использовать следующую формулировку: «Осуществление

деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества...». В случае реализации данной идеи действия лиц, которые непосредственно не осуществляли саму деятельность «финансовой пирамиды», но умышленно участвовали в этом процессе, будут подлежать квалификации со ссылкой на ст. 33 УК РФ (например, действия организаторов – по ч. 3 ст. 33 и ч. 1 или ч. 2 ст. 172² УК РФ).

Во-вторых, в действующей редакции анализируемой статьи используется оценочное понятие «*сопоставимые объемы*». То есть для привлечения к уголовной ответственности требуется установить, что лицами не ведется бизнес, связанный с использованием привлеченных денежных средств, *в объемах, сопоставимых с объемами привлеченных денежных средств*. «Плюсы» и «минусы» оценочных понятий правоведам хорошо известны. С одной стороны, такие понятия, среди прочего, позволяют учесть всё многообразие жизненных ситуаций и в этом смысле максимально обеспечивают гибкость закона. С другой стороны, содержание оценочных понятий не формализовано, их установление отдано на откуп правоприменителям, а потому применение такого рода категорий традиционно представляет особую сложность. Одно дело при применении ст. 172² УК РФ установить, например, крупный размер привлеченных средств и совсем другое – отсутствие бизнеса «сопоставимого объема». Поскольку признак крупного размера законодателем формализован в примечании к ст. 170² УК РФ, постольку в первом случае достаточно доказать, что лицом получены деньги (на счет организации, в её кассу и т.д.) в сумме свыше 2 млн 250 тыс. руб. Во втором же случае возникает очевидная проблема – что считать «сопоставимым» объемом?

В теории законодательной техники составителям законопроектов рекомендуется излагать предлагаемые предписания, по общему правилу, с помощью формально-определенной лексики. Именно она позволяет обеспечить формальную определенность нормы права и, как следствие, более понятна для адресата закона [4, с. 72-75]. В свою очередь использование оценочных терминов должно быть исключением из указанного правила. И, как и любое иное исключение, должно иметь разумное обоснование. В этом смысле представляется оправданным, например, использование категории «особая жестокость» в п. «д» ч. 2 ст. 105 УК, так как полностью конкретизировать этот признак невозможно.

Поэтому возникает резонный вопрос, а можно ли было обойтись без использования оценочного признака «сопоставимый объем» в анализируемой статье? В отличие от качественного оценочного признака «особая жестокость» оценочный признак «сопоставимый объем» является количественным и вполне поддающимся, на наш взгляд, формализации. Общественная опасность «строительства финансовых пирамид» состоит в том, что «строители» либо не ведут иной (нормальной) хозяйственной деятельности, помимо привлечения денег, либо ведут ее, но в меньшем масштабе, нежели это требуется для исполнения своих обязательств перед всеми инвесторами (вкладчиками). Отсюда, и в редакции ст. 172² УК РФ, как представляется, необходимо было прямо указать на эту особенность «финансовой пирамиды» (в «объеме, равном или превышающем объем...»), а не «наводить тень на плетень», заметно осложняя восприятие и применение и без того непростой уголовно-правовой нормы.

Кстати сказать, этот недостаток ст. 172² УК РФ вызывал обоснованные сомнения еще у сотрудников профильного комитета парламента: «...Проектная норма содержит оценочные понятия, например, такие как «сопоставимые объемы». Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ в своих постановлениях, нормы уголовного закона должны быть четкими и определенными»¹. К сожалению, несмотря на сделанное комитетом Госдумы замечание, в итоговой редакции рассматриваемой нормы оценочное понятие «сопоставимый объем» было сохранено. Вместе с тем следственно-судебная практика «сигнализирует», что в т.ч. из-за данного дефекта правоохранительные органы неохотно применяют ст. 172² УК РФ. Поэтому для оптимизации данной нормы и практики ее применения желательно в краткосрочной перспективе заменить оценочную формулировку «в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества» на формально-определенную «в объеме, равном или превышающем объем привлеченных денежных средств и (или) иного имущества».

¹ Заключение Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству от 12 ноября 2015 г. № 164 «О проекте Федерального закона № 881156-6 “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

В-третьих, одним из важных направлений уголовной политики признается качественная дифференциация уголовной ответственности в законе. Соответственно, условием эффективного и справедливого применения уголовно-правового запрета является последовательная и глубокая дифференциация уголовной ответственности за соответствующее преступление. Оценивая через призму теории дифференциации ст. 172² УК РФ, следует обратить внимание на наличие в ней резервов для совершенствования.

Так, сегодня, как уже отмечалось, ответственность за организацию деятельности «финансовой пирамиды» градуирована лишь с помощью одного квалифицирующего признака – особо крупный размер привлеченных средств (иного имущества), т.е. превышающий планку в размере 9 млн руб. Если обратиться к ст. 171, 171³, 172 и иным статьям УК РФ, которые предусматривают ответственность за родственные преступления (осуществление иных видов незаконной экономической деятельности), то, помимо названного признака, законодатель в целях углубления ответственности нередко использует также признаки совершения преступления в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы либо использования винным своего служебного положения.

Из данных трех усиливающих наказание признаков два, на наш взгляд, обоснованно проигнорированы законодателем при конструировании квалифицированного состава преступления в ч. 2 ст. 172² УК РФ, а именно признак группы лиц по предварительному сговору и признак использования служебного положения. Дело в том, что, как показывает изученная нами практика, осуществление деятельности «финансовой пирамиды» в большинстве случаев немислимо в одиночку и без использования служебного положения. Как правило, деятельность «пирамиды» ведется от имени юридического лица, управленцы которого (фактические или формальные) и несут ответственность по ст. 172² УК РФ. Разумеется, с точки зрения уголовного закона данные лица признаются использующими свое служебное положение. Соответственно, в случае дополнения данной статьи признаком использования служебного положения на долю ч. 1 будет приходиться мизерное число случаев применения статьи в целом. Равно как и в случае гипотетического введения в ч. 2 ст. 172² УК РФ признака группы лиц по предварительному сговору, который также вы-

ступает атрибутом большинства преступлений рассматриваемого вида. В связи с этим один из основоположников отечественной теории дифференциации уголовной ответственности Л.Л. Кругликов верно отмечает, что «обстоятельства, которым придается статус квалифицирующих признаков, не должны быть нормой для большинства преступлений с основным составом» [5, с. 100].

Однако отмеченное правило не будет нарушено при введении в анализируемую уголовно-правовую норму квалифицирующего признака организованной группы. Данное обстоятельство не является «нормой» для случаев построения «финансовых пирамид» и в то же время существенно увеличивает уровень общественной опасности содеянного. Поэтому в целях углубления дифференциации ответственности в порядке *de lege ferenda* предлагаем диспозицию ч. 2 ст. 172² УК РФ изложить в следующей редакции: «Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное: а) в особо крупном размере; б) организованной группой».

Список литературы

1. *Аснис А.Я.* Некоторые проблемы уголовной ответственности за организацию финансовых пирамид // Адвокат. 2016. № 11. С. 21-29.
2. *Антонов В.Ф.* Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств либо иного имущества: вопросы квалификации // Безопасность бизнеса. 2020. № 5. С. 21-25.
3. *Иванчин А.В.* Конструирование состава преступления: теория и практика. М.: Проспект, 2014.
4. *Кобзева Е.В.* Теория оценочных признаков в уголовном законе. М.: Юрлитинформ, 2009.
5. *Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е.* Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.

Кирова Татьяна Александровна
*Старший преподаватель кафедры
уголовного права и прокурорского надзора,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Россия, Пермь*

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ КАРТЫ: ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Аннотация. *В последнее время ведение медицинской документации переводится в электронную форму. С одной стороны, это значительно упрощает документооборот медицинской организации и облегчает возможность ознакомления пациентов с соответствующей информацией о своем здоровье и об оказанных ему медицинских услугах. С другой стороны, искажение сведений, содержащихся в первичных медицинских документах, становится проще. В связи с этим возникают вопросы о том, являются ли данные действия уголовно-наказуемыми, и как именно их следует квалифицировать. Автором предлагается два варианта уголовно-правовой оценки фальсификации электронной медицинской карты.*

Ключевые слова: *медицинская документация, мошенничество, обязательное медицинское страхование, подделка официального документа, преступления медицинских работников, служебный подлог.*

Kirova Tatyana Aleksandrovna
*Senior Lecturer of the Department
of Criminal Law and Prosecutorial Supervision,
Perm State National Research University, Russia, Perm
tanumtseva@mail.ru*

FALSIFICATION OF ELECTRONIC MEDICAL RECORDS: ISSUES OF CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT

Abstract. *Recently, the maintenance of medical records is being transferred to an electronic form. On the one hand, this greatly simplifies the document flow of a medical organization and makes it easier for patients to become familiar with relevant information about their health and the medical services provided to them. On the other hand, misrepresenting the information contained in primary medical records becomes easier. This raises the question of whether these actions are*

criminally punishable and how exactly they should be qualified. The author suggests two variants of criminal-legal assessment of falsification of electronic medical records.

Keywords: *compulsory medical insurance, crimes of medical workers, forgery of an official document, fraud, medical documentation, official forgery*

Цифровые технологии активно внедряются во все сферы человеческой жизнедеятельности. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы предполагает развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры, направленной на обеспечение доступа к информации на всех этапах ее создания и распространения¹. Во многих случаях это существенно облегчает некоторые процессы, особенно 'то касается документооборота. В то же время возрастают риски различного рода технических сбоев, а в ряде случаев злоупотреблений со стороны пользователей электронных технологий. Рассмотрим это на примере электронной медицинской карты.

В 2012 г. Министерство здравоохранения РФ разработало «дорожную карту», согласно которой с 01 декабря 2014 года все мероприятия по введению в действие сервиса «Электронная медицинская карта» должны быть завершены². Результатом реализации данных мероприятий стала Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения, включающая в себя ряд подсистем, в т.ч. федеральную интегрированную электронную медицинскую карту и федеральный реестр электронных медицинских документов³. На основании данного нормативного акта документооборот медицинской организации должен быть переведен в цифровой формат. Требования к структуре электронной медицинской карты (далее ЭМК) ре-

¹ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> Дата опубликования: 10.05.2017.

² Письмо Минздрава России от 10 августа 2012 г. № 18-1/10/2-1336 «О направлении дорожной карты по реализации проекта по вводу в эксплуатацию сервиса «Электронная медицинская карта» в медицинских организациях РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Правительства РФ от 5 мая 2018 г. № 555 «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения» (с изм. и доп. от 19 декабря 2020 г., № 2174) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. Дата опубликования: 07.05.2018.

гламентированы Минздравом РФ¹, ее содержание аналогично соответствующему документу на бумажном носителе. Обязанность по внесению сведений в ЭМК возлагается на медицинско-го работника.

Тем не менее, следует признать, что как бумажная, так и электронная медицинская карта не имеют гарантий защиты от фальсификации. УК РФ говорит о фальсификации в семи статьях, однако ни одна из них не может быть применена для квалификации подобных действий в отношении медицинской документации, поскольку в них прямо указан предмет соответствующего преступления (например, фальсификация итогов голосования, фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации, фальсификация доказательств и т.п.). Отсутствие специальной уголовно-правовой нормы, возлагающей на медицинских работников обязанность по недопущению фальсификации первичной медицинской документации, в т.ч. ЭМК, обуславливает необходимость исследования возможности применения к ним общих составов преступлений, связанных с неправомерным изменением содержания документов.

В юридической литературе применительно к соответствующим действиям достаточно часто используется понятие «подлог». Легальное понятие подлога дается в ч. 1 ст. 292 УК РФ, согласно которой подлог представляет собой «внесение в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание». Стоит сказать, что применительно к ЭМК возможен только вариант внесения в нее недостоверных сведений, физический подлог невозможен по причине нематериальности данного документа.

На первый взгляд, именно ст. 292 УК РФ максимально подходит для уголовно-правовой оценки фальсификации ЭМК, однако не все так просто. Служебный подлог относится к числу должностных преступлений, посягающих на интересы публичной власти и совершаемых должностными лицами. Предметом данного преступления выступают официальные документы. Проанализируем, есть ли возможность применения данной уголовно-правовой нормы к действиям медицинского работника по внесению в ЭМК заведомо ложных сведений.

¹ Основные разделы электронной медицинской карты, утв. Минздравом России 11 ноября 2013 г. № 18-1/1010 // СПС «КонсультантПлюс».

В ГОСТ Р 7.0.8-2013. «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечно-му и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» официальный документ определяется как «документ, созданный организацией, должностным лицом или гражданином, оформленный в установленном порядке»¹. Федеральный закон «Об обязательном экземпляре документов»² дает более детальную дефиницию: «это материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения». Абстрагируясь от признака материальности, следует признать, что ЭМК в полной мере отвечает другим признакам документа.

Высшая судебная инстанция РФ уточняет свойства официального документа, выступающего предметом служебного подлога. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» устанавливает, что им является «официальный документ, удостоверяющий факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей»³. Применительно к ЭМК следует вспомнить положения уже названного акта Минздрава РФ «Основные разделы электронной медицинской карты», согласно которому ЭМК представляет собой «совокупность электронных персональных медицинских записей (ЭПМЗ), относящихся к одному пациенту, собираемых, хранящихся и используемых в рамках одной медицинской организации», последние, в свою очередь, приобретают статус «официального (юридически значимого) медицинского документа». Сведения, содержащиеся в ЭМК, могут послужить ос-

¹ ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечно-му и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст) // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (с изм. и доп. от 8 июня 2020 г., № 166-ФЗ) // Рос. газета. 1995. 17 янв.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (с изм. и доп. от 24 декабря 2019 г., № 59) // БВС РФ. 2013. № 9.

нованием для выдачи пациенту листа временной нетрудоспособности, предоставления ему рецептурных лекарственных средств и т.п. Таким образом, системное толкование приведенных положений позволяет сделать вывод о том, что ЭМК может быть признана официальным документом с точки зрения признаков предмета служебного подлога.

Однако, говоря о служебном подлоге, возникает вопрос о возможности соответствия медицинского работника признакам субъекта данного преступления. Судебная практика вслед за рекомендациями Верховного Суда РФ идет по пути квалификации внесения недостоверных сведений в медицинскую документацию, в т.ч. в электронной форме, по ст. 292 УК РФ¹. Тем не менее, нами последовательно отстаивается тезис о невозможности признания медицинских работников должностными лицами [1, с. 493; 2]. Солидарны с таким утверждением и некоторые другие ученые [3, с. 47; 4, с. 42]. Врачи и средний медицинский персонал, в обязанности которых входит ведение ЭМК, не выполняют управленческих полномочий, и по этой причине не могут быть признаны публичными служащими. Кроме того, представляется сомнительным причинение вреда интересам публичной службы в результате фальсификации ЭМК, механизм развития событий в данном случае другой. Сказанное приводит к выводу о невозможности квалификации внесения заведомо ложных сведений в электронную медицинскую документацию как служебного подлога.

Еще один вариант, который можно рассмотреть с точки зрения уголовно-правовой оценки рассматриваемых действий медицинских работников – возможность их квалификации как подделки официального документа по ч. 1 ст. 327 УК РФ. Разъясняя признаки официального документа, являющегося предметом данного преступления, Пленум Верховного Суда РФ указал, что это «документы, способные повлечь юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения обязанностей или освобождения от них, изменения объема прав и обязанностей»². В качестве примера таковых приводятся ли-

¹ Постановление Слободского районного суда Кировской области от 7 февраля 2020 г. по делу № 1-49/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/yr63pIcVrPYp/> (дата обращения: 25.12.2020).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2020 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмо-

сток временной нетрудоспособности и медицинское заключение об отсутствии определенных заболеваний. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что выдача указанных юридически значимых документов основывается на предшествующем оформлении первичной медицинской документации, к которой и относится ЭМК. При этом может иметь место фальсификация ЭМК, не сопряженная с оформлением листа временной нетрудоспособности, медицинский работник может руководствоваться таким соображением, как желание скрыть дефекты оказания медицинской помощи, стремление сымитировать факт обращения пациента в медицинскую организацию или факт получения им медицинских услуг в большем объеме, нежели это было в действительности, и др. Сказанное обуславливает необходимость исследования субъективной стороны рассматриваемых нами действий.

Стоит отметить, что после внесения в ЭМК требуемых сведений и подписания соответствующей электронной персональной медицинской записи информация направляется для получения оплаты оказанных медицинских услуг. Если речь идет о последующем оформлении «больничного листа», то его оплата производится Фондом обязательного медицинского страхования¹, если медицинские услуги оказываются в рамках обязательного медицинского страхования, в процесс включаются также страховые компании². Так или иначе, в дальнейшем происходит распределение денежных средств, сформированных за счет страховых взносов, предусмотренных действующим законодательством.

Обратим внимание на тот факт, что медицинские работники, оформляющие медицинскую документацию, осведомлены о том, какие юридически значимые последствия наступают на основании представляемых ими сведений. Поэтому представляется логичным сделать вывод о том, что фальсификация ЭМК для них

тренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Рос. газета. 2020. 30 дек.

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (с изм. и доп. от 29 декабря 2020 г., № 478-ФЗ) // Рос. газета. 2006. 31 дек.

² Приказ Минздрава России от 28 февраля 2019 г. № 108н «Об утверждении Правил обязательного медицинского страхования» (с изм. и доп. от 25 сентября 2020 г., № 1024н) // Рос. газета. 2019. 22 мая.

выступает начальным этапом реализации умысла, направленного на нарушение общественных отношений в экономической сфере. Исходя из этого, по нашему мнению, при уголовно-правовой оценке подобных деяний следует придерживаться логики, заложенной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»¹:

- если медицинский работник вносит недостоверные сведения в ЭМК для последующего получения денежного вознаграждения (например, запроваденную диспансеризацию граждан), то он вводит в заблуждение территориальный орган Фонда обязательного медицинского страхования, используя для этого возможность внесения недостоверных сведений в ЭМК, предоставленную ему в силу его служебного положения. В таком случае его действия следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 УК РФ и ч. 3 ст. 159 УК РФ;

- если данные действия совершаются для дальнейшего фактически необоснованного оформления листа временной нетрудоспособности, то медицинский работник осознает, что лицо, предъявляющее в дальнейшем такой «больничный лист», обманывает территориальный орган Фонда обязательного медицинского страхования относительно своего права на получение пособия по временной нетрудоспособности. Более того, путем фальсификации ЭМК медицинский работник облегчает совершение хищения получателем «больничного листа». Следовательно, его действия подлежат квалификации так же, как и в первом из приведенных нами случаев, по ч. 1 ст. 327 УК РФ и как пособничество в мошенничестве по ч. 5 ст. 30 и соответствующей части ст. 159 УК РФ.

Сделанные выводы не претендуют на статус единственно верного варианта уголовно-правовой квалификации и могут послужить ориентиром для дальнейших научных дискуссий относительно правовой природы электронных медицинских карт и иной документации и путей уголовно-правовой оценки внесения в них заведомо ложных сведений.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Рос. газета. 2017. 11 дек.

Список литературы

1. *Боровых Л.В, Кирова Т.А.* Уголовно-правовой взгляд на профессиональный статус медицинских работников // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 478-498.
2. *Кирова Т.А.* Соотношение понятий «медицинский работник» и «публичный служащий» // Медицинское право. 2018. № 1. С. 19-23.
3. *Назаров О.В.* Еще раз о субъектах получения взятки, или слово в защиту медиков // Адвокат. 2014. № 3. С. 44-55.
4. *Сучков А.В.* К вопросу о противоречивости оснований квалификации преступных деяний медицинских работников при исполнении профессиональных (должностных) обязанностей по ст. 293 УК РФ «Халатность» // Медицинское право. 2013. № 6. С. 40-48

Князьков Александр Александрович

*К.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Россия, Ярославль*

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ КОРОНАВИРУСА:
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ**

Аннотация. *В работе рассматриваются правовые подходы противодействия распространению новой коронавирусной инфекции на примере законодательных поправок, внесенных в апреле 2020 г. в УК РФ, анализируется технико-юридическое совершенство новелл, выявляются проблемы законодательной техники и дифференциации ответственности, а также потенциальные трудности правоприменительной практики. Внесенные в уголовное законодательство изменения, по мнению автора, не являются оптимальными с точки зрения конструкции изложения нормативного материала и не будут широко применяться в отечественной судебной практике.*

Ключевые слова: *коронавирус, законодательная техника, дифференциация ответственности, конструкция состава, санитарно-эпидемиологические правила, публичное распространение информации, сокрытие информации об опасности заражения*

Knyazkov Alexander Alexandrovich

*Candidate of Law Sciences, Associate Professor
of the Department of Criminal Law and Criminology,
Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Russia, Yaroslavl
alknyazkov@mail.ru*

**THE SPREAD OF CORONAVIRUS:
CRIMINAL-LEGAL REGULATION**

Abstract. *The article considers legal approaches to counteract the spread of a new coronavirus infection on the example of legislative amendments made in April 2020 to the criminal code of the Russian Federation, analyzes the technical and legal perfection of novels, identifies problems of legislative technique and differentiation of responsibility, as well as potential difficulties in law enforcement practice. According to the author, the changes made to the criminal law are not optimal from the*

point of view of the structure of the presentation of normative material and will not be widely applied in domestic judicial practice.

Keyword: *coronavirus, legislative technique, differentiation of responsibility, composition design, sanitary and epidemiological rules, public dissemination of information, concealment of information about the risk of infection.*

В начале 2020 г. человечество столкнулось с беспрецедентной угрозой в виде новой инфекции, впоследствии получившей наименование COVID-19. Темп и масштабы ее распространения, количество жертв и наступившие последствия вынудили ВОЗ 11 марта 2020 г. объявить состояние глобальной пандемии. В связи с этим подавляющее большинство государств, включая Россию, приняли многочисленные меры, в т.ч. правового характера, направленные на сдерживание дальнейшего распространения коронавирусной инфекции, в целях недопущения наступления возможных еще больших негативных последствий. Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ УК РФ был дополнен двумя новыми составами преступлений о запрете публичного распространения социально значимой информации, не соответствующей действительности, а также были внесены изменения в «мертвую» ст. 236 УК РФ, которая на практике почти не применяется (за 2019 г. осуждено всего 6 чел.). Проанализируем новые подходы законодателя.

1. Изначально, смысл появления ст. 207.1 и 207.2 УК был очевиден – публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации создает угрозу причинения вреда и (или) причиняет реальный вред интересам общественной безопасности, что в условиях сложной эпидемиологической ситуации является значимым мероприятием по сдерживанию панических настроений.

Однако по непонятным причинам законодатель, игнорируя принципы экономии изложения нормативного материала, посчитал необходимым изложить один состав преступления в двух отдельных статьях, разграничив их по конструкции – формальный (ст. 207.1 УК) и материальный (ст. 207.2 УК) и частично – по предмету преступления. По смыслу уголовного закона, предмет преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, является более широким по отношению к предмету ст. 207.1 УК РФ: в понятие информации можно включить все сведения, вызывающие либо способные вызвать общественный резонанс.

В частности, согласно ч. 1.1 ст. 15.3 федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ общественно значимой признается информация, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращению функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи. Поэтому к общественно значимой информации может быть отнесена также информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств. С учетом этого публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, о которой идет речь в примечании к ст. 207.1 УК РФ, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью, смерть человека или иные тяжкие последствия, квалифицируется по соответствующей части ст. 207.2 УК РФ. Если в результате этих действий указанные последствия не наступили, содеянное надлежит квалифицировать по ст. 207.1 УК РФ².

Согласно примечанию к указанной статье, обстоятельствами, представляющими угрозу жизни и безопасности граждан, в ст. 207.1 УК РФ признаются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в т.ч. эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения.

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп. от 30 декабря 2020 г. № 530-ФЗ)// Рос. газета. 2006. 29 июля.

² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г. (ответ на вопрос № 15) // СПС «КонсультантПлюс».

Верховный Суд РФ в указанном ранее Обзоре разъяснил, что обстоятельства распространения новой коронавирусной инфекции на территории РФ относятся к обстоятельствам, представляющим угрозу жизни и безопасности граждан, на которые указано в примечании к ст. 207.1 УК РФ, поскольку распространение новой коронавирусной инфекции на территории РФ в настоящее время повлекло и может еще повлечь человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения, и на противодействие ее распространению направлены принимаемые меры по обеспечению безопасности населения и территорий.

Неотъемлемым признаком каждого из этих действий является публичный характер его совершения. Представляется спорной позиция А.Г. Кибальника о том, что признак публичности будет наличествовать лишь в случае восприятия такой информации как минимум двумя людьми, не являющимися соучастниками [3, с. 42]. Полагаем, что единство толкования оценочных терминов уголовного закона должно прослеживаться по аналогии со статьей 319 УК РФ (публичное оскорбление представителя власти), где практика традиционно исходит из того, что для признания публичности достаточно наличия хотя бы одного постороннего лица [2, с. 75]. Однако Верховный Суд РФ во втором «антикоронавирусном» обзоре указал иначе: «Распространение следует признавать публичным, если такая информация адресована *группе* или неограниченному кругу лиц»¹. По духу коронавирусного периода эволюции судебной практики такое разъяснение видится уместным (вряд ли сообщение одному лицу можно признавать общественно опасным уголовно-наказуемым деянием), однако различное толкование одних и тех же оценочных понятий, повторимся, должно быть *de lege ferenda* ликвидировано.

Заведомо ложный характер может касаться только конкретных фактов наличия (отсутствия) обстоятельств, сведений о принимаемых мерах, а также приемах и способах защиты, перечисленных в диспозиции ст. 207.1 УК РФ. Например, если лицо публично отрицает наличие пандемии COVID-19, официальные

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г. (ответ на вопрос № 13). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

данные о ее распространении либо осуществленные меры по ее предупреждению или минимизации последствий, оно совершает рассматриваемое преступление. В случае, когда лицо критически оценивает (неважно, в какой плоскости) масштабы и возможные последствия этой пандемии, о совершении преступления речь идти не может [3, с. 43].

Одним из обязательных условий наступления ответственности по ст. 207.1 или ст. 207.2 УК РФ является распространение заведомо ложной информации под видом достоверной. О придании ложной информации вида достоверной могут свидетельствовать, например, формы, способы ее изложения (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.), использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям.

Серьезным сбоем законодательной техники при конструировании ст. 207.2 УК РФ является то, что речь в ней идет о единственном потерпевшем, это означает, что количество потерпевших на квалификацию влиять не должно. С другой стороны, правоприменитель неизбежно столкнется с трудностями уголовно-правовой оценки по указанной статье в случае наступления «иных тяжких последствий» (ч. 2 ст. 207.2 УК РФ), к которым следует отнести (в контексте рассматриваемого законоположения главы 24 УК РФ) не только возникновение массовых волнений и беспорядков, нарушение мер, принятых для обеспечения безопасности населения и территорий и т.п., но также и причинение вреда здоровью нескольким потерпевшим [4, с. 170], что неизбежно приведет к конкуренции ч. 1 и ч. 2 рассматриваемого состава преступления. Избыточность оценочных признаков в отсутствие аутентического толкования¹ – дополнительная «головная боль» для практики.

2. Наряду с появлением двух новых статей в главе 24 УК РФ, изменения были внесены в статью о нарушении санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ). Главная и, к сожалению, небесспорная поправка выражается в том, что законодатель изменил свой подход к криминализации данного деяния. Отныне состав преступления ст. 236 УК РФ будет наличествовать уже в случае, если создана реальная опасность наступления указан-

¹ Если не считать два указанных Обзора, подготовленных Президиумом Верховного Суда РФ, которые принимались в экстренном порядке и носят экстраординарный характер.

ных в диспозиции последствий. Таким образом, состав нарушения санитарно-эпидемиологических правил стал по своей конструкции формально-материальным с одновременным ужесточением санкции (добавлены принудительные работы и лишение свободы, увеличены верхние пределы основных наказаний). К такому решению законодателя, полагаем, следует отнестись критически, поскольку создание ситуации угрозы наступления последствий всегда менее опасно, чем их реальное наступление, как следствие размещать в одной части статьи разные по своему «заряду» и степени общественной опасности деяния с точки зрения теории криминализации представляется нам некорректным. Кроме того, санкция в виде лишения свободы до двух лет по ч. 1 указанной статьи вряд ли позволит правоприменителю в должной мере индивидуализировать наказание.

В связи с тем, что в практике ст. 236 УК РФ не применяется, доктрина не пришла к единому пониманию признака «массовость». Под массовым заболеванием понимается традиционно заболевание группы людей, сосредоточенных на определенной территории, требующих медицинского вмешательства. Заболевание следует считать массовым, если число заболевших превышает количество пациентов, которое по нормам или на практике может быть принято врачом в течение рабочего дня [4, с. 210]. В связи с этим следует только приветствовать попытку (первую для судов) Президиума Верховного Суда РФ предложить нижестоящим судам ориентир по интерпретации данного понятия. При решении вопроса об отнесении заболевания или отравления к массовому следует принимать во внимание не только количество заболевших или получивших отравление людей, но и тяжесть заболевания (отравления). Для определения масштабов заболевания или отравления суд вправе привлечь соответствующих специалистов, например представителей федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных осуществлять государственный санитарно-эпидемиологический надзор или надзор в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека¹.

3. Оживленные дискуссии возникли при обсуждении вариантов привлечения к уголовной ответственности за нарушение т.н. «режима самоизоляции». Режим самоизоляции – продукт творчества исключительно российской правовой действительности,

¹ Обзор Президиума Верховного суда РФ от 30 апреля 2020 г. № 2 (ответ на вопрос № 14).

при этом он не был установлен и определен федеральным законодательством. Впервые термин «самоизоляция» упоминается в указе Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности»¹. В острый период пандемии неоднократно звучали тезисы об ужесточении практики в отношении лиц, нарушивших режим самоизоляции, и привлечении их по ст. 236 УК РФ [1, с. 56]. Подобные высказывания не имеют под собой правовых оснований. Очевидно, что само по себе нарушение режима самоизоляции не предполагает привлечение лица к уголовной ответственности.

Однако если в результате нарушения лицом режима самоизоляции будет установлено, что такое действие напрямую связано с нарушением санитарно-эпидемиологических правил и повлекло за собой по неосторожности массовое заболевание либо создало угрозу массового заболевания, либо повлекло по неосторожности смерть другого лица (других лиц) (т.е. содержит признаки уголовно наказуемого деяния), то это лицо может быть привлечено к уголовной ответственности на основании ст. 236 УК РФ. Следует признать, что в настоящее время соответствующая правоприменительная практика (к счастью) отсутствует.

4. И последнее. Широкий резонанс вызвало возбуждение уголовного дела в отношении главного инфекциониста Ставропольского края по ст. 237 УК РФ. Работая профессором в Ставропольском государственном медицинском университете и будучи главным внештатным специалистом по инфекционным болезням Минздрава России по субъекту, С. в период с 06.03.2020 по 09.03.2020 без ведома руководства университета и Минздрава выезжала в г. Мадрид. По возвращении она вышла на работу 10.03.2020, при этом контактировала с 13 иностранными студентами и с 11 работниками кафедры. 17.03.2020 С. была госпитализирована в краевую инфекционную клиническую больницу с подозрением на коронавирусную инфекцию².

Полагаем, что заявленная следствием квалификация является ошибочной. Объективная сторона данного деяния выражается либо в сокрытии (утаивании) информации, составляющей предмет данного преступления, либо в ее искажении в случаях, когда

¹ Рос. газета. 2020. 05 мар.

² Коронавирус «оживил» статью 237 Уголовного кодекса. URL: <https://www.ugpr.ru/news/3289-koronavirus-ojivil-statyu-237-ugolovnogo-kodeksa> (дата обращения: 01.08.2020).

обязанность ее предоставления населению и органам, уполномоченным на принятие мер по устранению опасности, закреплена в нормативно-правовых актах. При этом субъектом преступления может быть только лицо, должностной обязанностью которого является обеспечение населения и специальных органов информацией о грозящей опасности. Очевидно, что в должностной инструкции профессора кафедры, как и главного внештатного специалиста краевого Минздрава, не может быть пункта, обязывающего сообщать руководству о своих передвижениях. С. выезжала в Испанию как частное лицо и должна была уведомить администрацию Ставропольского медицинского университета как рядовой его сотрудник. За невыполнение этой обязанности она могла быть привлечена лишь к дисциплинарной ответственности, но явно не к уголовной. Кроме того, специальным субъектом преступления, предусмотренного ст. 237 УК РФ, С., очевидно, не является.

В заключение следует отметить, что зарубежные государства в борьбе с пандемией коронавируса также принимали достаточно обширные законодательные изменения. Однако они, в основном, сводились к введению штрафных санкций, причем достаточно внушительных (в ФРГ до 25 000 евро¹), или угрозы строгих тюремных наказаний (до 12 лет в Италии²). Введение аналогов ст. 207.1 или 207.2 УК РФ в законодательстве иностранных государств нам не встретилось.

Список литературы

1. *Бимбинов А.М.* Уголовная ответственность за распространение коронавируса // Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 55-58.
2. *Егуазарян Н.А.* Преступления против порядка управления в уголовном праве Армении и России (сравнительно-правовое исследование): монография / отв. ред. А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2013.
3. *Кибальник А.Г.* Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С. 41-44.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 3.

1 Немцы ввели суровые штрафы за нарушение карантина по коронавирусу. URL: <https://rg.ru/2020/03/25/karantin-po-koronavirusu.html> (дата обращения: 10.08.2020).

2 Инфицированному итальянцу, вышедшему за покупками, грозит 12 лет тюрьмы. URL: <https://rg.ru/2020/03/11/inficirovannomu-italiancu-vyshedshemu-za-pokupkami-grozit-12-let-tiurmy.html> (дата обращения: 10.08.2020).

Кобзева Елена Васильевна

*К.ю.н., доцент, профессор кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В СВЕТЕ ПРИНЦИПОВ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ГУМАНИЗМА

Аннотация. *В статье условно-досрочное освобождение от отбывания наказания рассматривается с позиции принципов справедливости и гуманизма. Делается вывод о том, что стержневым принципом, определяющим существование данного института и пронизывающим всё его содержание, выступает принцип справедливости. Уголовная ответственность имеет сугубо адресный характер, тесно увязана с личностью деятеля, призвана реагировать на происходящие в нём метаморфозы, а потому динамична в своём развитии. Этот сущностный аспект уголовной ответственности обусловлен принципом справедливости и обеспечивается процессами дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, в том числе существованием различных форм её выражения, сменяющихся и дополняющих друг друга. Одной из таких форм выступает условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, которое призвано учитывать положительные изменения в уровне общественной опасности лица, подвергнутого уголовной ответственности. Гуманистические начала в институте условно-досрочного освобождения получают своё основное выражение в отсутствии нормативных запретов на применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания к каким-либо категориям осуждённых, в том числе к лицам, отбывающим пожизненное лишение свободы, а потому и в достаточно широкой его реализации.*

Ключевые слова: *условно-досрочное освобождение, освобождение от наказания, альтернативы уголовному наказанию, принципы уголовного права, принцип справедливости, принцип гуманизма.*

Kobzeva Elena Vasilyevna

*Candidate of Law, Professor of the Department
of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
evkobzeva@yandex.ru*

CONDITIONAL EXEMPTION FROM SERVICE OF PUNISHMENT IN THE LIGHT OF THE PRINCIPLES OF JUSTICE AND HUMANISM

Abstract. *In the article, conditional early release from serving a sentence is considered from the standpoint of the principles of justice and humanism. The conclusion is made that the pivotal principle that determines the existence of this institution and permeates its entire content is the principle of justice. Criminal liability has a purely targeted character, is closely tied to the personality of the activist, is called upon to respond to the metamorphoses taking place in him, and therefore is dynamic in its development. This essential aspect of criminal liability is determined by the principle of justice and is provided by the processes of differentiation and individualization of criminal liability, including the existence of various forms of its expression, replacing and complementing each other. One of these forms is parole from serving a sentence, which is designed to take into account positive changes in the level of public danger of a person subject to criminal liability. Humanistic principles in the institution of parole get their main expression in the absence of regulatory prohibitions on the application of parole from serving a sentence to any categories of convicts, including those serving life imprisonment, and therefore in a fairly wide implementation.*

Keywords: *parole, release from punishment, alternatives to criminal punishment, principles of criminal law, the principle of justice, the principle of humanism.*

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания является одним из наиболее часто реализуемых в России видов освобождения от наказания¹. Данное обстоятельство обусловлено тем, что в отечественном уголовном законе отсутству-

¹ Первенство в этом вопросе традиционно принадлежит условному осуждению. В 2019 г. оно было назначено 174046 взрослым осуждённым, что составило 28,4 % от общего числа осуждённых совершеннолетнего возраста. – См.: Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 г. (Раздел 3. Виды наказаний и состав осуждённых, иные меры уголовно-правового характера) // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 11.09.2020).

ют предписания, исключаящие применение условно-досрочного освобождения в зависимости, например, от категории или вида совершённого преступления, размера назначенного наказания, характера рецидива преступлений. Нет в УК и изъятий, связанных с повторным, равно как и любым последующим применением условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Иными словами, рассматриваемый вид освобождения от наказания обладает такими нормативными параметрами, которые позволяют вести речь о его универсальном характере и обуславливают широкую практику его реализации.

В то же время на протяжении последнего десятилетия применение условно-досрочного освобождения заметно сокращается. Это выражается в снижении как общего числа рассмотренных судами ходатайств об условно-досрочном освобождении, так и количества удовлетворённых ходатайств.

**Таблица о результатах рассмотрения ходатайств
об условно-досрочном освобождении
от отбывания наказания¹**

	2016	2017	2018	2019
Количество ходатайств	122552	112581	99646	92545
Удовлетворено	55217 (45 %)	53804 (47 %)	49292 (49,5 %)	45387 (49 %)

Так, с 2010 по 2019 г. количество удовлетворённых ходатайств уменьшилось более чем в 2,5 раза в абсолютных показателях и более чем на 8 % по отношению к общему числу рассмотренных ходатайств. Ежегодно уменьшается и доля лиц, освобождённых условно-досрочно, среди осуждённых, освобождённых от наказания по всем основаниям [1, с. 88; 7, с. 64]. Учёные по-разному оценивают причины такого снижения. Одни объясняют их несовершенством законодательства и механизма реализации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, недостатками судебной практики и уменьшением исправительного потенциала

¹ Уголовное судопроизводство. Рассмотрение ходатайств об условно-досрочном освобождении от лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части; об отмене условно-досрочного освобождения от лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части за 2016-2019 гг. // Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 11.09.2020).

данного института [1, с. 87-88; 3, с. 43-51]. Другие связывают это исключительно с утилитарными обстоятельствами, а конкретно с тем, что нацеленность судебной практики на применение реального лишения свободы только к наиболее опасным преступникам привела к значительному ухудшению контингента осуждённых в местах лишения свободы [7, с. 64-66]. Второе объяснение представляется более убедительным. К нему также следует добавить, что с момента вступления в силу УК законодатель, судебная практика и научное сообщество существенно продвинулись в понимании основания и условий условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Были учтены ошибки прошлых лет, выражавшиеся в широком и не всегда обоснованном применении данного вида освобождения от наказания, и, как следствие, выработан устойчивый вектор практики, ориентирующий суды на более внимательное и взвешенное отношение к решению вопроса об условно-досрочном освобождении.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания являет собой фундаментальный правовой институт, в котором реализуются базовые, основополагающие начала отечественного уголовного права.

Известно, что в момент совершения преступления общественная опасность лица, участвующего в его выполнении, достигает наивысшего уровня концентрации. Однако с течением времени и под влиянием различных обстоятельств она может пойти на убыль, а в отдельных случаях и вовсе быть сведена к нулю. В ситуации с условно-досрочным освобождением от отбывания наказания речь идёт о том, что степень общественной опасности лица, совершившего преступление, значительно снижается именно благодаря исправительному воздействию применяемого к нему уголовного наказания и несколько, а иногда существенно, раньше истечения назначенного судом срока. Учитывая данное обстоятельство, государство больше не усматривает необходимость в реальном исполнении назначенного наказания и предоставляет осуждённому возможность завершить процесс исправления в иных, более лояльных условиях, не связанных с отбыванием наказания, но при условии сохранения контроля за его поведением.

В свете изложенного под условно-досрочным освобождением от отбывания наказания следует понимать предусмотренный нормами уголовного и уголовно-исполнительного законодатель-

ства отказ государства от дальнейшего применения наказания к осуждённому, достигшему той степени исправления, при которой он не нуждается в полном его реальном отбывании, под условием последующего законопослушного поведения этого лица в течение неотбытой части наказания и осуществления за ним контроля.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, таким образом, предполагает, что окончательное исправление лица, если и не состоялось, то настолько к этому близко, что вполне может быть достигнуто без полного отбывания наказания. При этом государство не признаёт своё решение о прекращении исполнения назначенного наказания окончательным и бесповоротным, не предоставляет лицу полную свободу действий, а предъявляет к нему определённые требования на период неотбытой части наказания, устанавливает за ним контроль и в случае отрицательной динамики в исправлении освобождённого сохраняет возможность отмены ранее принятой меры. Учитывая эту значимую характеристику условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, М.Р. Гета относит его к альтернативным наказанию «уголовно-правовым средствам испытания» [4, с. 248, 258].

Большинство отечественных учёных, оценивая позитивно наличие данного института в российской правовой системе, усматривает в нём прежде всего практическое воплощение принципов гуманизма и экономии уголовной репрессии [12, с. 10]. Значительно реже (либо во вторую очередь) условно-досрочное освобождение от отбывания наказания воспринимается как проявление принципа справедливости и средство дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности [5, с. 18], в уголовно-исполнительном праве – дифференциации и индивидуализации исполнения наказания [10, с. 9, 12, с. 21]. Представляется, однако, что стержневым, базовым принципом, определяющим существование условно-досрочного освобождения и пронизывающим всё его содержание, выступает именно принцип справедливости.

Уголовная ответственность не сводится к однажды избранной мере уголовно-правового принуждения в строго отведённом ей содержании и объёме. Она имеет сугубо адресный характер, тесно увязана с личностью деятеля, призвана реагировать на происходящие в нём метаморфозы, а потому динамична в своём

развитии. Этот сущностный аспект уголовной ответственности обусловлен принципом справедливости и обеспечивается процессами дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, в том числе существованием различных форм её выражения, сменяющих и дополняющих друг друга. Одной из таких форм как раз и служит освобождение от наказания, отдельные виды которого, в частности условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, призваны учитывать положительные изменения в уровне общественной опасности лица, подвергнутого уголовной ответственности.

Принцип справедливости в российском уголовном праве гласит, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности совершённого преступления и личности виновного (ст. 6 УК РФ). По меткому наблюдению В.В. Орехова, никакой суд, как бы индивидуально он ни подходил к назначению наказания, «не в состоянии точно спрогнозировать, какой вид и срок необходимо назначить виновному, по отбывании которых может быть достигнуто его исправление, и тем более каково будет поведение осуждённого в период отбывания наказания» [14, с. 909-910]. Поэтому, если лицо, отбывающее наказание, до истечения назначенного срока демонстрирует значительное снижение степени своей общественной опасности, выражающееся в достижении им цели исправления либо очевидной близости этого момента, и суд, оценивая его личность и поведение, приходит к выводу, что необходимость исполнять наказание в полном объёме отсутствует, принимается решение об условно-досрочном освобождении такого лица от отбывания наказания. Продолжение исполнения наказания при указанных обстоятельствах будет означать его несоответствие личности осуждённого, создавать избыточные для него праволишения и правоограничения, превращать наказание в самоцель. С.И. Зельдов верно в связи с этим пишет о социальном значении освобождения от уголовного наказания как института, корректирующего интенсивность криминализации конкретных общественно опасных деяний в зависимости от достижения целей наказания и способствующего тем самым дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности [5, с. 18].

Принцип справедливости получает своё отражение и в содержании рассматриваемого института. Это проявляется в уста-

новлении формальных требований, с обязательным наличием которых связывается сама возможность условно-досрочного освобождения; в их внутренней градации, учитывающей тяжесть и специфику совершённого лицом преступления; в дискреционном характере данного вида освобождения от наказания, предполагающем строго индивидуальный подход суда к решению вопроса о его реализации; в переводе освобождённого лица в режим испытания и в сохранении возможности возврата к исполнению приговора в случае, если оказанное ему доверие не будет оправдано.

Рассматривая ходатайство осуждённого об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, судья меньше всего руководствуется соображениями гуманизма и экономии уголовной репрессии, он заботится в первую очередь о том, чтобы его решение было справедливым. Во многом формированию такого решения способствует принятие во внимание всей совокупности сведений, характеризующих личность осуждённого и его поведение, а равно учёт мнения администрации исправительного учреждения, в котором отбывает наказание осуждённый (ч. 4¹ ст. 79 УК РФ), позиций потерпевшего (ч. 2¹ ст. 399 УПК РФ) и прокурора (ч. 7 ст. 399 УПК РФ). В противном случае для реализации условно-досрочного освобождения достаточно было бы соблюдения формальных условий, предусмотренных уголовным законом.

Именно принципу справедливости отвечает практически единодушное понимание условно-досрочного освобождения от отбывания наказания как меры (средства, акта) поощрения осуждённого, вставшего на путь исправления [13, с. 108]. Ведь поощрить – не значит отнестись гуманно (милосердно, сострадательно). Поощрение, выражающееся в улучшении правового положения условно-досрочно освобождаемого лица, являет собой положительную реакцию государства на его предшествующее поведение. Это результат, который во многом предопределяется усилиями и работой самого осуждённого, в отличие, например, от освобождения от наказания в связи с болезнью (ч. 1 и 2 ст. 81 УК РФ) или отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ), где улучшение правового положения осуждённых не выражает поощрение, а выступает следствием гуманного отношения государства.

Однако полностью отрицать наличие гуманистических начал в институте условно-досрочного освобождения было бы

опрометчиво. Своё главное выражение принцип гуманизма получает, на наш взгляд, в отсутствии нормативных запретов на применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания к каким-либо категориям осуждённых, в т.ч. к лицам, отбывающим пожизненное лишение свободы, а потому и в достаточно широкой его реализации. В то же время следует отметить, что в теории уголовного права нередко высказываются предложения, направленные на сокращение практики условно-досрочного освобождения, а именно: об изъятии права на него у осуждённых, обладающих повышенной опасностью для общества (в частности тех, чьё преступное поведение обнаруживает криминальную профессионализацию и/или кто совершил особо тяжкие преступления [2, с. 7-8; 6, с. 699-700; 11, с. 622; 15, с. 9-10]); об увеличении подлежащих обязательному отбытию частей сроков назначенного наказания; о расширении условий, необходимых для условно-досрочного освобождения и т.п. По мнению В.С. Карпова, Д.В. Синькова и Пан Дунмэя, институт условно-досрочного освобождения должен применяться в исключительных случаях, в порядке строго регламентированной, «непростой» процедуры и учитывать прежде всего интересы потерпевшего, его родных и близких, а не субъекта, сознательно и добровольно нарушившего нормы закона, пренебрегшего интересами общества и граждан, посягнувшего на охраняемые уголовным законом общественные отношения [6, с. 699, 702].

Согласиться с подобным, как представляется однобоким, подходом не представляется возможным. Уголовное наказание изначально не является единственной формой, в которой может быть выражена уголовная ответственность, даже если имеет место множественность преступлений или совершено особо тяжкое преступление. И было бы крайне неправильно рассматривать его в качестве панацеи, требующей полного и безоговорочного исполнения, в случаях, когда оно назначено конкретному осуждённому по приговору суда (опять-таки, даже за множественную преступную деятельность или особо тяжкое преступление). Неслучайно Ю.М. Ткачевский, признанный специалист в вопросах освобождения от уголовного наказания, расценивал отказ от формальных ограничений в применении условно-досрочного освобождения несомненным достижением УК РФ 1996 г. «Любому осуждённому надо дать перспективу

на освобождение от наказания, – писал учёный. – Неисправимых нет. Есть неумные, неподготовленные представители исправительных учреждений и плохо функционирующие места лишения свободы» [9, с. 217-218].

Всемирно известный криминолог Нильс Кристи, раскрывая сущность наказания через причинение боли, формулирует два правила его применения: 1) если есть сомнения, то нельзя причинять боль, 2) необходимо причинять как можно меньше боли. *«Ищите альтернативу наказанию, а не альтернативные наказания, – пишет учёный. – Часто нет необходимости реагировать: преступник так же, как и окружающие, знает, что то, что он совершил, – плохо. Многие отклоняющиеся поступки представляют собой экспрессивную, неадекватную попытку что-то сказать. Пусть преступление послужит исходным пунктом для подлинного диалога, а не для столь же неадекватного ответа посредством причинения боли полной мерой»* [8].

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания выступает одной из подобных, весьма действенных, альтернатив уголовному наказанию. Его гуманность состоит в шансе на исправление, даруемом каждому осуждённому. Воспользуется конкретное лицо этим шансом или нет, зависит только от него, но сам факт наличия такой возможности у каждого, кто совершил преступление, и есть проявление гуманизма. Разумеется, интересы потерпевших при реализации условно-досрочного освобождения попираются не должны, но наряду с ними значение имеют и иные обстоятельства, учёт которых входит в зону действия принципа справедливости.

Подводя итог, следует отметить, что обусловленное принципами справедливости и гуманизма содержание института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания позволяет вести речь о его огромном социально-правовом значении. Основание, условия и порядок применения условно-досрочного освобождения представлены в действующем законодательстве таким образом, что оно пронизывает собой весь процесс уголовно-исполнительного воздействия, выступая в качестве стимула правомерного и благопристойного поведения осужденных и являясь тем самым средством обеспечения правопорядка в исправительном учреждении, служа актом поощрения конкретных лиц и одновременно способствуя их окончательному исправлению.

Список литературы

1. *Антипов А.Н.* Условно-досрочное освобождение: путь ресоциализации или угроза безопасности // Алтайский юридический вестник. 2016. № 2. С. 87-93.
2. *Аскеров Э.Ю.* Уголовно-правовые проблемы освобождения от наказания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
3. *Бабаян С.Л.* Совершенствование поощрительных институтов уголовно-исполнительного права – важная задача реформирования уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: Современное состояние и перспективы развития: сб. матер. кругл. стола, посвящ. памяти д-ра юрид. наук, проф., заслуж. юриста РФ О.В. Филимонова (юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая 2013 г.); под науч. ред. В.И. Селиверстова, В.А. Уткина. М.: Юриспруденция, 2014. С. 43-51.
4. *Гета М.Р.* Уголовное право: пределы, объекты и средства воздействия в борьбе с преступностью в современной России. М.: Норма, 2017.
5. *Зельдов С.И.* Освобождение от наказания и его отбывания / ред. С.Н. Чихалова. М.: Юрид. лит., 1982.
6. *Карпов В.С., Синьков Д.В., Пан Дунмэй.* Условно-досрочное освобождение от наказания: некоторые проблемы применения и пути их решения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4. С. 698-703.
7. *Князьков А.С.* Условно-досрочное освобождение: проблемы и тенденции // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2. С. 63-69.
8. *Кристи Н.* Пределы наказания. М.: Прогресс, 1985. URL: <https://topreading.ru/bookread/222843-nils-kristi-predely-nakazaniya/page-5> (дата обращения: 14.09.2020).
9. Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. В 2-х т. Том 2: Учение о наказании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 1999.
10. *Малин П.М.* Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000.
11. *Сверчков В.В.* Курс уголовного права. Общая часть в 2 книгах: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. В.Т. Томина. М.: Юрайт, 2016.

12. *Степанов В.В.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: теоретические и правоприменительные проблемы: монография / под науч. ред. Н.А. Лопашенко. М.:Юрлитинформ, 2010.

13. Уголовная ответственность и наказание: учебное пособие для вузов / отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. М.: Юрайт, 2020.

14. Уголовное право России: Общая часть: учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб.: ИД С.-Петербур. ун-та, Изд-во юридического факультета С.-Петербур. ун-та, 2006.

15. *Щерба Д.А.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007.

УДК 343.241

Копшева Кристина Олеговна

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

СУЩНОСТЬ НАКАЗАНИЯ И КАРА

Аннотация. *Статья посвящена вопросам соотношения наказания и кары. Исторически сложилось так, что наказание подразумевает причинение определенных страданий лицу, совершившему преступление, и имеет устрашающий характер. Однако, несмотря на то, что любое наказание влечет негативное воздействие на преступника, в процессе которого он претерпевает определенные ограничения и лишения его прав, свобод, благ, и которые он субъективно воспринимает как возмездие, т.е. кару, объективно с точки зрения уголовного закона и правоприменения наказание ни кары как цели, ни карательной сущности не имеет. В то же время отдельные виды наказаний (такие как пожизненное лишение свободы и смертная казнь, учитывая их специфику и содержание), подразумевают некоторые карательные элементы, в т.ч. при их исполнении прослеживается цель покарать преступника, но даже в этом случае кара выступает предпосылкой достижения целей наказания, предусмотренных в ст. 43 УК РФ.*

Ключевые слова: *наказание, кара, принуждение, цели наказания, страдания, воздаяние, возмездие, восстановление социальной справедливости, исправление, предупреждение.*

Kopsheva Kristina Olegovna,

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
kristina25.80@mail.ru*

THE ESSENCE OF PUNISHMENT AND PUNISHMENT

Abstract. *The article is devoted to the issues of correlation between punishment and punishment. Historically, punishment has involved inflicting some degree of suffering on the perpetrator and is intimidating. However, despite the fact that any punishment entails a negative impact on the criminal, in the process of which he undergoes certain restrictions and deprivations of his rights, freedoms, benefits, and which he subjectively perceives as retribution, i.e. punishment, objectively from*

the point of view of criminal law and law enforcement, punishment has neither punishment as a goal, nor a punitive essence. At the same time, certain types of punishments (such as life imprisonment and the death penalty, given their specificity and content), imply some punitive elements, incl. when they are executed, the goal of punishing the offender is traced, but even in this case, the punishment is a prerequisite for achieving the goals of punishment provided for in Art. 43 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: *Punishment, coercion, the purpose of punishment, suffering, retribution, restoration of social justice, correction, prevention.*

Вопрос, касающийся взаимосвязи кары и наказания, традиционен для теории уголовного права. Основная проблема, остающаяся актуальной до настоящего времени, заключается в установлении соотношения наказания и кары, а именно имеет ли наказание карательную сущность и можно ли считать кару целью наказания.

Издrevле наказание связывали с осуждением и порицанием человека как со стороны общества, так и государства. Первый письменный источник уголовного права Русская Правда предусматривал принцип талиона, который имел прежде всего устрашающий характер, что выступало проявлением карательной деятельности государства. Необходимо отметить, что вплоть до появления Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г.¹ тенденция возмездия со стороны наказания сохранялась. УК РСФСР 1926 г. прямо предусматривал, что меры социальной защиты не ставят перед собой задачи возмездия и кары (ст. 9), хотя, учитывая репрессивный характер политики государства того периода, надо полагать, что отказ от кары был сугубо формальным, так же как и в целом отказ от использования термина «наказание» и замена его «мерами социальной защиты». В 1958 г., в связи с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, уголовное законодательство вернулось к понятию наказания и каре как его сути, что просуществовало вплоть до вступления в силу УК РФ 1996 г.

Законодательное понятие «наказание» представлено в ст. 43 УК РФ, под которым понимается мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, которое применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления,

¹ Постановление Наркомюста РСФСР от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РС.Ф.С.Р.» // СПС «Консультант Плюс».

и заключается в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении его прав и свобод. Таким образом, УК РФ безусловно отказался от термина «кара». Однако первое, на что обращается внимание, – это принудительный характер наказания: наказание есть определенная принудительная мера, которая применяется государством. Причем принуждение это разное и зависит от конкретного вида наказания.

Принуждение при наказании не зависит от воли виновного лица, напротив, оно обязано исполнять то наказание, которое будет назначено судом, и нести то принудительное воздействие, которое будет присуще определенному наказанию.

В связи с этим возникает вопрос: можем ли мы отождествлять наказание, его принудительное воздействие и кару.

Примечательно, что даже в те периоды, когда отечественное уголовное законодательство использовало термин «кара», в теории уголовного права она воспринималась неоднозначно. Одни ученые полагали, что кара – это сущность наказания (например, М.Д. Шаргородский писал, что наказание – это есть кара, так как является принуждением и причиняет страдания [5, с. 14-15]). Примерно такой же позиции придерживался И.С. Ной, по мнению которого кара является принуждением, выступает элементом наказания и причиняет страдания [3, с. 155]). Другие же, не отрицая наличия кары, относили ее к целям наказания.

Если исходить из значения терминов «наказание» и «кара», то оно состоит в следующем. «Наказывать» – значит давать наказ, приказ; повелевать, налагать взысканье, карать, взыскивать за вину¹; мера воздействия против совершившего преступление; взыскание, налагаемое на него; кара, расплата, возмездие². **Кара** же понимается как наказание, возмездие³. Этимологически слово «наказание» восходит к слову **«казнь»**. Первоначальное же значение трактовалось как «кара, сопрово-

¹ *Даль В.И.* Толковый онлайн словарь русского языка В.И. Даля. URL: <https://lexicography.online/explanatory/dal/%D0%BD/%D0%BD%D0%B0%D0%BA%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 05.08.2020).

² Толковый словарь русского языка Ефремовой Т.Ф. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/%D0%BD/%D0%BD%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 05.08.2020).

³ Толковый словарь русского языка Ефремовой Т.Ф. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/%D0%BA/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%B0> (дата обращения: 05.08.2020).

ждающаяся мучениями»¹. **Кара в этимологическом аспекте есть «наказание», «порицание»².**

Таким образом, толкование и этимологическое происхождение слов «наказание» и «кара» тождественны, однако наказание имеет более широкое содержание. Не всякое наказание является карой, но всякая кара всегда относится к наказанию.

Принудительные свойства наказания отображаются через определенные ограничения прав и свобод осужденного. Объем же этих ограничений и лишений взаимосвязан с конкретным видом наказания, что в свою очередь обуславливается характером и степенью общественной опасности совершенного преступления, а также характером и степенью опасности лица, его совершившего (в современном УК РФ иногда только общественной опасностью преступника, на что указывает наличие составов преступлений с административной преюдицией). Чем выше общественная опасность совершенного деяния и (или) лица, его совершившего, тем строже вид наказания, а следовательно больший объем правоограничений последует за этим.

Содержание наказания выражается в лишении преступника определенных материальных или нематериальных благ, что причиняет ему страдания. Таковыми могут быть свобода, отношения собственности, репутация и т.д. Набор таких благ варьируется в зависимости от конкретного вида наказания. При этом виновный может претерпевать и лишение других благ (родственных отношений, уважения коллег и др.), что не входит в содержание наказания, но в целом воспринимается им как кара. Содержат ли данные правоограничения элементы кары?

Немаловажным здесь является то, как воспринимаются правоограничения и лишения, присущие наказанию, со стороны осужденного и со стороны уголовного закона. Лицо, к которому применяется наказание, субъективно в большинстве случаев воспринимает его как кару, причинение ему физических, моральных, материальных страданий. Уголовный закон и правоприменитель, объективно оценивая наказание, понимают под ним только лишь определенный объем принуждения, не имея цели

¹ Этимологический онлайн словарь русского языка Семенова А.В. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/%D0%BA/%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%BD%D1%8C>

² Этимологический онлайн словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%BA/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%B0> (дата обращения: 05.08.2020).

причинить какие-либо страдания виновному лицу. То есть объективно уголовный закон не имеет целью причинение мучений и страданий кому-либо, однако субъективно их причиняет.

Следовательно, однозначно сказать, что наказание имеет карательную сущность, нельзя. Однако анализ отдельных видов наказаний показывает, что некоторые элементы кары в них присутствуют. Например, на карательное воздействие наказания указывают пожизненное лишение свободы и смертная казнь, что проявляется в сути и содержании этих видов наказаний, о чем будет сказано далее.

Несмотря на то, кара не является целью наказания по современному уголовному законодательству, отдельная группа ученых считает, что кара выступает таковой, так как в значении слова «кара» есть и порицание, и осуждение преступления путем причинения виновному в совершении преступления страданий и лишений [1, с. 25; 2, с. 24]. Другие же теоретики высказываются против наличия такой цели, поскольку в данном случае наказание бы применялось только ради наказания [5, с. 120; 4, с. 98].

В данном случае надо понимать, как воспринимается кара – как возмездие или как воздаяние? С объективной точки зрения, кара является воздаянием за совершенное преступление, а следовательно ее можно назвать элементом более глобальной цели – восстановления социальной справедливости, и уголовный закон не преследует исключительно цели возмездия, мести за содеянное преступником. Кроме того, кара является предпосылкой достижения других целей наказания – исправления и предупреждения новых преступлений.

Претерпевая на себе определенные ограничения, например характерные для того или иного режима в местах лишения свободы, осужденный подвержен формированию у него социально полезных установок и навыков, что присуще цели исправления. Лишение человека свободы, которое он воспринимает как возмездие субъективно, одновременно направлено на удержание его от совершения новых преступлений, а следовательно на достижение цели предупреждения совершения преступлений.

Однако если говорить о таком виде наказания, как пожизненное лишение свободы или смертная казнь, то помимо целей наказания, предусмотренных ст. 43 УК РФ, цель кары в них явно прослеживается. Каких целей можно достигнуть путем применения смертной казни? Очевидно, что прежде всего здесь речь идет

о возмездии за содеянное, хотя даже в этом случае возмездие направлено на восстановление социальной справедливости. Что касается остальных целей наказания, то достичь исправления преступника путем применения к нему данного вида наказания невозможно, и только лишь частично можно говорить о достижении цели предупреждения совершения новых преступлений, но предупреждения общего, за счет показательного примера применения смертной казни всем другим лицам. Несмотря на то, что пожизненное лишение свободы в принципе направлено на достижение целей наказания: восстановления социальной справедливости (назначение максимально возможного наказания за совершение наиболее опасных преступлений); исправления лица (поскольку имеется возможность условно-досрочного освобождения); предупреждения совершения новых преступлений (несомненный сдерживающий фактор), кара как цель наказания также в нем присутствует, на что указывает не только бессрочный характер отбывания наказания, но и условия содержания осужденных, а также неопределенность жизненных перспектив таких осужденных.

Таким образом, безусловно утверждать, что кара выступает сущностью либо целью наказания нельзя, однако некоторые ее элементы присущи отдельным видам наказаний, суть и содержание которых имеют черты возмездия.

Список литературы

1. *Беляев Н.А.* Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963.
2. *Златопольский Д.Л., Ткачевский Ю.М.* Восстановление социальной справедливости – цель уголовного наказания и уголовно-исполнительный кодекс РФ // Вестник Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1998. № 6. С. 17-26.
3. *Ной И.С.* Вопросы теории наказания в российском уголовном праве. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973.
4. *Стручков Н.А.* Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978.
5. *Шаргородский М.Д.* Наказание, его цели и эффективность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.

УДК 343.24

Красовская Оксана Юрьевна

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. *Проблемные аспекты наказания в виде штрафа, назначаемого несовершеннолетним, связаны как с закреплением его особенностей в ч. 2 ст. 88 УК РФ, в частности допущения его уплаты другими лицами, так и с применением нормативных положений о данном виде наказания в судебной практике. На законодательном уровне сформулированные особенности назначаемого несовершеннолетним штрафа требуют анализа, на правоприменительном уровне многолетние судебные ошибки в части назначения штрафа требуют выявления их причин с целью недопущения новых ошибок в будущем. В статье решаются поставленные задачи.*

Ключевые слова: *штраф, уголовное наказание, уголовная ответственность несовершеннолетних, назначение наказания несовершеннолетним, принцип личной уголовной ответственности, судебная практика.*

Krasovskaya Oksana Yuryevna

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
krasovskaya_oks@mail.ru*

TO THE QUESTION OF THE IMPOSITION OF A CRIMINAL PENALTY IN THE FORM OF A FINE AGAINST MINORS

Abstract. *Problematic aspects of punishment in the form of a fine imposed on minors are connected both with the consolidation of its features in Part 2 of Art. 88 of the Criminal Code of the Russian Federation, in particular, the assumption of its payment by other persons, and with*

the application of regulatory provisions on this type of punishment in judicial practice. At the legislative level, the formulated features of the fine assigned to minors require analysis, at the law enforcement level, many years of judicial errors in the appointment of a fine require identifying their causes in order to prevent new errors in the future. The article solves the tasks.

Keywords: *fine, criminal punishment, criminal liability of minors, to appoint fine to minors, the principle of personal criminal responsibility, judicial practice.*

С принятием и введением в действие УК РФ неоднократно становились предметом обсуждения проблемы законодательной регламентации наказания в виде штрафа, назначаемого несовершеннолетним, и практики его применения судами. Назначение уголовного наказания несовершеннолетним регулируется положениями главы 14 раздела V УК РФ, не противоречащими этому разделу положениями глав 9 и 10 УК РФ, а также разъясняется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»¹.

Штраф назначается несовершеннолетним достаточно часто в сравнении с другими видами наказаний. Так, за 2019 г. в России судами общей юрисдикции штраф был назначен 1 568 несовершеннолетним, что составляет 10,2 % от назначенных всех видов наказаний, включая условное осуждение (15 395 назначенных несовершеннолетним наказаний, включая условное осуждение)². В Саратовской области судами общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции штраф был назначен 26 несовершеннолетним, что составляет 16 % от общего числа назначенных несовершеннолетним наказаний, включая условное осуждение (163 назначенных несовершеннолетним наказаний, включая условное осуждение)³.

¹ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (с изм. и доп. от 18 декабря 2018 г., № 43) // Рос. газета. 2015. 29 дек.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 г. // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 10.10.2020).

³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 г. // Официальный сайт Управления Судебного департамента в Саратовской области. URL: <http://usd.sar.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=79> (дата обращения: 10.10.2020).

В судебной практике продолжают встречаться ошибки назначения штрафа, что приводит к изменениям приговоров, обоснование которых приводится, например, в обзорах судебной практики Верховного Суда РФ.

Многие ученые дают критические оценки положениям УК РФ, в частности ч. 2 ст. 88 и ст. 89. Однако далеко не все проблемы поднимаются учеными при исследовании вопросов назначения несовершеннолетним наказания в виде штрафа, существующие как на законодательном уровне, так и на правоприменительном, а изменения в УК РФ вносятся законодателем порой без поиска консенсуса среди научной общественности, что в комплексе отрицательно сказывается на качестве правоприменения. В связи с этим возникает практическая значимость исследования вопросов назначения несовершеннолетним штрафа.

В рамках одной статьи невозможно поднять все существующие проблемы закона, теории и практики, остановимся лишь на некоторых:

1) отсутствие в ч. 2 ст. 88 УК РФ исключительно особенностей назначения штрафа несовершеннолетним (помним, что ст. 88 содержится в главе 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»);

2) противоречие некоторым принципам уголовного закона и уголовного права положений ч. 2 ст. 88 УК РФ о возможности взыскания штрафа с родителей виновного несовершеннолетнего;

3) многолетние повторяющиеся ошибки в судебной практике по применению положений ч. 2 ст. 88 и ст. 46 УК РФ, в частности при назначении штрафа в качестве дополнительного наказания, а также др.

1. Проанализируем содержание ч. 2 ст. 88 УК РФ на предмет наличия особенностей назначения штрафа несовершеннолетним в отличие от положений ст. 46 УК РФ о штрафе, назначаемом совершеннолетним.

Таких особенностей законодатель сформулировал три: первая – уменьшено количество способов исчисления штрафа (два способа вместо трех), вторая – снижен размер штрафа по обоим способам исчисления; третья – установлена возможность переложить взыскание штрафа с несовершеннолетнего на его родителей или иных законных представителей с их согласия.

Не углубляясь подробно в содержание названных особенностей, отметим, что первое предложение ч. 2 ст. 88 УК РФ совер-

шенно не предусматривает каких-либо особенностей назначения штрафа несовершеннолетним и тем самым загромождает УК РФ излишней фразой: «Штраф назначается как при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых». Данное положение означает только одно: штраф можно назначать несовершеннолетнему всегда; не существует таких ограничений по назначению штрафа, как, например, нетрудоспособность, отсутствие места работы и заработка или иных доходов, отсутствие имущества, на которое может быть обращено взыскание, низкое материальное положение и др. Однако и для совершеннолетних нет таких и каких-либо иных ограничений по назначению штрафа: им тоже штраф может назначаться и при наличии у них самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, и при отсутствии таковых. Поясним, что речь идет не об определении размера штрафа, а о назначении штрафа. Следовательно, первое предложение в ч. 2 ст. 88 УК РФ является излишним, так как не закрепляет особенность назначения штрафа несовершеннолетним.

Можно понять, как это предложение появилось в ч. 2 ст. 88 УК РФ, проанализировав историю ее развития в процессе реформирования уголовного закона [7, с. 255, 256].

2. Второе предложение ч. 2 ст. 88 УК РФ гласит: «Штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия». Проанализируем его на предмет противоречия некоторым принципам уголовного закона и уголовного права.

В науке уголовного права этот вопрос является дискуссионным. Поддерживает законодательную позицию о возможности взыскания штрафа с родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего с их согласия, например, Д.Д. Суоров, предлагая авторскую редакцию соответствующего нормативно-правового положения: «Штраф, назначенный совершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или одного из них, а также иных законных представителей с их согласия» [9, с. 8, 9].

Не поддерживают законодательную позицию о возможности взыскания штрафа с родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего с их согласия Л.А. Бессчаст-

ная [4, с. 7, 17], Р.А. Колониченков [5, с. 10], Д.В. Бельцов [3, с. 8], С.А. Стяжкина [8, с. 7, 17, 18], Б.Х. Агноков [1, с. 9], Л.Р. Комарова [6, с. 8, 21], Баженов О.Н. [2, с. 12] и др. Так, Л.А. Бессчастная отмечает, что позиция законодателя о возможности взыскания штрафа с родителей «не соответствует принципу индивидуализации ответственности, ведет к переложению меры государственного принуждения, назначаемого по приговору суда на родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего осужденного» [4, с. 17].

Взыскание штрафа с родителей несовершеннолетнего, утверждает Р.А. Колониченков, противоречит не только принципу индивидуализации назначения наказания, а также положениям ст. 6 и ст. 43 УК РФ о том, что «справедливое наказание применяется исключительно только к лицу, признанному виновным в совершении преступления и носит личный характер» [5, с. 10].

Д.В. Бельцов обосновывает необходимость исключения из ч. 2 ст. 88 УК РФ положения о возможности взыскания штрафа с родителей или законных представителей несовершеннолетнего нарушением принципа личной виновной ответственности, закрепленного в ст. 5 УК РФ. «Данный принцип подразумевает, что уголовная ответственность всегда связана с конкретным лицом и не может быть переложена на другого человека» [3, с. 8].

Исключить положение о возможности взыскания штрафа, назначаемого несовершеннолетнему, с иных лиц предлагает и С.А. Стяжкина, обосновывая его невозможностью достижения целей наказания: «Цели восстановления социальной справедливости и исправления осужденного теряют свое уголовно-правовое и криминологическое значение» [8, с. 7, 18].

Об утрате индивидуального характера наказания, об отсутствии воспитательной роли наказания при уплате штрафа родителями или другими лицами говорит Б.Ч. Агноков [1, с. 9].

Критически оценивает регламентированную законодателем возможность возложения обязанности уплаты назначаемого несовершеннолетнему штрафа на иных лиц Л.Р. Комарова, обосновывая предложение исключить такое положение его противоречием принципу личной виновной ответственности [6, с. 8, 21].

Не поддерживает законодателя и предлагает отказаться от возможности взыскания штрафа с родителей несовершеннолетнего О.Н. Баженов, обосновывая свою позицию противоречием этой возможности таким основополагающим принципам

уголовного права, как равенство перед законом, принцип вины, принцип личной ответственности за совершение преступления. Кроме того, это делает практически бесперспективными какие-либо правовые последствия неуплаты штрафа [2, с. 12].

Как видно из приведенных суждений, в науке уголовного права сформировалась поддерживаемая нами позиция об исключении из ч. 2 ст. 88 УК РФ второго предложения: «Штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия».

3. Обратимся к судебным ошибкам, связанным с назначением штрафа, и к разъяснениям Верховного Суда РФ в этой части.

В судебной практике встречаются многолетние повторяющиеся ошибки, связанные с назначением штрафа, в большей части относящиеся к назначению штрафа в качестве дополнительного наказания, а также к назначению штрафа по совокупности преступлений (недопустимость сложения штрафов, назначенных в качестве основного и дополнительного наказаний; определение размера штрафа и недопустимость превышения его пределов при полном сложении наказаний), к применению положений об определении размеров штрафа с учетом ч. 3 ст. 46 УК РФ и возможности рассрочки уплаты штрафа, к применению положений о злостном уклонении от уплаты штрафа и возможности рассрочки уплаты штрафа.

Так, суды назначают штраф в качестве дополнительного наказания, предусмотренного в санкции в факультативном варианте, и при этом не всегда мотивируют принятое решение, что нарушает требования закона. Ввиду этого решения судов изменяются, назначенное дополнительное наказание в виде штрафа исключается. Так, П. осужден за покушение на преступление к лишению свободы со штрафом. Президиум Верховного Суда РФ изменил приговор и исключил назначенное дополнительное наказание в виде штрафа, пояснив, что санкция предусматривает возможность применения или неприменения дополнительного наказания в виде штрафа, однако суд, назначив штраф в качестве дополнительного наказания, не мотивировал принятое решение¹.

Назначая штраф и в качестве основного наказания, и в качестве дополнительного наказания за разные преступления, суды

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 29-П19С (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. 2019. № 3) // БВС РФ. 2020. № 4.

неверно применяют положения ст. 69 УК РФ, недопустимо используя правило сложения наказаний, что является нарушением закона и приводит к изменениям приговоров. Так, по приговору Верховного Суда Чувашской Республики от 30 июля 2012 г. М. назначен штраф в качестве основного наказания и в качестве дополнительного наказания за разные преступления. На основании ч. 3 ст. 69, ст. 73 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено лишение свободы со штрафом, при этом суд применил правило сложения к назначенным штрафам как основному виду наказания и штрафам как дополнительному виду наказания. Судебная коллегия отменила приговор и направила дело на новое судебное разбирательство¹.

Применяя правила частичного сложения наказаний при назначении наказаний по совокупности преступлений суды выходят за пределы максимального размера окончательного штрафа, определенного ч. 2 ст. 69 УК РФ, что, являясь нарушением закона, приводит к изменениям приговоров².

При определении размера штрафа суды не всегда учитывают требования ч. 3 ст. 46 УК РФ о необходимости учитывать тяжесть совершенного преступления и имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода³.

Суды неверно, излишне жестко и формально, определяют наличие злостности уклонения осужденного от исполнения штрафа, что ведет к его замене иным видом наказания, и не учитывают возможность применения рассрочки уплаты штрафа при отсутствии у осужденного возможности единовременно уплатить штраф⁴.

Наиболее часто Верховный Суд РФ дает следующие разъяснения по назначению штрафа: при назначении дополнительного

¹ Определение № 31-012-27 (Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2012 г.) // БВС РФ. 2013. № 7.

² Определение № 38-Д14-9 (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за январь-июль 2014 г.) // БВС РФ. 2014. № 11.

³ Определение № 86-012-2 (Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за первое полугодие 2012 г.) // БВС РФ. 2013. № 2.

⁴ Определение № 44-011-109 (Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2011 г.) // БВС РФ. 2012. № 5.

наказания суд обязан мотивировать свое решение¹; при назначении наказания по совокупности преступлений не допускается сложение штрафа, назначенного в качестве основного наказания, и штрафа как дополнительного наказания²; при назначении штрафа по совокупности преступлений необходимо, применяя правила сложения наказаний, не выходить за пределы, предусмотренные для окончательного наказания³; при определении размера штрафа следует учитывать тяжесть совершенного преступления и имущественное положение осужденного и его семьи⁴; замена основного наказания в виде штрафа иным видом наказания допускается только при условии злостного уклонения осужденного от исполнения данного вида наказания; в случае отсутствия у осужденного возможности единовременно уплатить штраф закон предусматривает возможность рассрочки уплаты штрафа⁵.

Таким образом, ошибки судебной практики, выражающиеся в отсутствии мотивировки назначения штрафа в качестве дополнительного наказания, представленного в санкции факультативно, наиболее распространены, повторяясь из года в год. В связи с этим необходимо нормативно закрепить требование мотивировки решения суда применительно к данной ситуации.

¹ Определение № 72-Д12-2 (Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за первое полугодие 2012 г.) // БВС РФ. 2013. № 3; Определение № 20-АПУ14-18 (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. 2014. № 14) // БВС РФ. 2015. № 3; Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 139П15 (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. 2016. № 1) // БВС РФ. 2016. № 11; Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 191-П16 (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. 2017. № 2) // БВС РФ. 2018. № 5; Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 143-П17 (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. 2017. № 5) // БВС РФ. 2018. № 12; Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 129-П18С (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. 2019. № 1) // БВС РФ. 2019. № 10; Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 29-П19С (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. 2019. № 3) // БВС РФ. 2020. № 4.

² Определение № 31-012-27 (Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2012 г.) // БВС РФ. 2013. № 7.

³ Определение № 38-Д14-9 (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за январь-июль 2014 г.) // БВС РФ. 2014. № 11.

⁴ Определение № 86-012-2 (Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за первое полугодие 2012 г.) // БВС РФ. 2013. № 2.

⁵ Определение № 44-011-109 (Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2011 г.) // БВС РФ. 2012. № 5.

Для решения проблем назначения несовершеннолетним наказания в виде штрафа, рассмотренных в настоящей статье, необходимо.

1. Исключить из ч. 2 ст. 88 УК РФ первое предложение: «Штраф назначается как при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых», чтобы привести содержание ч. 2 в соответствие с наименованием главы 14 УК РФ, оставив в ней именно особенности штрафа, назначаемого несовершеннолетним.

2. Исключить из ч. 2 ст. 88 УК РФ второе предложение: «Штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия», вступающее в противоречие с принципом личной виновной ответственности за совершенное преступление.

3. Дополнить нормативно-правовую регламентацию штрафа требованием мотивировки его назначения в качестве дополнительного наказания, представленного в санкциях факультативно.

Список литературы

1. *Агноков Б.Х.* Штраф как вид наказания по действующему уголовному законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007.

2. *Баженов О.Н.* Уголовная ответственность несовершеннолетних: вопросы законодательной регламентации и назначения наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013.

3. *Бельцов Д.В.* Уголовная ответственность за преступления несовершеннолетних и против несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004.

4. *Бессчастная Л.А.* Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних – уголовно-правовой и криминологический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004.

5. *Колониченков Р.А.* Уголовная ответственность несовершеннолетних: вопросы законодательной регламентации и назначения наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004.

6. *Комарова Л.Р.* Основные и дополнительные виды наказаний (проблемы их систематизации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.

7. *Красовская О.Ю.* Некоторые теоретико-прикладные проблемы назначения несовершеннолетним уголовного наказания в виде штрафа // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 9А. С. 253-260.

8. *Стяжкина С.А.* Гарантии прав и законных интересов несовершеннолетних в институте наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

9. *Суровов Д.Д.* Теоретические проблемы обязательного смягчения уголовного наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.

УДК 343.296

Лапунин Михаил Михайлович

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМЫ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЯНИЯ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ*

Аннотация. *Появление беспилотного транспорта обострило вопросы относительно ответственности за вред, причиненный в процессе эксплуатации автономно действующей техники. Экономически развитые страны активизировали нормативно-правовое регулирование эксплуатации беспилотного транспорта. Уже имеются случаи причинения вреда здоровью и даже смерти в результате движения беспилотного автомобиля. При рассмотрении вопросов ответственности за вред, причиненный эксплуатацией беспилотного транспорта, следует активнее применять институт обоснованного риска. Также применение беспилотников может обусловить в ближайшем будущем декриминализацию причинения тяжкого вреда здоровью при эксплуатации автономного транспорта. Это возможно только при условии максимальной защиты граждан с точки зрения административного и гражданского законодательства. Необходимо найти баланс дифференциации уголовной и гражданско-правовой ответственности в рассматриваемой сфере. При этом акцент в гражданском праве должен быть на компенсационных мерах, возмещении материального и морального вреда, а не на штрафных санкциях (здесь приоритет за административным и уголовным правом), поскольку должна сохраняться иерархия строгости ответственности, ее транзитивность. Одновременно необходимо на уровне разъяснений Верховного Суда РФ показать повышенную общественную опасность деяний, совершаемых с косвенным умыслом.*

Ключевые слова: *дифференциация ответственности, преступление в сфере высоких технологий, беспилотный транспорт, причиненный роботом вред, обоснованный риск.*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00665 А.

Lapunin Mikhail Mikhailovich
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
lapuninm@yandex.ru

PROBLEMS OF INTERSECTORAL DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY FOR ILLEGAL ACTS IN THE FIELD OF HIGH TECHNOLOGIES

Abstract. *The emergence of unmanned vehicles has exacerbated questions regarding liability for harm caused during the operation of autonomously operating equipment. Economically developed countries have stepped up the legal regulation of the operation of unmanned vehicles. There are already cases of harm to health and even death as a result of the movement of an unmanned vehicle. When considering the issues of liability for harm caused by the operation of unmanned vehicles, the institution of justified risk should be more actively applied. Also, the use of drones may lead in the near future to decriminalization of causing serious harm to health in the operation of autonomous vehicles. This is possible only under the condition of maximum protection of citizens from the point of view of administrative and civil legislation. It is necessary to find a balance between the differentiation of criminal and civil liability in this area. At the same time, the emphasis in civil law should be on compensatory measures, compensation for material and moral harm, and not on penalties (here the priority is for administrative and criminal law), since the hierarchy of the severity of responsibility and its transitivity should be preserved. At the same time, it is necessary, at the level of clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation, to show the increased social danger of acts committed with indirect intent.*

Keywords: *differentiation of responsibility, crimes in the field of high technologies, unmanned vehicles, damage caused by a robot, reasonable risk.*

Развитие современных технологий ставит новые задачи перед обществом. По результатам 78-й сессии глобального форума по безопасности дорожного движения (г. Женева, 25–29 марта 2019 г., РФ в нем участвует) была принята резолюция, направленная на внедрение в практику дорожного движения выско- и полностью автоматизированных транспортных средств. Эта резолюция окажет помощь сторонам Конвенции о дорожном движении (Вена, 1968 г.) в безопасном внедрении в эксплуатацию автоматизированных транспортных средств. Подобная широкая

автоматизация будет способствовать повышению безопасности дорожного движения, расширению мобильности и ускорению социально-экономического прогресса.

Разумеется, любая новая, не до конца апробированная технология несет и определенные угрозы. Так, появление беспилотного транспорта обострило вопросы относительно ответственности за вред, причиненный в процессе эксплуатации автономно действующей техники. Особенность таких правонарушений состоит в том, что они практически всегда находятся на стыке трех отраслей права: административного (предполагает ответственность за допущенное нарушение правил эксплуатации транспорта, несоблюдение правил дорожного движения), уголовного (устанавливает ответственность за преступление, как правило, с наступлением общественно опасного последствия) и гражданского (предполагает компенсацию морального вреда и ответственность за причиненный материальный ущерб).

К осени 2020 г. получил развитие произошедший еще два года назад случай с наездом беспилотного такси Uber на велосипедиста, который переходил дорогу в неполюженном месте. В США оператора беспилотника Рафаэлу Васкес обвинили в убийстве по неосторожности (терминология США) в результате дорожно-транспортного происшествия (ДТП). Судебный процесс начнется 11 февраля 2021 г., подозреваемая вину не признает. Первоначально полиция посчитала оператора невиновной. В момент аварии машина двигалась в автономном режиме со скоростью 61 км/ч. Женщина с велосипедом неожиданно выскочила на дорогу, в результате система не успела среагировать на опасность. В отчете Национального совета по безопасности на транспорте США отмечалось, что алгоритмы беспилотника не были рассчитаны на распознавание людей, переходящих дорогу в неполюженном месте и автомобиль «заметил» жертву только за 5,6 секунды до столкновения, а тормозить начал лишь за 0,2 секунды. Анализ потребленного смартфоном оператора такси трафика показал, что Васкес перед ДТП смотрела шоу «Голос» в течение 42 минут вплоть до момента аварии. Таким образом, оператор не принял управление на себя и не предотвратил столкновение.

Подчеркнем, что в США уже в 29 штатах и округе Колумбия прописаны правила использования беспилотников. Например, во Флориде ответственность в случае ДТП может нести человек, который запустил автомобиль по маршруту (оператор), производитель

автопилота/автомобиля или оба сразу¹. Подобный подход с ответственностью сразу двух субъектов возможен и исходя из действующего российского права. Следует оговориться, что в данной публикации речь не будет вестись об умышленных преступлениях с использованием беспилотной техники: они, разумеется, возможны, но, как правило, вызывают меньше сложностей в квалификации. Одной из особенностей совершения неосторожного преступления является невозможность соучастия в нем. Вместе с тем в таких случаях возможно так называемое сопричинение вреда [1].

В упомянутом примере прокуратура всю вину возложила на оператора. При этом старшие менеджеры компании Uber были осведомлены о существующих проблемах с беспилотниками еще за несколько месяцев до аварии. Один из уволившихся инженеров направил письмо главе программы самоуправления всего за несколько дней до указанного ДТП. В своем сообщении он подчеркивал, что робомобили почти ежедневно получали повреждения во время испытания системы, а однажды по непонятной причине беспилотник проехал несколько метров по тротуару. Все это указывало на сырьость программного обеспечения и преждевременность экспериментов на дорогах общего пользования.

Настораживает и тот факт, что система автоматизации не подала тревожного сигнала оператору при обнаружении неидентифицированного движущегося объекта с пересекающейся траекторией движения.

В отличие от прокуратуры, Национальное управление безопасности перевозок решило, что виновен не только оператор автомобиля, но и компания Uber, которая не обеспечила эффективных протоколов безопасности, а также контроль за операторами беспилотников. Претензии выдвинули и к департаменту транспорта Аризоны за то, что чиновники не организовали достаточный надзор за тестированием робомобилей².

Российское законодательство в рассматриваемой сфере только начинает формироваться. Согласно п. 18 Положения о проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транс-

¹ *Ефимова А.* Засмотрелась и убила: в США будут судить оператора беспилотника. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/09/16/13253677.shtml> (дата обращения: 17.09.2020).

² Оператор робомобиля Uber в 2018 году сбила человека. Женщину обвиняют в убийстве по неосторожности. URL: <https://habr.com/ru/news/t/519334/> (дата обращения: 17.09.2020).

портных средств (утверждено постановлением Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415)¹ при проведении эксперимента собственник высокоавтоматизированного транспортного средства несет ответственность за ДТП и иные происшествия на автодорогах РФ «при отсутствии виновных действий других участников дорожного движения, приведших к данному дорожно-транспортному или иному происшествию на автомобильной дороге».

Приведенная формулировка не позволяет однозначно разграничить ответственность собственника беспилотника и иных лиц, а также провести межотраслевую дифференциацию ответственности. Буквальное толкование исключает ситуацию сопричинения вреда, т.к. наличие виновных действий иных участников ДТП, по логике Правительства РФ, исключает ответственность собственника беспилотника. Если вернуться к примеру с такси Uber, получается, секундное замешательство оператора авто дает «индальгенцию» от ответственности разработчику транспортного средства, несмотря на наличие причинной связи между недоработкой программного обеспечения и наездом на пешехода.

С другой стороны, далеко не всегда общественно опасное вмешательство может быть осуществлено другими участниками дорожного движения, это могут быть, например, и взломавшие дистанционно систему управления автомобилем киберпреступники.

Далее, как отмечает И.Н. Мосечкин, квалификация по ст. 264 УК РФ для разработчика исключается в силу того, что транспортным средством управлял не разработчик, а созданный им искусственный интеллект. Впрочем, содеянное может квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, то есть как выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности ... [3, с. 469].

Кроме того, указанное положение постановления Правительства РФ не согласуется с правилами ответственности, закрепленными ст. 1079 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих» – для гражданско-правовой ответственности нет необходимости доказывать вину владельца источника повышенной опасности. Исключение – вред, причиненный в результате взаимодействия источников повышенной опасности их владельцам, который возмещается на общих основаниях (п. 3 ст. 1079 ГК РФ).

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 49, ч. 6, ст. 7619.

Таким образом, формулировка п. 18 постановления Правительства РФ № 1415 не соответствует правилам ни регулятивной, ни охранительной отраслей российского права. Сложившаяся неопределенность с ответственностью за вред, причиненный беспилотным транспортным средством, требует скорейшего решения. Следует отметить, что применительно к внедрению передовых технологий при дифференциации ответственности следует максимально отдавать приоритет в пользу гражданско-правовой и административной ответственности, нежели уголовной.

В п. 7 постановления Правительства РФ № 1415 сказано: заявители, которые планируют эксплуатировать высокоавтоматизированное транспортное средство, должны застраховать и поддерживать застрахованным в период опытной эксплуатации риск ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц в пользу третьих лиц на сумму 10 млн руб. в отношении каждого средства.

Эта сумма согласуется с некоторыми расчетами: по мнению специалистов Высшей школы экономики, итоговый социально-экономический ущерб от гибели одного человека в ДТП составляет 9,2 млн рублей¹. Данная сумма, как бы цинично это не звучало, хоть как-то приближена к действительному материальному вреду обществу от потери человеческой жизни. Разумеется, можно бесконечно долго и справедливо дискутировать о бесценности жизни, но складывающаяся сегодня практика показывает, что возмещение родственникам погибшего, к сожалению, редко превышает 1 млн. рублей независимо от благосостояния виновного.

Одновременно в литературе предлагается более «классический» подход к распределению ответственности между субъектами: «если причиной нарушения беспилотным автомобилем правил дорожного движения, повлекшего причинение смерти человеку, послужило несовершенство программного обеспечения, осуществляющего управление, то ответственность следует возложить на разработчика программы, при условии наличия признака вины в форме умысла или, что более вероятно, неосторожности» [2, с. 49].

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р «Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» // СЗ РФ. 2020. № 13, ст. 1995.

С позиции буквы уголовного закона все верно. Однако если следовать принципу вины, то возникают сложности. Предугадать последствия сокращения программного кода в какой-то части крайне проблематично, а прописать правила абсолютно для всех ситуаций просто невозможно. Более того, большинство проблем робоэтики, включая сформулированную Ф. Фут проблеме вагонетки, настолько сложны именно из-за того, что не имеют однозначных решений и для самого человека в рамках «классической» этики.

Следует признать, что материальный ущерб, который заблаговременно не может быть конкретизирован, исчислен более или менее точно, не должен быть характерен для сферы действия уголовного права.

С целью минимизации вмешательства уголовного права в такие общественные отношения в отечественном законодательстве сформулирован институт обоснованного риска. Отрадно, что Верховный Суд РФ в изменениях, внесенных 11 июня 2020 г. в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», обратил внимание судей на необходимость его более широкого применения: положения ст. 41 УК РФ распространяются и на лиц, допустивших обоснованный риск в ходе предпринимательской и иной экономической деятельности для достижения общественно полезной цели (п. 18.2)¹. Разумеется, при этом должны быть соблюдены критерии такого риска: невозможность достижения цели не связанным с риском способом, а также принятие достаточных мер для предотвращения вреда. В силу положений ч. 3 ст. 41 УК РФ риск не может быть признан обоснованным, если он заведомо сопряжен с угрозой жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия.

Представляется, что внедрение беспилотного транспорта – та самая общественно полезная цель, имеющая значение для обеспечения безопасности дорожного движения, экономии ресурсов и улучшения экологической обстановки (подробно позитивные стороны внедрения этой технологии раскрыты в разделе X Кон-

¹ Рос. газета. 2020. 26 июня.

цепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования).

Наряду с активным применением института обстоятельств, исключающих преступность деяния, следует рассмотреть и вопрос о частичной декриминализации ряда деяний в транспортной сфере. В 2003 г. законодатель сделал уже шаг по декриминализации причинения средней тяжести вреда здоровью, причиненного по неосторожности в результате ДТП, еще ранее, в 1998 г., – причинения крупного ущерба вследствие ДТП. Представляется, что применение беспилотников может обусловить декриминализацию причинения тяжкого вреда здоровью в результате эксплуатации автономного транспорта при условии максимальной защиты граждан с точки зрения административного и гражданского законодательства. Привлечение юридического лица к административной ответственности и обязанность выплатить существенную сумму потерпевшему (с гарантиями в виде страхования ответственности) без привлечения к уголовной ответственности разработчика беспилотного транспорта позволит найти тот баланс дифференциации уголовной и гражданско-правовой ответственности в рассматриваемой сфере. При этом акцент в гражданском праве должен быть на компенсационных мерах, возмещении материального и морального вреда, а не на штрафных санкциях (здесь преимущество за административным и уголовным правом), т.к. должна сохраняться иерархия строгости ответственности, ее транзитивность.

Одновременно необходимо на уровне разъяснений Верховного Суда РФ показать повышенную общественную опасность деяний, совершаемых с косвенным умыслом, дабы отграничить их от неосторожных преступлений. Так, безразличное отношение разработчика к возможным общественно опасным последствиям эксплуатации беспилотника может говорить уже о косвенном умысле, а не неосторожности (игнорирование перед выпуском в продажу/эксплуатацию неудовлетворительных результатов испытаний, докладов о технических недостатках со стороны отдельных инженеров и т.д.).

Разумеется, для снижения уровня риска причинения вреда в процессе эксплуатации беспилотного транспорта необходим целый комплекс мероприятий. Их уже начал разрабатывать Минтранс РФ: будут созданы специальные тестовые зоны для

апробации беспилотников и систем организации их движения. Министерство также предлагает внести поправки в постановление Правительства РФ, упомянутого ранее. В рамках этих изменений в России будут созданы системы сбора, хранения, учета и использования данных о транспортных средствах, системах управления и организации их движения; установлены требования к безопасности беспилотников, разработан порядок расследований ДТП с их участием и механизм взаимодействия с сотрудниками полиции¹.

Таким образом, акцент на охранительную отрасль права, коей выступает уголовное право, не решит задачи по технологическому рывку РФ, не справится с охраной прав и свобод отдельных граждан. Переход с гужевого транспорта на автомобили также имел побочные негативные эффекты: на высокой скорости люди гибнут с гораздо большей вероятностью. Вместе с тем появление автотранспорта существенно преобразило в лучшую сторону жизнь человека, спасло миллионы человеческих жизней (достаточно вспомнить о машинах скорой помощи, пожарных бригад и т.д.). Соответственно, современному обществу необходимо определенное мужество, чтобы признать необходимость претерпеть отдельные негативные эффекты от технологии, которая позволит в дальнейшем изменить жизнь в лучшую сторону.

Список литературы

1. *Ермолович Я.Н.* Неосторожное сопричинение вреда в преступлениях, сопряженных с нарушением специальных правил // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 2. С. 76-85.
2. *Мосечкин И.Н.* Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования: монография. Киров: Вятский государственный университет, 2020.
3. *Мосечкин И.Н.* Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 3. С. 461-476.

¹ *Алпатова И.* Аварийный вывод // Разработчики беспилотных авто понесут ответственность за ДТП. URL: <https://rg.ru/2020/09/17/razrobotchiki-bespilotnyh-avto-budut-nesli-otvetstvennost-za-dtp.html> (дата обращения: 17.09.2020).

Лапунина Наталия Николаевна

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В статье анализируются некоторые проблемы криминализации и декриминализации деяний в нормах УК РФ. Делается вывод о том, что криминализация происходит в 11 раз активнее, нежели декриминализация. Отмечается, что это не совсем положительная тенденция, поскольку не все изменения вносятся системно, согласуются с нормами Общей части УК РФ, теоретическими основами уголовного права. Рассматривается включение в ч. 3 ст. 205 и ч. 4 ст. 206 УК РФ особо квалифицирующего признака «повлекшие умышленное причинение смерти» и практика его вменения. Делается вывод, что произошедшие изменения недостаточно продуманы с точки зрения научных основ квалификации преступлений, нарушают устоявшуюся практику применения уголовно-правовых норм, что снижает уровень эффективности борьбы с преступностью.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовный закон, криминализация, декриминализация, преступление.

Lapupina Natalia Nikolaevna

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
lapupina-nat8@mail.ru*

SOME PROBLEMS OF CRIMINALIZATION AND IMPROVING NORMS OF CRIMINAL LAW ON MODERN STAGE

Abstract. The article analyzes some of the problems of criminalization and decriminalization of acts in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation. It is concluded that criminalization is 11 times more

active than decriminalization. It is noted that this is not a completely positive trend, since not all changes are made systematically, they are consistent with the norms of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation, the theoretical foundations of criminal law. The inclusion in Part 3 of Art. 205 and part 4 of Art. 206 of the Criminal Code of the Russian Federation of a particularly qualifying sign "resulting in willful infliction of death" and the practice of imputing it. It is concluded that the changes that have taken place are not well thought out from the point of view of the scientific foundations of the qualification of crimes, violate the established practice of applying criminal law norms, which reduces the level of effectiveness of combating crime.

Keywords: *criminal policy, criminal law, criminalization, decriminalization, crime.*

В последние годы в уголовном законодательстве России наметилась тенденция излишне частого, как представляется, внесения изменений в различные уголовно-правовые нормы и институты, а также криминализации новых общественно опасных деяний. Так, в 2019 г. было принято 14 федеральных законов, а с января по сентябрь 2020 г. – десять федеральных законов, которыми внесены поправки в УК РФ.

Совершенствование действующего уголовного законодательства предполагает криминализацию новых общественно опасных деяний и декриминализацию деяний, утративших общественную опасность. С момента вступления в законную силу УК РФ прошло 24 года. За это время было принято более 205 федеральных законов, внесших изменения и дополнения как в Особенную, так и в Общую части УК РФ. В Особенную часть были включены 122 новые статьи. Новыми преступлениями были дополнены все главы Особенной части, за исключением главы 33 «Преступления против военной службы». Процесс криминализации преступных деяний осуществляется в России в 11 раз активнее, нежели процесс декриминализации. Представляется, что это негативная тенденция.

В первые годы действия УК РФ ученые и практики отмечали следующие позитивные тенденции уголовной политики России: постепенный отказ от возможности разрешения социальных проблем методом принуждения, подавления личности; сокращение перечня преступлений; ориентация на международные стандарты и зарубежный опыт борьбы с преступностью; приведение норм уголовного законодательства в соответствие с Конституцией РФ.

В 1999 г. С.С. Босхолов писал: «впервые в истории России за столетие... при принятии нового уголовного закона число криминализованных деяний оказалось меньше числа декриминализованных. Отмеченная тенденция вселяет оптимизм, ибо чрезмерное увлечение криминализационными процессами приводит к появлению целого ряда «псевдопреступлений», что, несомненно, подрывает престиж самого уголовного закона, его предупредительный потенциал» [1, с. 48]. Эта отмеченная положительная тенденция уголовной политики в настоящее время полностью утрачена.

Следует согласиться с Т.В. Досюковой, утверждающей, что «с одной стороны, такое положение дел показывает, что уголовный закон не консервативен, весьма мобилен и отражает изменения в общественных отношениях российского государства. Кроме того, такое внимание законодателя демонстрирует его равнодушие к существующей уголовно-правовой базе страны, желание улучшить уголовное законодательство. Однако, с другой стороны, подобная, зачастую излишняя мобильность самого сурового закона России указывает либо на недостаточную изначальную теоретическую базу кодификации, либо на банальную теоретическую неподготовленность законодателя при принятии либо изменении ряда уголовно-правовых норм» [2, с. 48-49].

Как верно отмечал А.В. Наумов, «любую новую норму надо конструировать в связи с общим контекстом кодекса, с учетом всех его норм» [3, с. 137]. Так, федеральным законом от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ ст. 264 УК РФ была дополнена новым квалифицирующим признаком, указывающим на совершение преступления в состоянии опьянения. На тот момент законодатель относился нейтрально к соответствующему состоянию лица при совершении преступлений. «Состояние опьянения» не было предусмотрено ни среди обстоятельств, смягчающих наказание (ст. 61 УК РФ), ни среди отягчающих наказание обстоятельств (ст. 63 УК РФ). В связи с большим количеством лиц, гибнущих в результате дорожно-транспортных происшествий, возражений против указанного нововведения нет. Более того, представлялось логичным и необходимым включить в качестве квалифицирующего признака это обстоятельство и в ряд других норм, например в ст. 263 УК РФ. Однако указанное нововведение породило несогласованность норм Особенной части УК РФ с институтами Общей части УК РФ. Только спустя 4,5 года этот пробел законодате-

лем был устранен, и ст. 63 УК РФ федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ была дополнена частью 1¹, позволяющей признавать в определенных случаях это состояние отягчающим наказание. И только в 2019 г., федеральным законом от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ, состояние опьянения было предусмотрено в качестве квалифицирующего признака в ст. 263 и ряде других статей УК РФ.

Среди примеров не до конца продуманных решений законодателя можно привести новые нормы, восстанавливающие такой вид множественности, как неоднократность преступлений. На момент принятия УК РФ в нем выделялись три вида множественности: неоднократность, совокупность, рецидив (ст. 16-18). Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ неоднократность из УК РФ была исключена, однако при криминализации новых деяний она вдруг вновь появилась. Так, ст. 151¹ УК РФ предусматривает уголовную ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, только если лицо совершило данные действия неоднократно. В примечании к первоначальной редакции этой статьи неоднократность предполагала, что повторное деяние было совершено лицом, ранее привлеченным к административной ответственности за аналогичное деяние, в течение 180 дней.

Кроме того, федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 258-ФЗ УК РФ дополнен новой ст. 212¹. Неоднократность упоминается и в названии этого преступления, и в диспозиции статьи, однако понимается она здесь уже по-другому: «...если лицо более двух раз привлекалось к административной ответственности в течение 180 дней». И вновь в Общую часть УК РФ законодатель не внес изменения, не восстановив неоднократность как вид множественности и не раскрыв ее понятие. Представляется, что различное понимание неоднократности в нормах Особенной части, отсутствие определения этого вида множественности в Общей части УК РФ не улучшило правоприменительную практику и не способствовало единообразному применению рассматриваемых норм. Помимо нарушения в указанных ситуациях принципа согласованности норм Общей и Особенной частей УК РФ, нарушена межотраслевая согласованность норм уголовного и административного законодательства. В соответствии с КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию в течение одного года. В связи с этим совершенно непонятно, от-

куда взялись 180 дней. Следует отметить, что законодатель спустя определенное время исправляет допущенные пробелы. Так, в частности, произошло с примечанием к ст. 151¹ УК РФ, в которое он внес изменения по срокам понимания неоднократности, однако понятие неоднократности в ст. 212¹ УК РФ до сих пор осталось в первоначальной редакции.

Таким образом, законодатель идет по пути восстановления норм с административной преюдицией, от которых УК РФ 1996 г. отказался и восстанавливает неоднократность как вид множественности.

Частые изменения самого сурового закона иногда свидетельствуют о теоретической неподготовленности законодателя при принятии либо изменении ряда уголовно-правовых норм. Примером этому служит декриминализация таких деяний, как клевета (ст. 129 УК РФ), оскорбление (ст. 130 УК РФ), клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя (ст. 298 УК РФ) в 2011 г. Спустя полгода в 2012 г. законодатель вновь криминализировал клевету (ст. 128¹ и ст. 298¹ УК РФ) практически в прежней редакции.

Недостаточная стабильность и обоснованность норм действующего уголовного закона РФ подрывает единообразие правоприменительной практики. Доктриной уголовного права выработаны научные основы квалификации преступлений, понятие и виды конкуренции уголовно-правовых норм и правила квалификации при каждом виде конкуренции. Иногда слабо продуманные или несогласованные с другими нормами и институтами УК РФ изменения ломают устоявшиеся основы и правила квалификации. Речь идет о федеральных законах от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ и от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ, первым из которых из ст. 105 УК РФ исключен такой квалифицированный состав, как убийство, сопряженное с захватом заложника, вторым – в ст. 205 и ст. 206 УК РФ включен такой особо квалифицирующий признак, как «повлекший умышленное причинение смерти человеку».

В качестве несомненного достоинства следует отметить увеличение санкций за эти деяния вплоть до пожизненного лишения свободы. Однако указанный вид наказания мог применяться и при предыдущей редакции закона – в случае совершения террористического акта, захвата заложников и убийства содеянное

квалифицировалось по совокупности указанных умышленных преступлений, а санкция ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает пожизненное лишение свободы. Только при неосторожном отношении виновных в террористическом акте и захвате заложников к смерти человека их действия охватывались ст. 205 или ст. 206 УК РФ, не образуя совокупность со ст. 109 УК РФ.

Таким образом, традиционно при конструировании квалифицирующих признаков умышленного преступления законодатель включал последствия, к которым виновный относился по неосторожности. Примеров подобных норм в УК РФ достаточно много (ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 123, ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127 и мн. др.).

В научной и учебной литературе, в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ указывалось, что если при совершении умышленного преступления отношение виновного к последствиям в форме неосторожности, то дополнительной квалификации по соответствующим статьям УК РФ за неосторожные преступления не требуется. Однако если при совершении умышленного преступления совершается другое более тяжкое умышленное преступление, в частности убийство, то действия виновных квалифицируются по совокупности преступлений (например ст. 105 и ст. 126 УК РФ). И в настоящее время эта практика квалификации остается в отношении практически всех преступлений, кроме террористического акта и захвата заложника.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»¹ применительно к похищению человека, разбою, вымогательству, бандитизму, изнасилованию и насильственным действиям сексуального характера разъясняется, что, если в процессе совершения этих преступлений совершается убийство, то действия виновных квалифицируются по совокупности убийства и похищения человека, и т.д.

Однако после внесенных федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ изменений в ст. 205 и 206 УК РФ (дополнение особо квалифицирующим признаком «повлекшие умышленное причинение смерти») и принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направ-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (с изм. и доп. от 3 марта 2015 г., № 9) // БВС РФ. 1999. № 3.

ленности»¹ установившаяся практика квалификации подобных преступлений была нарушена. Так, в п. 9 указанного постановления разъяснено: в случае если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (двум и более лицам), содеянное охватывается п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требует.

Представляется, что рассмотренные изменения в УК РФ, недостаточно продуманные с точки зрения научных основ квалификации преступлений, повлекли необоснованные и бессистемные изменения в правоприменении, которые снижают уровень эффективности борьбы с преступностью.

Процессы криминализации и декриминализации должны способствовать устранению пробелов в действующем уголовном законодательстве, его приведению в соответствие с меняющимися условиями и потребностями общественной жизни. На деле же это не всегда так. Стремясь улучшить УК РФ, законодатель зачастую игнорирует теоретические основы уголовного права, в частности требование системности уголовного закона, что не способствует эффективному противодействию преступности.

Список литературы

1. *Босхолов С.С.* Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М.: ЮрИнфоР, 1999.

2. *Досюкова Т.В., Лапунина Н.Н.* Уголовная политика России в сфере криминализации на рубеже тысячелетий // Человек в постиндустриальном обществе: сб. науч. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф. (30 октября 2013 г.). Варна-Саратов: Пресс-лицей, 2013. С. 41-49.

3. *Наумов А.В.* Уголовная статистика: преступность и ее стабильность // Уголовное право. 2008. № 4. С. 134-137.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (с изм. и доп. от 3 ноября 2016 г., № 41) // БВС РФ. 2012. № 4.

УДК 343.2/.7

Лопашенко Наталья Александровна

*Д.ю.н., профессор, профессор кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права,
заслуженный юрист РФ,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

НОВАЯ КРИМИНАЛИЗАЦИЯ: ПОДКУП АРБИТРА (ТРЕТЕЙСКОГО СУДЬИ)

Аннотация. В конце октября 2020 г. в России впервые введена уголовная ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ). В связи с этим предпринята попытка осмысления указанной криминализации и уяснения содержания составов преступлений, сформулированных в статье. Автор полагает, что новое преступление является коррупционным и близко по своей сути к другим коррупционным преступлениям, предусмотренным в главе 23 и главе 30 УК РФ. Автор анализирует место расположения новой статьи уголовного закона, не соглашаясь с ним, однако оговаривая, что и другие возможные места для этого состава не подходят, в связи с тем, что арбитр (третейский судья) не может быть отнесен ни к должностным, ни к управленческим лицам. Поэтому лучшим выходом было бы создание специальной главы в УК РФ, в которой были бы аккумулированы все основные составы преступлений, связанных с подкупом и иными проявлениями коррупции. Исследуются по элементам и признакам состава преступления оба ныне предусмотренных в ст. 200.7 УК РФ состава, корреспондирующих по выполняемым действиям друг другу: незаконная передача благ имущественного характера арбитру (третейскому судье) (ч. 1-4) и незаконное получение этих благ указанными лицами (ч. 5-8). Указывается на пробелы уголовной ответственности, в сравнении с составами коммерческого подкупа и взяточничества, и отмечаются пути их преодоления при квалификации деяний.

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности, криминализация, коррупционные преступления, подкуп арбитра (третейского судьи).

Lopashenko Natalia Alexandrovna
*Doctor of Law, Professor of the Department
of Criminal and Penal Law,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
lopashenko@yandex.ru*

NEW CRIMINALIZATION: BRIBERY OF AN ARBITRATOR (ARBITRARY JUDGE)

Abstract. *At the end of October 2020, Russia introduced criminal liability for bribery of an arbitrator (arbitrator) for the first time (Article 200.7 of the Criminal Code of the Russian Federation). In this regard, an attempt was made to comprehend this criminalization and clarify the content of the offenses formulated in the article. The author believes that the new crime is corruption and in its essence is close to other corruption crimes provided for in Chapter 23 and Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author analyzes the location of the new article of the criminal law, disagreeing with it, however, stipulating that other possible places for this composition are not suitable, due to the fact that the arbitrator (arbitrator) cannot be classified as either an official or a managerial one. persons. Therefore, the best solution would be to create a special chapter in the Criminal Code of the Russian Federation, which would accumulate all the elements of crimes related to bribery and other manifestations of corruption. Both elements and features of the crime are investigated, both currently provided for in Art. 200.7 of the Criminal Code of the Russian Federation, the composition corresponding to the actions performed to each other: illegal transfer of property benefits to the arbitrator (arbitrator) (parts 1-4) and illegal receipt of these benefits by the specified persons (parts 5-8). The author points out the gaps in criminal liability in comparison with the components of commercial bribery and bribery, and points out ways to overcome them when qualifying acts.*

Keywords: *crimes in the sphere of economic activity, criminalization, corruption crimes, bribery of an arbitrator.*

Согласно пояснительной записке к законопроекту, которым была введена уголовная ответственность за анализируемое и предусмотренное ст. 200.7 УК РФ деяние (федеральный закон от 27 октября 2020 г. № 352-ФЗ), ратифицировав Конвенцию Совета Европы от 27 января 1999 г. об уголовной ответственности за коррупцию, Российская Федерация взяла на себя международные обязательства по приведению национального уголовно-

го законодательства в соответствие с содержащимися в Конвенции положениями, направленными на борьбу с активным и пассивным подкупом различных должностных лиц как в публичном, так и в частном секторах.

Дополнительным протоколом к Конвенции и рекомендацией ГРЕКО по итогам третьего раунда оценки в нашей стране национального законодательства и практики борьбы с коррупцией по теме «Криминализация преступных деяний» Российской Федерации предписано однозначно криминализировать подкуп национальных и иностранных третейских судей, что и было сделано. Установление такой ответственности ранее предлагалось учеными [4]. Хотя, например, по мнению П.А. Ильичева и М.Ю. Савранского, «в настоящее время установление уголовной ответственности арбитров за коррупцию является преждевременным: реальные предпосылки для введения такой ответственности в России еще не сформированы» [2, с. 158]. Основные причины такого вывода, по мнению авторов, кроются в том, что арбитры (третейские судьи) наделены в России ограниченным иммунитетом, на практике такие дела не встречаются, а вот «ситуации, когда отдельными должностными лицами, исходя из ложно понятых интересов службы, могут быть установлены планы по применению данной статьи», вполне возможны и представляют реальную опасность [2, с. 159-160]. К сожалению, последний тезис, действительно, верен, однако он может быть распространен на многие преступления из главы 22 УК РФ. А вот с тем, что ответственность не нужно устанавливать, согласиться сложно: от коррупции должны быть закрыты все сферы деятельности, в т.ч. и эта (хорошо бы еще и на медиацию такую ответственность распространить).

Возникают вопросы с определением места анализируемой статьи в системе Особенной части УК РФ. Больше, представляется, от безысходности она размещена в главе посягательств в сфере экономической деятельности, поскольку споры, которые разрешаются в указанных судах, имеют прямое отношение к гражданско-правовым вопросам, а те часто связаны с деятельностью экономической. Однако по своему характеру подкуп арбитра (третейского судьи) является определенно коррупционным преступлением и по этим параметрам тяготеет к составам, связанным с коррупцией, которые, в основном, расположены в главе 23 УК РФ «Преступления против интересов службы

в коммерческих и иных организациях» и главе 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Но подкупаемые субъекты – арбитры и третейские судьи – не относятся ни к лицам, выполняющим управленческие функции в коммерческих и иных организациях¹, ни к должностным лицам. При разработке закона об арбитраже Минюстом России в первоначальном законопроекте были предложены поправки в УК РФ: ввести арбитра в категорию специальных субъектов уголовной ответственности, распространив действие ст. 290-291.1 УК РФ на арбитров (третейских судей), рассматривающих спор в соответствии с законодательством РФ о третейских судах и международном коммерческом арбитраже. Генеральная прокуратура РФ предлагала ввести в главу 23 УК РФ ст. 202.2 «Подкуп третейских судей». Однако эти предложения не были поддержаны [1; 3].

Потому вновь актуализируется давний вопрос о необходимости создания специальной главы в УК РФ, в которой бы были аккумулированы все основные составы преступлений, связанных с подкупом и иными проявлениями коррупции. Из главы 22 УК РФ в эту главу (которая, видимо, должна войти в раздел посягательств на государственную власть и управление), кроме ст. 200.7 УК РФ, могли бы быть перенесены еще несколько составов (в частности, подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ст. 200.5 УК РФ), оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ, при условии сохранения ее в УК РФ), и др.).

¹ На это указывалось, в частности, в официальном отзыве Правительства РФ на законопроект: «анализ действующего законодательства Российской Федерации показывает, что третейские суды, не относящиеся к судебной системе Российской Федерации, рассматривают по соглашению сторон споры между сторонами гражданско-правовых отношений, а также экономические споры и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. В связи с этим предусмотренные законопроектом противоправные деяния арбитра (третейского судьи) не могут быть отнесены к преступлениям, объектом которых являются отношения в сфере интересов службы в коммерческих и иных организациях». См.: Официальный отзыв Правительства РФ от 17 января 2020 г. № 337п-П4 на проект федерального закона «О внесении изменений в Российскую Федерацию в целях установления ответственности арбитров (третейских судей) за коррупцию». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Основные понятия, используемые в тексте ст. 200.7 УК РФ, сформулированы в федеральном законе от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ (с изм. и доп. от 27 декабря 2018 г., № 531-ФЗ) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»¹ (далее ФЗ 2015 г.) и в законе РФ от 07 июля 1993 г. № 5338-1 (с изм. и доп. от 25 декабря 2018 г., № 485-ФЗ) «О международном коммерческом арбитраже» (вместе с «Положением о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации», «Положением о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации»)² (далее Закон 1993 г.).

Объект преступления – общественные экономические отношения, соответствующие принципу добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности в арбитраже внутренних споров и в международном коммерческом арбитраже, местом которого является Российская Федерация.

Согласно ст. 2 ФЗ 2015 г., *арбитраж (третейское разбирательство)* представляет собой процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражного решения). В арбитраж (третейское разбирательство) по соглашению сторон могут передаваться споры между сторонами гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Федеральным законом могут устанавливаться ограничения на передачу отдельных категорий споров в арбитраж (третейское разбирательство). Если ФЗ 2015 г. не предусмотрено иное, он распространяется как на арбитраж (третейское разбирательство), администрируемый постоянно действующим арбитражным учреждением, так и на арбитраж (третейское разбирательство), осуществляемый третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора (ст. 1 ФЗ 2015 г.). ФЗ 2015 г. действует в отношении *арбитража внутренних споров* – арбитраж, не относящийся к международному коммерческому арбитражу (ст. 2 ФЗ 2015 г.).

Международный коммерческий арбитраж – это арбитраж, к которому применяется Закон 1993 г. (ст. 2 ФЗ 2015 г.). Согласно ст. 2 Закона 1993 г., указанный вид арбитража означает процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения тре-

¹ Рос. газета. 2015. 31 дек.

² Рос. газета. 1993. 14 авг.

тейским судом (третейское разбирательство) независимо от того, администрируется ли он постоянно действующим арбитражным учреждением, включая без ограничения Международный коммерческий арбитражный суд и Морскую арбитражную комиссию при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (приложения I и II к настоящему Закону), или нет.

Ст. 200.7 УК РФ включает в себя два самостоятельных, но корреспондирующих по выполняемым действиям друг другу состава – незаконную передачу благ имущественного характера арбитру (третейскому судье) (ч. 1-4) и незаконное получение этих благ указанными лицами (ч. 5-8). В любом случае, совершение этих преступлений нарушает установленные законом принципы арбитража – принципы независимости и беспристрастности арбитров, диспозитивности, состязательности сторон и равного отношения к сторонам (ст. 18 ФЗ 2015 г.)¹.

Поскольку преступления, предусмотренные ст. 200.7 УК РФ, могут быть отнесены к коррупционным, толкование совпадающих с составами основных коррупционных преступлений (коммерческого подкупа и взяточничества) признаков этих преступлений возможно путем обращения к постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»².

Правда, следует констатировать, что охват возможных коррупционных проявлений в области третейского судопроизводства и коммерческого арбитража, в сравнении с уже классическими коррупционными преступлениями, предусмотренными главой 23 и главой 30 УК РФ, гораздо менее широк: не выделены такие самостоятельные по другим главам деяния, как посреднические действия в получении – передаче арбитру (третейскому судье) незаконного вознаграждения. Ввести уголовную ответственность и за посредничество в подкупе арбитра (третейского судьи) в доктрине ранее предлагалось [1], но законодатель пошел по другому пути. Однако это не означает, что они не наказуемы; их следует квалифицировать как пособничество в подкупе.

¹ О принципе равного отношения к сторонам говорит и Закон 1993 г. (ст. 18).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (с изм. и доп. от 24 декабря 2019 г., № 59) // БВС РФ. 2013. № 9.

Предмет¹

Предмет преступлений указан в законе: 1) деньги; 2) ценные бумаги; 3) иное имущество; 4) услуги имущественного характера, оказываемые незаконно; 5) другие имущественные права, предоставляемые незаконно.

Объективная сторона состава, предусмотренного в ч. 1 ст. 200.7 УК РФ

Объективная сторона преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 200.7 УК РФ, заключается в трех возможных, альтернативно предусмотренных формах: 1) незаконной передаче арбитру (третейскому судье) денег, ценных бумаг, иного имущества; 2) незаконном оказании ему услуг имущественного характера; 3) предоставлении иных имущественных прав (в т.ч. когда по указанию арбитра (третейского судьи) имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в полномочия арбитра (третейского судьи) либо если он в силу своего положения может способствовать указанным действиям (бездействию).

Лицо, которому передается незаконное вознаграждение: арбитр (третейский судья).

Преступление в этой форме *окончено*, когда другой стороной – арбитром (третейским судьей) – принята хотя бы часть незаконного вознаграждения.

Субъективная сторона состава, предусмотренного в ч. 1 ст. 200.7 УК РФ

Субъективная сторона характеризуется только прямым умыслом.

Субъект состава, предусмотренного в ч. 1 ст. 200.7 УК РФ

Субъектом может быть любое лицо, достигшее 16 лет. Имеются в виду, в частности, *представители сторон арбитража* – организаций – юридических лиц, граждане, являющиеся индивидуальными предпринимателями, физические лица, которые

¹ Следует оговориться, что с позиции теории уголовного права незаконное вознаграждение должно быть признано не предметом преступления, а средством его совершения, и относиться к объективным признакам состава. Однако постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 традиционно считает его именно предметом (п. 9); потому и здесь предмет толкуется так же.

предъявили исковое заявление в порядке арбитража в защиту своих прав и интересов либо к которым предъявлен иск в порядке арбитража, а также которые присоединились к арбитражу корпоративных споров в качестве их участников в предусмотренных ФЗ 2015 г. случаях (ст. 2 ФЗ 2015 г.).

Квалифицирующие (особо квалифицирующие) признаки состава, предусмотренного в ч. 1 ст. 200.7 УК РФ

В ч. 2 ст. 200.7 УК РФ устанавливается повышенная уголовная ответственность за те же деяния, совершенные в значительном размере. *Значительным размером* подкупа арбитра (третейского судьи) в настоящей статье признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие двадцать пять тысяч рублей (примечание 1 к статье).

В ч. 3 ст. 200.7 УК РФ предусмотрено ужесточение ответственности, если подкуп совершен группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а»); за заведомо незаконные действия (бездействие) (п. «б»); в крупном размере (п. «в»). *Крупным размером подкупа*, согласно примечанию 1 к статье, признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие сто пятьдесят тысяч рублей.

В ч. 4 статьи регламентирована ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи) ответственности, если деяние совершается в *особо крупном размере* (с превышением одного миллиона рублей – примечание 1 к статье).

Объективная сторона состава, предусмотренного в ч. 5 ст. 200.7 УК РФ

Объективная сторона ч. 5 ст. 200.7 УК РФ заключается в следующих формах: 1) незаконном получении арбитром (третейским судьей) денег, ценных бумаг, иного имущества; 2) незаконном пользовании им услугами имущественного характера или иными имущественными правами (в т.ч. когда по указанию арбитра (третейского судьи) имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в полномочия арбитра (третейского судьи) либо если он в силу своего положения может способствовать указанным действиям (бездействию).

Под *получением* незаконного вознаграждения или *пользованием* услугами имущественного характера или иными имущественными правами понимают корреспондирующее передаче действие, выражающееся в принятии виновным предмета преступления или получении им иной имущественной выгоды. Получение денег, ценных бумаг или иного имущества, пользование услугами имущественного характера или иными имущественными правами *незаконно*, если оно противоречит установленным в законодательстве об арбитраже положениям об оплате труда арбитров. Так, в ст. 22 ФЗ 2015 г. говорится: «3. В рамках арбитража, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением, размер гонорара арбитров определяется правилами постоянно действующего арбитражного учреждения. При арбитраже, осуществляемом третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора, размер гонорара определяется с учетом требований части 4 настоящей статьи.

4. В рамках арбитража, осуществляемого третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора, размер гонорара арбитров определяется по соглашению сторон, а при отсутствии такого соглашения – третейским судом с учетом цены иска, сложности спора, времени, затраченного арбитрами на ведение арбитража, и любых других относящихся к делу обстоятельств».

Преступление считается *оконченным* с момента принятия виновным хотя бы части предмета преступления, или с момента начала пользования услугами имущественного характера или иными имущественными правами.

Субъективная сторона состава, предусмотренного в ч. 5 ст. 200.7 УК РФ

Субъективная сторона характеризуется только прямым умыслом.

Субъект состава, предусмотренного в ч. 5 ст. 200.7 УК РФ

Субъект преступления по ч. 5 ст. 200.7 УК РФ – арбитр (третейский судья).

Согласно ст. 2 ФЗ 2015 г., *арбитр (третейский судья)* – это физическое лицо, избранное сторонами или избранное (назначенное) в согласованном сторонами или установленном федеральным законом порядке для разрешения спора третейским судом. Деятельность арбитров в рамках арбитража (третейского разбирательства) не является предпринимательской.

Квалифицирующие (особо квалифицирующие) признаки состава, предусмотренного в ч. 5 ст. 200.7 УК РФ

Преступления, обозначенные в ч. ч. 6 – 8 ст. 200.7 УК РФ, представляют собой квалифицированные составы преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 200.7 УК РФ, совершенные в значительном размере (ч. 6); группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а» ч. 7); сопряженные с вымогательством предмета подкупа (п. «б» ч. 7); совершенные за незаконные действия (бездействие) (п. «в» ч. 7); в крупном размере (п. «г» ч. 7); в особо крупном размере (ч. 8).

Освобождение от уголовной ответственности

В примечании 2 к статье предусмотрены условия *освобождения от уголовной ответственности*. Согласно примечанию, лицо, совершившее деяние, предусмотренное частями 1-4, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении его имело место вымогательство предмета подкупа, либо это лицо добровольно сообщило о совершенном преступлении в орган, имеющий право возбудить уголовное дело.

Список литературы

1. *Гайдаенко Шер Н.И.* Формирование системы альтернативных механизмов разрешения споров: бесконфликтное общество как основа противодействия коррупции: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н.Г. Семилютина. М.: ИЗИСП, ИНФРА-М, 2015. 176 с. // СПС «КонсультантПлюс».

2. *Ильичев П.А., Савранский М.Ю.* О проектах введения уголовной ответственности для арбитров // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 9. С. 155-164.

3. Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / В.Н. Ануров, К.В. Егоров, А.В. Замазий и др.; под ред. О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранского. М.: Статут, 2016. // СПС «КонсультантПлюс».

4. *Севастьянов Г.В.* Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). СПб.: Редакция журнала «Третейский суд», 2015; М.: Статут, 2015. Вып. 7 // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.79

Лыков Александр Александрович

*Эксперт Центра цифровой экономики и финансовых инноваций,
аспирант кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики,
Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД России, Россия, Москва*

**КРИПТОВАЛЮТА: ПРЕДМЕТ ИЛИ СРЕДСТВО
ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ?**

Аннотация. Несмотря на вступление в силу 1 января 2021 г. федерального закона «О цифровых финансовых активах», далеко не все аспекты правового регулирования оборота криптовалют оказались учтенными. В статье исследуется роль виртуальных активов (криптовалют) в рамках состава легализации преступных доходов, в частности определяется, являются виртуальные активы предметом данного преступления, средством легализации или чем-то иным. Делается вывод о противоречивости и проблемности современной правоприменительной практики в части рассматриваемого вопроса, что может быть устранено, если за виртуальными активами будет признана более широкая роль в рамках состава легализации преступных доходов.

Ключевые слова: криптовалюта, виртуальные активы, состав преступления, предмет преступления, средства совершения преступления, легализация преступных доходов.

Lykov Alexander Aleksandrovich

*Expert of the Center of digital economy and financial innovations,
Postgraduate Student of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminalistics,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow
Lykov1500@gmail.com*

**CRYPTOCURRENCY:
SUBJECT MATTER OR MEANS OF MONEY LAUNDERING?**

Abstract. Despite the entry into force of the federal law "On digital financial assets" on January 1, 2021, far from all aspects of the legal

regulation of cryptocurrency turnover were taken into account. The article examines the role of virtual assets (cryptocurrencies) within the framework of the legalization of criminal proceeds, in particular, it is determined whether virtual assets are the subject of this crime, a means of legalization or something else. It is concluded that the current law enforcement practice is contradictory and incomplete in terms of the issue under consideration, which can be eliminated if a broader role within the framework of money laundering is recognized for virtual assets.

Keywords: *cryptocurrency, virtual assets, elements of crime, subject matter of crime, means of crime commission, money laundering.*

Несмотря на вступление в силу 1 января 2021 г. федерального закона «О цифровых финансовых активах»¹, далеко не все аспекты правового регулирования оборота криптовалют оказались в нем учтены. Одним из открытых вопросов осталось место криптовалют в рамках составов легализации преступных доходов.

На первый взгляд, разъяснения на этот счет даны Пленумом Верховного Суда РФ, в 2019 году указавшим², что денежные средства, полученные от продажи криптовалюты, являются предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ. С другой стороны, роль самих криптовалют в составах этих преступлений определена не была. К тому же Верховный Суд не разъяснил, следует ли рассматривать приобретение криптовалюты путем использования преступно полученных денежных средств или имущества как действия, направленные на сокрытие происхождения данных преступных доходов.

Представляется, что виртуальные активы в рамках состава легализации преступных доходов могут выступать как предмет и (или) средство совершения данного преступления. Чтобы подтвердить или опровергнуть эту гипотезу, следует уточнить, что в теории права понимается под предметом, средством и орудием совершения преступлений вообще и легализации преступных доходов в частности.

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газета. 2020. 6 авг.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (с изм. и доп. от 26 февраля 2019 г., № 1) // БВС РФ. 2015. № 9.

Теоретики советского уголовного права выделяли три признака предмета преступления [5, с. 48]:

1. Физический признак. Данный признак предполагает рассмотрение предмета преступления как вещи, предмета, некоего проявления и части материального мира, чувственно доступной для восприятия людьми, со свойствами которого закон связывает наличие признаков преступления.

Критики указанной точки зрения указывают на существование предметов преступления, не обладающих материальностью в строгом смысле этого слова [6, с. 42-44]. В качестве примеров достаточно привести электроэнергию и компьютерную информацию [1], которые, хотя и неосязаемы, но воспринимаются, ценятся и используются людьми на равных с осязаемыми вещами.

Такое дополнение представляется обоснованным (особенно в свете возможности признания криптовалюты предметом преступления), в силу чего рассматриваемый «физический признак» предмета преступления авторы предлагают понимать как способность этого предмета менять некоторые свои характеристики (например месторасположение) в результате физических действий преступника или бездействия преступника, допускающего воздействие на предмет иного физического события [2, с. 48-54].

2. Социальный признак. Данный признак предполагает, что указанное воздействие на предмет преступления влечет воздействие на общественное отношение, являющееся объектом преступления. Так, изъятие предмета хищения из законного владения влечет вред общественным отношениям, охраняющим собственность.

3. Юридический признак. Данный признак предполагает, что законодатель нормативно определяет предмет и объект преступления, а также характер воздействия на них, включая все эти три элемента в состав преступления.

Концепция средств и орудий совершения преступления в теории достаточно противоречива. Есть точка зрения, предлагающая разделение этих двух понятий, где к средствам совершения преступления относятся нематериальные и порой достаточно абстрактные категории, как, например, юридические лица [9, с. 24-33].

Достаточно необычный подход предложил В.Н. Винокуров, называющий предметы, используемые при совершении престу-

пления, но непосредственно не воздействующие на объект преступления или потерпевшего, предметами совершения преступления, при этом, как следует из определения, явно имея в виду некоторые средства совершения преступления [3, с. 56-63].

Однако более распространено воззрение ученых, объединяющих оба термина в один. Такой позиции придерживались еще М.Д. Шаргородский и Н.С. Таганцев, впрочем, чрезвычайно расширяя понятие средства преступления и включая в него не только любые предметы, но также живых существ, других людей [8] и даже способы совершения преступлений, вроде удушья [10, с. 74].

Современный УК РФ также не разделяет средства и орудия совершения преступления, всегда употребляя данные понятия в связке (ст. 30, 33, 110.1, 205.1). С лингвистической точки зрения устойчивое сочетание слов «средства и орудия совершения преступления» называется правовым дублетом или дублетным юридическим термином [4], то есть это словосочетание рассматривается как единое юридическое понятие.

Близким к такому подходу является отказ от слова «орудие совершения преступления» и включение его содержания в понятие «средства совершения преступления», под которым в итоге понимаются любые материальные и нематериальные предметы, которые преступник осознанно использует для достижения преступного результата [7, с. 260-263]. Такое определение средств совершения преступления будет принято и в этой работе.

Определение правовой природы криптовалюты в рамках состава легализации преступных доходов сопряжено с двумя проблемами.

1. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 7 июля 2015 г. № 32 обозначает в качестве предмета легализации преступных доходов 1) денежные средства и имущество, приобретенные в результате совершения преступлений, 2) имущество, произведенное путем переработки преступно полученного имущества, 3) денежные средства, «преобразованные» из преступно полученной криптовалюты.

Обоснованность последнего пункта этого списка вызывает сомнения. Первые два вида предметов формируются в результате юридически значимых действий – совершения предикатного преступления, в результате которого будущие предметы легали-

зации преступных доходов меняют владельца на незаконного. Это же правило действует и в случае переработки преступно полученного имущества, поскольку такая переработка не является юридически значимым действием. Упомянутое же Пленумом «преобразование», по сути, является простой продажей преступно полученных виртуальных активов (в терминах законодательства о противодействии отмыванию доходов и финансированию терроризма), сделкой, которая, безусловно, является юридически значимым действием. В результате возникает противоречие: одни предметы легализации преступных доходов тождественны предметам корыстных преступлений, в результате которых эти доходы добываются, тогда как другие предметы (виртуальные активы) требуют дополнительных экономических и правовых операций для обретения указанной Пленумом роли в составе преступления.

С практической точки зрения такая расстановка акцентов порождает серьезную проблему. Если предметом легализации преступных доходов становятся только денежные средства от продажи преступно полученной криптовалюты, то обмен этой криптовалюты на что-то помимо денег (любое имущество, включая другой виртуальный актив), равно как и совершение с ней иных сделок и финансовых операций (например выдача займа этой криптовалютой), не будут составлять объективную сторону легализации преступных доходов.

По всей видимости, Пленум несколько поспешил с внесением поправок в постановление. С одной стороны, изменения в целом признали возможность легализации преступных доходов через криптовалюту, однако, с другой стороны, породили указанные противоречия и достаточно быстро устарели. Менее чем через год принятый федеральный закон «О цифровых финансовых активах» признал виртуальные активы имуществом для целей противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма и многих других направлений права. В свете нововведения замечание Пленума потеряло смысл: криптовалюта сегодня признана таким же, как и любое другое, имуществом и ничем не заслуживает особого к себе отношения.

2. Анализ теории состава легализации преступных доходов позволяет заключить, что ст. 174 и 174.1 УК РФ рассчитаны, прежде всего, на отмывание денежных средств, и только потом – на отмывание преступно полученного имущества. В целом, такой под-

ход, пусть и формально противоречит международной практике¹, но достаточно логичен.

Сами формулировки ст. 174 и 174.1 УК РФ предполагают, что над предметом этого преступления совершаются некоторые экономические операции, которые «стирают прошлое» предмета, однако сам предмет оставляют неизменным. Действительно, только денежным средствам возможно «придать видимость законного приобретения» и «ввести в законный экономический оборот». Преступно же полученное имущество (будь то украденный смартфон или тонна риса), как правило, можно только продать, что само по себе легализацией преступных доходов не является.

Обозначенное ранее замечание Пленума о необходимости «преобразования» криптовалюты в денежные средства доказывает, что судьи Верховного Суда РФ придерживаются такой же точки зрения, как и научное сообщество: теория средств совершения легализации на сегодня практически отсутствует. В этом отношении криптовалюта стала чем-то радикально новым. Формально являясь имуществом, этот актив практически во всем ведет себя как денежные средства. Криптовалюту можно свободно на бытовом уровне обменивать в обе стороны на деньги и другую криптовалюту, мгновенно перемещать за границу; она лишена индивидуальных признаков и имеет собственный (в большинстве стран, включая Россию, законный) экономический оборот.

Таким образом, легализовать преступно полученную криптовалюту возможно. Более того, все операции по отмыванию могут быть осуществлены без перевода криптовалюты в денежные средства – поможет с этой задачей целая теневая индустрия из сервисов-миксеров, офшорных и пиринговых обменников, высокоанонимных криптовалют.

Напротив, следуя логике Пленума, использование всех описанных способов отмывания состава преступления образовывать не могут, равно как и обналичивание фактически отмытых криптовалют: если предыдущие действия были совершены верно, никто не усомнится в законности полученных в итоге денежных средств, и дополнительные операции с ними не нужны.

¹ Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ETS N 141 (Страсбург, 8 ноября 1990 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901938> (дата обращения: 25.08.2020); Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988 г.). URL: <http://base.garant.ru/10103917/> (дата обращения: 25.08.2020).

Отсюда неизбежно следует вывод о необходимости признания именно виртуальных активов предметом легализации преступных доходов, а не денежных средств от их продажи. Такой шаг согласуется с уголовно-правовой теорией и содержанием ст. 174 и 174.1 УК РФ. Действительно, предметом легализации преступных доходов могут быть только денежные средства и имущество. Виртуальные активы, как было сказано ранее, признаны имуществом на законодательном уровне.

Однако если незаконно полученные денежные средства (например, взятку) переводят в криптовалюту, то какое место она занимает в структуре состава легализации преступных доходов? Предметом преступления в данном случае являются преступно полученные денежные средства. Когда легализация происходит целиком через теневой рынок виртуальных активов, эти денежные средства исчезают в начале и вновь появляются только в конце всей череды «отмывочных» мероприятий. Правдоподобнее всего видится, что используемые таким образом виртуальные активы должны рассматриваться как средство совершения легализации преступных доходов.

Список литературы

1. *Безверхов А.Г.* Имущественные преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2002.
2. *Бикмурзин М.П.* Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М.: Юрлитинформ, 2006.
3. *Винокуров В.Н.* Предмет преступления: отличие от смежных понятий // Журнал российского права. 2011. № 12. С. 56-63.
4. *Глинская Н.П.* Паттерны функционирования дублетных юридических терминов в диахронии (на материале решений верховного суда США). URL: <https://bookonlime.ru/lecture/4-patterny-funkcionirovaniya-dubletnyh-yuridicheskikh-terminov-v-diahronii-na-materiale-2> (дата обращения: 25.08.2020).
5. *Глистин В.К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л., 1979.
6. *Калмыков Д.А.* К вопросу о необходимости корректировки понятия «предмет преступления» // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные проблемы: матер. Российского конгресса уголовного права. М., 2008. С. 42-44.

7. *Побережный Д.Б.* О понятии средства совершения преступления // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 63-1. С. 260-263.

8. *Таганцев Н.С.* Уголовное право (Общая часть). Часть 1. По изданию 1902 г. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum105/item892.html> (дата обращения: 25.08.2020).

9. *Хлус А.М.* Средства совершения преступлений как элемент их криминалистической структуры // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 1 (103). С. 24-33.

10. *Шаргородский М.Д.* Избранные работы по уголовному праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

УДК 343.3/.7

Пономаренко Елена Валерьевна

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19)

Аннотация. Новая коронавирусная инфекция (COVID-19) спровоцировала волну распространения фейковой информации, что потребовало от органов государственной власти РФ принятия радикальных мер, направленных на ее ограничение. Среди таких мер стало, в т.ч., введение уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК РФ) и публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207.2 УК РФ). В статье анализируется необходимость и целесообразность криминализации данных деяний, а также дается характеристика объективных и субъективных признаков этих составов преступлений.

Ключевые слова: новая коронавирусная инфекция (COVID-19), фейк, заведомо ложная информация, общественно значимая информация, пандемия.

Ponomarenko Elena Valerievna

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
pomomarenko@male.ru*

CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE SPREAD OF A NEW CORONAVIRUS INFECTION (COVID-19)

Abstract. A new coronavirus infection (COVID-19) provoked a wave of fake information, which required the state authorities of the Russian Federation to take radical measures aimed at limiting it. Among such

measures was, among other things, the introduction of criminal liability for the public dissemination of knowingly false information about circumstances that pose a threat to the life and security of citizens (Article 207.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the public dissemination of knowingly false socially significant information, which entailed grave consequences (Article 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). The article analyzes the necessity and expediency of criminalization of these acts, as well as the characteristics of some objective and subjective features of the elements of crimes.

Keywords: *new coronavirus infection (COVID-19), fake, knowingly false information, socially significant information, pandemic.*

В 2020 г. все мировое сообщество столкнулось с новой угрозой – пандемией, вызванной коронавирусной инфекцией (COVID-19). Пандемия, внесшая коррективы в привычную жизнь всех стран, потребовала от их руководителей принятия серьезных решений, направленных на сдерживание ее распространения. В большинстве стран мира был объявлен карантин, закрывались транспортные сообщения с соседними государствами, работники учреждений переводились на удаленную работу, ограничивалось передвижение по городам и пр. Подобные меры были предприняты и в нашем государстве. На законодательном уровне за данный период времени было принято 29 законов, направленных на борьбу с распространением инфекции и на преодоление последствий ограничительных мер. Один из таких законов¹ дополнил УК РФ двумя новыми статьями об уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК РФ), и публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207.2 УК РФ). Этот же закон изложил в новой редакции статью 236 УК РФ. Однако любые нововведения должны быть обоснованы, отвечать запросам времени и общества. Отвечают ли данным требованиям новые составы преступлений?

В научной среде неоднократно обсуждался вопрос о необходимости внесения в УК РФ специальной нормы об ответственности за распространение фейковых новостей (информации) [1, с. 125].

¹ Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Рос. газета. 2020. 3 апр.

«Фейк» переводится как «поддельный, фальшивый»¹. О.В. Малюкова определяет фейковые новости как «намеренное распространение дезинформации в социальных сетях и традиционных средствах массовой информации с целью введения пользователя в заблуждение» [2, с. 53]. Любые ложные сведения, распространенные в средствах массовой информации, сети Интернет, способны привести к непредсказуемым последствиям. И тому есть масса примеров. После трагедии, произошедшей в ТЦ «Зимняя вишня» в Кемерово, фейковые новости, распространенные в сети Интернет, едва не спровоцировали конфликт между местными жителями и представителями органов власти². Видеоролик под названием «Жесткий вброс голосов на выборах в Москве», транслировавший эпизод со вбросом бюллетеней в урну для голосования, был постановочным, но породил волну негативных отзывов в адрес властей со стороны недовольных избирателей³.

Со слов председателя Комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству П. Крашенинникова «проблема распространения фейков в сети Интернет обострилась после начала пандемии коронавируса. Ложная информация распространяется молниеносно, приводит к панике, дезориентирует граждан, наносит психологический ущерб и препятствует мерам по недопущению ухудшения ситуации»⁴. Действительно, в условиях сложившейся эпидемиологической ситуации любая информация воспринимается гражданами очень остро, она способна накалить и без того сложную обстановку в обществе. Рядовому «обывателю» отличить правдивую информацию от вбросов практически не представляется возможным. В начале пандемии распространение ложных сведений о количестве заболевших, умерших от COVID-19, приводило к продовольственному коллапсу, дефициту необходимых лекарственных препаратов, искусственному завышению цен на товары первой необходимости, игнориро-

¹ Фейк – что это такое? Определение, значение, перевод. URL: <https://chtoeto-takoe.ru/fake> (дата обращения: 04.01.2021).

² Уголовная ответственность за фейки не является покушением на свободу слова. URL: <https://politinform.su/119429-ugolovnaja-otvetstvennost-za-fejki-nejavljaetsja-pokusheniem-na-svobodu-slova.html> (дата обращения: 04.01.2021).

³ Названа опасность фейковых новостей. URL: https://newsae.ru/rossiya/12-09-2019/nazvana_opasnost_feykovyh_novostey (дата обращения: 04.01.2021).

⁴ Уголовное наказание за нарушение карантина и фейки, право кабинета на введение ЧС. URL: <https://general-ivanov1.livejournal.com/532271.html> (дата обращения: 04.01.2021).

ванию соблюдения необходимых мер безопасности и пр. В настоящее время, после регистрации первой в России и мире вакцины от коронавируса, в сети Интернет появились фейковые домены, якобы связанные с препаратом. Эксперты по кибербезопасности считают, что эти сайты могут быть использованы мошенниками для распространения вирусных рассылок. Подобные сайты предлагали англоязычным пользователям оформить предварительный заказ на вакцину. Оплатить требовалось 25 % от покупки¹. Все изложенное свидетельствует о том, что возможная паника из-за недостоверной информации способна причинить не меньший вред, чем сам вирус, создать угрозу массового нарушения общественного порядка и общественной безопасности, что доказывает целесообразность и необходимость введения подобной ответственности.

Объектом рассматриваемых преступлений являются общественные отношения, направленные на обеспечение общественной безопасности. Такой вывод следует из месторасположения ст. 207.1 и 207.2 в УК РФ. В рамках статьи 207.2 УК имеется дополнительный объект – здоровье другого человека, а факультативным объектом может быть – жизнь другого человека, отношения собственности, общественный порядок и т.п.

Предметом преступлений выступает информация, обладающая следующими признаками: 1) она должна быть ложной, но распространяться под видом достоверной; 2) она должна касаться обстоятельств, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, или являться общественно значимой информацией. В Обзоре Верховного Суда РФ указывается, что «под заведомо ложной информацией следует понимать такую информацию, которая изначально не соответствовала действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространившему»²². Обязательным признаком такой информации является ее распространение под видом достоверной. О достоверности могут свидетельствовать, например, формы, способы ее изложения

¹ Эксперты предупредили о фейковых сайтах про вакцину от коронавируса. URL: <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/eksperty-predupredili-o-fejkovyh-sajtah-pro-vaktsinu-ot-koronavirusa/> (дата обращения: 04.01.2021).

² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г.) // СПС «Консультант-Плюс».

(ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.), использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям. Соответственно, получается, если человек высказал просто свое личное отношение к тем или иным событиям, не подкрепив их ссылками на какие-либо достоверные источники, это говорит об отсутствии в его действиях признаков данных составов преступлений. Информация, о которой идет речь в ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, должна относиться к обстоятельствам, представляющим угрозу жизни и безопасности граждан, или являться общественно значимой информацией. Распространение заведомо ложной информации, например, о частной жизни лица не подпадает под сферу действия данных составов преступлений, но может влечь уголовную ответственность, например, по ст. 128.1 УК РФ. Понятие обстоятельств, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, дается в примечании к ст. 207.1 УК РФ.

Объективная сторона преступлений выражается в публичном распространении под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации. Состав ст. 207.2 УК РФ, в отличие от ст. 207.1 УК РФ, по конструкции является материальным, соответственно его объективная сторона включает еще наступление общественно опасных последствий в виде причинения по неосторожности вреда здоровью человека (в рамках ч. 2 ст. 207.2 УК РФ речь идет о причинении по неосторожности смерти или иных тяжких последствий). Необходимо заметить, что в ст. 207.2 УК РФ законодатель не конкретизировал степень тяжести вреда здоровью человека, причиняемого по неосторожности. Однако в уголовном законе не предусмотрена ответственность за неосторожное причинение средней тяжести и легкого вреда здоровью. Соответственно, можно прийти к выводу, что в ч. 1 ст. 207.2 УК РФ речь идет только о причинении по неосторожности тяжкого вреда здоровью.

«О публичности могут свидетельствовать использованные с этой целью средства массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в т.ч. мессенджеры (WhatsApp, Viber и др.), массовая рассылка электронных сообщений абонентам мобильной связи, распространение такой информации путем выступления на собрании, митинге, распространение листовок, вывешивание плакатов и пр. Вопрос о наличии данного признака

должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств»¹.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ, характеризуется виной в виде прямого умысла. В статье 207.2 УК РФ субъективная сторона выражается в двойной форме вины: умысле по отношению к совершенному общественно опасному деянию и неосторожности по отношению к наступившим вредным последствиям.

Субъект преступлений – общий: физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Им может быть не только тот, кто непосредственно создал и в дальнейшем распространил заведомо ложную информацию об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, но и тот, кто лично такую информацию не создавал, а лишь ее распространил, при осознании ложности такой информации (в т.ч. и так называемый репост).

Изложенное позволяет констатировать, что нововведения в УК РФ, направленные на сдерживание распространения фэйковой информации, являются необходимыми, но об их эффективности можно будет говорить лишь спустя определенное время.

Список литературы

1. *Клюковская И.Н., Тер-Аванесова И.Н.* Умышленное распространение заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях – новый вызов государственной безопасности в современном мире // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 121-128.

2. *Малюкова О.В.* Современная аргументация: в плену у фэйков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т.4 (70). № 4. С. 52-59.

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.2

Проводина Елена Валерьевна

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

**ИНСТИТУТ ИНЫХ МЕР
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА
КАК НЕОБХОДИМАЯ ФОРМА ПРАВОВОГО
ПРИНУЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛЬНОГО ВЫЗОВА ОБЩЕСТВУ (НА ПРИМЕРЕ
КОНФИСКАЦИИ И СУДЕБНОГО ШТРАФА)**

Аннотация. *В условиях стремительного научно-технического прогресса человек и общество нуждаются в строго регламентированной правовой защите. Однако законодательство не всегда успевает быстро и адекватно реагировать на изменения социальной жизни, продиктованные технологическими инновациями. Развития инновационных открытий в русле благополучного существования человечества не всегда можно добиться жесткими императивными мерами, что характерно для отрасли уголовного права. И в этом случае законодательно предусмотренные инструменты в виде иных мер уголовно-правового характера, обладающие широким спектром воздействия, способны обеспечить корреляцию процессов девиантного поведения в рассматриваемой сфере и ответной реакции государства, обеспечивая наиболее адекватную оценку содеянного и увеличивая предупредительное воздействие охранительных механизмов.*

Ключевые слова: *научно-технический прогресс, объекты уголовно-правовой охраны, иные меры уголовно-правового характера, уголовная ответственность, уголовно-правовое воздействие, конфискация, судебный штраф.*

Provodina Elena Valeryevna

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
Lysenko-elena12@yandex.ru*

THE INSTITUTION OF OTHER MEASURES OF CRIMINAL-LEGAL NATURE AS A NECESSARY FORM OF LEGAL COERCION IN A GLOBAL CHALLENGE TO SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF CONFISCATION AND A COURT FINE)

Abstract. *In the conditions of rapid scientific and technological progress, individuals and society need strictly regulated legal protection. However, legislation does not always have time to quickly and adequately respond to changes in social life dictated by technological innovations. The development of innovative discoveries in the mainstream of the prosperous existence of mankind cannot always be achieved by tough imperative measures, which is typical for the branch of criminal law. And in this case, legislatively provided instruments in the form of other measures of a criminal-legal nature, which have a wide range of impact, are able to provide a correlation between the processes of deviant behavior in the area under consideration and the state's response, providing the most adequate assessment of the deed and increasing the preventive effect of protective mechanisms.*

Keywords: *scientific and technological progress, criminal law protection facilities, other measures of criminal-legal nature, criminal liability, criminal-legal influence, confiscation, court fine.*

Иntenсивное развитие человеческого общества, детерминированное динамичным научно-техническим прогрессом (НТП), актуализирует тему его уголовно-правовой защиты как никогда ранее. Происходит расширение границ уголовно-правового воздействия, обусловленное достижениями науки и техники в области «производственных, социальных, информационных и витальных» технологий [4, с. 10].

Появление новых объектов уголовно-правовой охраны предопределено прежде всего рисками, порождаемыми инновациями. Устанавливаются новые меры уголовно-правового воздействия по заданным направлениям. Однако велика ответственность, поскольку основной задачей правового воздействия является направление НТП таким образом, чтобы оно позволяло достичь намеченных результатов [3, с. 23], а не тормозило его. Уголовное право является специфической отраслью права в силу своего метода. Императивный метод, понимаемый как метод власти и подчинения, служит гарантом обеспечения прав и свобод человека и гражданина посредством закрепления их в качестве объектов уголовно-правовой охраны, выступает единственно возможным

в своем роде. Поэтому обоснованность нового уголовно-правового запрета, подразумевающего крайнюю репрессивность отраслевых решений, должна включать оценку возможностей регулирующих отраслей права, в рамках которых это явление сформировалось, а также учитывать ценность объектов, принимаемых под охрану, и средств ее обеспечения.

Сущность эффективного уголовно-правового воздействия в сфере предупреждения злоупотреблениями НТП должна состоять в его достижении «наиболее экономными мерами при их достаточности, но не в минимизации репрессии как таковой» [10, с. 8], что соответствует содержанию принципа экономии репрессии, согласно которому привлечение к уголовной ответственности является исключительной мерой. Стремление к золотой середине – минимально необходимой и достаточной – служит удержанию баланса при реализации задач уголовно-правового воздействия, в противном случае возникает риск получить противоположный результат. Одинаково опасны как избыточная репрессия, так и ее избыточная экономия, исключаящие решение задач, стоящих перед уголовным законом [10, с. 14].

Состояние преступности с момента принятия УК РФ 1996 г., воплощающего идеи гуманизма в лучших традициях, свидетельствует о том, что либерализация (гуманизация) законодательства не во всех случаях позволяет успешно решать его задачи. «Выявлено, что уголовный закон идет по пути криминализации преступного злоупотребления достижениями НТП и усиления санкций за подобные деяния» [5, с. 17]. Такая ситуация во многом обусловлена рисками, которые сопровождают инновационные блага и в силу непредсказуемости последствий не всегда позволяют соблюдать баланс, заложенный законодателем в конструкцию охранительного механизма, между прочими элементами состава, в частности между ценностью охраняемого блага и мерами ответственности, предусмотренными за нарушение его целостности.

Представляется, что в случае реализации механизмов, предусмотренных за злоупотребления достижениями НТП, связанные с проявлением рисков, иные меры уголовно-правового характера позволяют обеспечить этот баланс в нестандартных ситуациях, обусловленных свойствами описанной категории.

Именно наличие иных мер уголовно-правового характера как самостоятельного инструмента решения задач УК РФ обе-

спечивает возможность наиболее точной дифференциации уголовной ответственности за деяния, подразумевающие фактор риска.

Особенно остро необходимость такого инструмента ощущается в условиях гонки НТП, дополнительно стимулируемой пандемией COVID-19. Ввиду нехватки времени и персонала на постепенное внедрение инноваций для оценки возможных рисков [1, с. 1–5] их вероятность увеличивается.

Таким образом, оценку рисков, которую не всегда в полном объеме можно предсказать при разработке и выпуске инновационного блага в эксплуатацию, еще проблематичнее учесть в рамках законодательного охранительного механизма. Такое положение дел увеличивает вероятность возникновения нестандартных уголовно-правовых отношений проблемного характера. И в этом случае институт иных мер, в большей степени рассчитанный на подобные отношения «с изъятием», позволяет взять ситуацию под адекватный государственный контроль.

В рамках данной публикации не представляется возможным рассмотреть значимость всех мер института, поэтому более подробно остановимся лишь на некоторых из них, а именно на конфискации и судебном штрафе.

В науке отмечается, что конфискация, как и принудительные меры медицинского характера, «не носят карательного и возмездного характера» [10, с. 9]. Принудительные меры медицинского характера не имеют карательного содержания, поскольку «...в данном случае не возникает обычная для наказания корреляция между тяжестью совершенного деяния и строгостью ответственности...» [6, с. 103]. Аналогичная ситуация складывается вокруг назначения конфискации. Здесь также исключается корреляция приведенных категорий – изъятию подлежит все имущество, полученное в результате совершения преступления.

Кроме того, в контексте дискуссий предпочтения конфискации как вида наказания или как иной меры высказываются предложения о целесообразности расширения «перечня преступлений, совершение которых может повлечь конфискацию имущества, а равно и расширение перечня объектов конфискации без изменения статуса этой меры» [6, с. 106]. Конфискация рассматривается как эффективная мера в отношении преступлений, связанных с использованием достижений НТП [4, с. 12]. «Данная мера противодействия преступности, которая отнесена сегодня

к числу «иных мер уголовно-правового характера», может оказаться как никогда кстати в борьбе со злоупотреблениями достижениями НТП» [5, с. 457], поскольку именно передовые технологии позволяют преступникам наиболее быстро и эффективно реализовывать свои преступные намерения.

Традиционным считается понимание сути конфискации – восстановление социальной справедливости. Ее применение не утрачивает и не изменяет своей актуальности и значимости относительно доходов криминальной деятельности, связанной с инновациями технического прогресса. Каким бы видом преступности ни был образован материальный капитал, конфискация выполняет одну из важнейших социальных функций уголовного права – разрушение деструктивных представлений о возможности обогащения преступным путем. Поэтому для данной меры уголовно-правового характера не имеет значения: получен ли преступный доход с применением средств и достижений НТП или традиционными преступными способами, важно чтобы ценности, приобретенные в результате совершения преступления, не стимулировали сознание как виновного, так и остальных членов общества к незаконному обогащению, увеличивая число корыстных посягательств. Подобная универсальность меры обеспечивает ее актуальность и необходимость существования в качестве самостоятельного уголовно-правового воздействия. Другое дело – форма его выражения. В частности, конфискация изначально была известна отечественному уголовному законодательству в качестве наказания.

Аналогичная проблема содержания и формы сохраняется при введении в УК РФ ст. 1 федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»¹ ст. 104.4. С одной стороны, вполне перспективная содержательная идея, соответствующая гуманным началам развития законодательства, позволяющая реализовать «право на ошибку» [6, с. 108], т.е. освобождение от уголовной ответственности за определенные категории преступлений, с другой – высокие суммы денежного взыскания. Такая характерная двойственность природы нормы

¹ СЗ РФ. 2016. № 27, ч. 2, ст. 4256.

обусловливает научный интерес [10, с. 93], подразумевает восстановление социальной справедливости и исправительное воздействие, удерживающее от совершения нового преступления [2, с. 34-37].

Однако далеко не всеми проявление справедливости расценивается подобным образом. Замечание А.В. Наумова о том, что «правовое отражение справедливости (а уголовно-правовое – тем более) не ограничивается ее экономическим содержанием» [7, с. 363], наиболее точным образом характеризует сложившуюся ситуацию. «Возмездие» за совершенное деяние сводится к материальному воздействию на лицо, его совершившее.

Размеры судебного штрафа, по степени суровости (не касаясь вопросов уклонения от уплаты), заставляют многих ученых соотносить его с наказанием, поскольку единственным отличием служит отсутствие судимости [10, с. 18], и рассматривать его в качестве недопустимой уголовной репрессии «...(de-facto) в упрощенном порядке к лицам, чья вина в совершении преступления не установлена, под видом освобождения от уголовной ответственности (de jure)...» [10, с. 9]. Противоречивость природы судебного штрафа позволяет видеть в нем откуп от наказания [6, с. 107]. Указанное благо может быть реализовано только в случае имущественной состоятельности субъекта. Наряду с указанными позитивными моментами (освобождение от уголовной ответственности и отсутствие судимости), по факту, сложившаяся имущественная дифференциация уголовной ответственности есть существенная недоработка законодателя, «...ставящая под сомнение уголовно-правовой принцип равенства: ведь если для кого-то сумма судебного штрафа в установленном законом размере является приемлемой или даже незначительной, то для многих (если не большинства) она совершенно неприемлема» [6, с. 107].

И поскольку результаты НТП всегда несут в себе «сочетание (с точки зрения вычисления – произведение) вероятности и последствий наступления неблагоприятных событий»¹, т.е. риски, то законодательно предусмотренная возможность избежать уголовной ответственности, реализация которой является правом, а не обязанностью суда, за впервые совершенное преступление небольшой или средней тяжести существенным образом могла

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/риск> (дата обращения: 22.06.2020).

бы расширить инструментальный потенциал уголовно-правового удержания от совершения нового преступления, с учетом устранения пробелов в указанной части. «Риск – дело благородное» – фраза, ставшая афоризмом, выражающая суть благостных стремлений, однако это благородное дело требует постоянного усиленного контроля, потому что результат открытия ранее не известных явлений подчас может оказаться непредсказуемым, в особенности явлений, ставящих в опасность объекты, еще не подлежащие уголовно-правовой охране. В связи с изложенным сконструированные законодателем охранительные механизмы могли бы найти поддержку при оценке общественно опасных последствий, обусловленных рисками, всегда сопровождающими НТП, в рамках института иных мер.

Назначение судебного штрафа с соблюдением установленных в ст. 76.2 УК РФ требований следует рассматривать не просто как минимизацию негативных последствий уголовно-правового преследования лица, а в качестве достаточного и необходимого для обеспечения персонифицированного удержания.

С одной стороны, существует официальная отрицательная оценка государством, что предполагает разрушительное воздействие на формирование мировоззрения «безнаказанности». С другой – в условиях уголовно-правового «запаздывания» и «моделирования правовой системы» [5, с. 78] судебный штраф, являясь социально-правовым основанием освобождения от уголовной ответственности [10, с. 343], обеспечивает дальнейшее удержание лица от совершения преступлений.

Таким образом, институт иных мер, оставаясь за пределами санкции конкретной нормы, является незаменимым помощником в разрешении ситуаций, обусловленных нестандартными уголовно-правовыми отношениями, так свойственными деяниям, сопряженным с рисками развития НТП, что способствует развитию инновационных технологий в интересах человека и общества.

Список литературы

1. *Tzachor A., Whittlestone J., Sundaram, L., Seán Ó hÉigeartaigh.* Artificial intelligence in a crisis needs ethics with urgency // *Nature Machine Intelligence.* 2020. № 2, June. P. 365-366.
2. *Апостолова Н.Н.* Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового ха-

рактера в виде судебного штрафа // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 34-37.

3. *Дуденко И.Г.* Экономические проблемы органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма: дис. ... канд. экон. наук. Харьков, 1984.

4. *Козаев Н.Ш.* Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2016.

5. *Козаев Н.Ш.* Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2016.

6. *Миняева Т.Ф., Добряков Д.А.* Иные меры уголовно-правового характера в Российской Федерации и Республике Корея // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 100-111.

7. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: БЕК, 1997.

8. *Проводина Е.В., Красовская О.Ю.* Судебный штраф и наказание. Особенности правовой природы // Вопросы российского и международного права. 2019. № 10А. С. 203-209.

9. *Романова Н.Л., Днепровская М.А., Каландаришвили Х.А.* Правовая природа судебного штрафа: сравнительно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3. С. 92-97.

10. *Степашин В.М.* Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2020.

УДК 343.2

Рабаданов Абдулла Салихбекович

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *В статье освещаются актуальные проблемы в сфере гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном праве России. Предлагается новая теоретическая модель-концепция об уголовно-правовых гарантиях защиты прав и свобод человека и гражданина в УК РФ. Выявляются перспективы развития уголовного закона с учетом складывающихся современных социально-экономических реалий. Делается вывод о том, что «преступление» и «наказание» как базовые категории уголовного закона должны рассматриваться в единой системе гарантий защиты в уголовном праве Российской Федерации.*

Ключевые слова: *уголовное право, права и свободы, уголовно-правовая охрана, уголовно-правовая защита, уголовно-правовые гарантии, принципы уголовного закона, уголовно-правовое воздействие.*

Rabadanov Abdulla Salikhbekovich

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
abd.rabadanoff@yandex.ru*

GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION: STATEMENT OF THE PROBLEM

Abstract. *The article highlights topical problems in the field of guarantees for the protection of human and civil rights and freedoms in the criminal law of Russia. A new theoretical model-concept of criminal*

legal guarantees for the protection of human and civil rights and freedoms in the RF Criminal Code is proposed. The prospects for the development of criminal law are identified, taking into account the emerging modern socio-economic realities. It is concluded that "crime" and "punishment" as basic categories of criminal law should be considered in a unified system of guarantees of protection in the criminal law of the Russian Federation.

Keywords: *criminal law, rights and freedoms, criminal law protection, criminal law guarantees, principles of criminal law, criminal law impact.*

Необходимость обращения к современному уголовному праву в сфере его реализации обусловлена происходящими в России в начале XXI в. социально-политическими и правовыми трансформациями. Как известно, правовой базой реализации основных прав и свобод граждан в любом государстве служат конституционные нормы. В России с самого момента их провозглашения (в Конституции РФ 1993 г.) реализация прав и свобод граждан в современных условиях и запрещение в любой форме их ограничения (нарушения) становится важным направлением развития права, в частности уголовного.

С точки зрения методологии ценностный подход, его потенциал особенно важен для уголовно-правовых исследований. Уголовное право регулирует общественные отношения, направленные на защиту прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства от общественно опасных угроз и преступных посягательств. Эта регулятивная функция в уголовном праве, по мнению А.В. Наумова, есть проявление его охранительной функции, форма и способ осуществления последней [7, с. 11]. Существует также позиция, в соответствии с которой «нормы уголовного права являются средством защиты всех общественных отношений, регулируемых другими отраслями права» [9, с. 108–109]. Однако сведение функций уголовного права лишь к охранительной, с точки зрения А.В. Наумова, является явным преувеличением его охранительной роли. По его мнению, уголовно-правовые санкции призваны также защищать наиболее важные права и свободы личности, интересы общества и государства. В.Г. Смирнов полагает, что нормы уголовного закона не регулируют отношений, а охраняют общественный порядок [8, с. 89].

В современной уголовно-правовой доктрине присутствуют различные точки зрения относительно состояния и тенденций развития уголовного закона и практики его применения. В уголовно-правовой литературе основное внимание уделяется кри-

тике действующего уголовного законодательства. Нередко эта критика сводится к требованиям о повышении или понижении уголовно-правовых санкций или вовсе о декриминализации некоторых деяний. Авторы не всегда указывают возможные последствия внесения таких изменений в законодательство, их способность повлиять на оздоровление криминологической ситуации в целом.

Уголовное законодательство, уголовно-правовая политика играют значительную роль в формировании правового государства, гражданского общества, где права и свободы человека и гражданина, интересы общества и государства обеспечены и надежно гарантированы. И это касается любого цивилизованного государства. При этом важными условиями выступают стабильность и предсказуемость любого закона, особенно уголовного, свободное (беспрепятственное) его развитие, упорядоченность уголовно-правовых отношений, утверждение свободы и справедливости в обществе, исключение случаев необоснованного применения закона, обеспечение правопорядка и пресечение, предупреждение и индивидуальная профилактика преступлений. Вместе с тем необходимо, чтобы реализация названных факторов осуществлялась в рамках закона, гарантируя неприкосновенность прав и свобод граждан, исключая случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Задачи, стоящие перед уголовным законом, решаются на основе его принципов, в соответствии с которыми строится как его система, так и в целом уголовно-правовое регулирование-воздействие. Сегодня одной из наиболее актуальных и трудно решаемых проблем уголовного права является проблема защищенности человека, его прав и свобод, т. к. уголовно-правовое реагирование, осуществляемое в рамках установленной уголовным законом процедуры, делает человека уязвимым перед обществом и государством и, что особенно важно, ставит его в неравное положение с преступником. В поле зрения уголовно-правовых отношений попадает огромное количество людей, хотя и не всегда являющихся объектами уголовно-правового реагирования и преследования, но также нуждающихся в защите. Речь идет о том, что решение задачи по защите прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств должно быть связано не только с применением уголовного наказания к лицам, их совершившим, но и с угрозой его применения к по-

тенциальным преступникам. Поэтому нет полной уверенности относительно того, что при определенных обстоятельствах в совершении преступления не может быть несправедливо обвинен невиновный человек.

Можно отметить, что обязательность принципов уголовного права для законодательных органов обозначается как их неотъемлемая черта и одновременно обращенное к ним «требование». Однако на практике это требование не всегда выполняется. В.В. Мальцев по этому поводу писал, что продекларированные в УК РФ принципы уголовного права по содержанию их определений таковыми не являются, поскольку законодатель не взял на себя обязанность руководствоваться в правотворческой деятельности провозглашенными им же самим принципами, т. е. отменить или изменить всякую норму, противоречащую им [6].

На сегодняшний день можно сказать, что проблема еще не решена. Уголовный закон, отграничивая преступное поведение от непроступного, должен быть в первую очередь на стороне законопослушного гражданина, обеспечивая законность и справедливость в отношении лица, не совершившего преступление, и только потом в отношении преступника.

Жизнь требует переоценки роли уголовного права в регулировании и развитии социально-правовых отношений. В силу этого именно права и свободы человека и гражданина, гарантированность их уголовно-правовой защиты являются значимыми для уголовно-правового исследования как с точки зрения теории, так и на практике. Уголовно-правовое исследование как самостоятельное научное направление должно выступать как ценностно-ориентирующий и нормативно-правовой вектор уголовно-правового понимания этих ценностей. Помимо этого, необходимо создание единой системы механизма гарантий реальной, надежной защиты прав и свобод человека и гражданина и их беспрепятственного осуществления в уголовном праве. В силу важности данного положения, возникает вопрос: насколько закрепленные в ст. 2, 6, 17, 18 и 19 Конституции РФ положения, в части признания прав и свобод человека и гражданина высшей конституционной ценностью, определяют смысл и содержание уголовно-правовых норм и в целом уголовного закона, их реализацию, деятельность всей правоохранительной системы РФ?

Нет необходимости вступать в дискуссию для определения иерархии охраняемых с позиции уголовного закона ценностей

и выяснять, все ли конституционные ценности, образующие единую правовую систему, равнозначны с юридической, уголовно-правовой позиции. По этому поводу В.Д. Зорькин отмечает, что важно поддержание баланса и соразмерность конституционно защищаемых ценностей, а также что недопустимы подмена или умаление значения одной ценности за счет другой [4, с. 24]. Отношение к данному положению в теории права и правовой доктрине тоже неоднозначное. Несколько иную точку зрения по данному вопросу высказывает Е.Г. Васильева, которая считает, что при противопоставлении личных и публичных ценностей предпочтение остается за последними [2]. Солидарна с такой позицией и Е.В. Ереклинцева, полагающая, что выстроенная ценностная пирамида обуславливается не лично-личными, а общественно-публичными приоритетами [3, с. 55]. По моему глубокому убеждению, бесспорным является то, что закрепление в Конституции РФ и УК РФ человека как высшей ценности – это аксиологическая констатация, означающая, что вне гарантированности жизнедеятельности человека сама постановка вопроса о ценностях вообще и конституционных, уголовно-правовых ценностях в частности лишается смысла.

Под конституционными правами и свободами понимаются наиболее важные права и свободы человека и гражданина, раскрывающие естественное состояние свободы и получающие высшую юридическую защиту [1]. Вместе с тем следует обратить внимание и на следующее обстоятельство. В Конституции Российской Федерации на самом деле просматривается более или менее четко выраженная идеологическая платформа – человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2). И тут же параллельно говорится об ограничениях при реализации данных прав и свобод (ст. 55). Если это конституционное требование, то, соответственно, следовало бы его более четко прописать, но действующей редакции этой четкости недостает.

При этом обращает на себя внимание то, что реализация прав, свобод и исполнение обязанностей не всегда обеспечиваются условиями, при которых они могут быть осуществлены, применены, не всегда сопровождаются также в обязательном порядке ответственностью лица, по вине которого эти права и свободы не реализованы. Между тем именно уголовный закон является тем средством, инструментом, который должен обеспечивать гарантии как условия осуществления прав и свобод человека и гражд-

данина в уголовном праве РФ, а также реализацию и применение уголовного закона.

Недостаток непосредственного уголовно-правового регулирования-воздействия¹, перечисленных проблем не компенсируется в настоящее время уголовно-правовой, правоприменительной практикой, что делает актуальным внесение значительных изменений в содержание действующего уголовного закона. Уголовно-правовые нормы, институты уголовного закона должны рассматриваться в системе механизма уголовно-правовых гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина в единстве с его базовыми концепциями, т. е. при глубоком теоретическом анализе и полном пересмотре модели-концепции уголовного закона. Полагаю, нахождение института гарантий защиты в уголовном праве Российской Федерации в УК делает его по-настоящему правовым документом, который закладывает базис для реальной, надежной защиты человека, его прав и свобод в уголовном праве. Однако его отсутствие в виде самостоятельного уголовно-правового института делает его не завершенным и, как результат, малоэффективным. Такой закон не может быть идеологическим, нравственным, справедливым. Отсутствие в уголовном законе такого института находится в явном противоречии со смыслом и с природой уголовного закона, где базовыми категориями выступают «преступление» и «наказание».

Следует исходить из того, что чрезмерное расширение сферы применения уголовного закона может также привести к отрицательным последствиям как для личности, так и для общества и государства в целом.

Н.Ф. Кузнецова в свое время отмечала, что наличие чрезмерного числа уголовно-правовых запретов в уголовном кодексе превращает свободу в собственную противоположность, в несвободу, поскольку во имя защиты свободы ее же серьезно и ограничивает [5, с. 4-6].

¹ В данном контексте автор солидарен с позицией В.М. Когана, по мнению которого уголовно-правовое воздействие является синонимом уголовно-правового регулирования. В процессе уголовно-правового регулирования общественных отношений осуществляется уголовно-правовое воздействие на преступность, взятую в ее социальной обусловленности. Предметом уголовно-правового воздействия выступает преступность, содержанием – убеждение и принуждение. В качестве элементов уголовно-правового воздействия называются не только нормы права, но и моральное содержание запретов, деятельность уголовной юстиции, неблагоприятные последствия для правонарушителя.

Однако убежден, что в единой системе механизма гарантий защиты прав, свобод и исполнения обязанностей человека и гражданина наиболее четко проявляется нравственный смысл противодействия преступности и в целом применения уголовного закона.

Изложенное отражает актуальность темы, обуславливает необходимость ее дальнейшего глубокого теоретического и практического исследования.

Список литературы

1. *Баглай М.В.* Уважать и соблюдать Конституцию – главное условие правопорядка // Российский конституционализм: проблемы и решения: матер. междунар. конф. М.: Изд-во ИГП РАН, 1999. С. 24-30.

2. *Васильева Е.Г.* Проблема ценностей в решениях Конституционного суда Российской Федерации // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса: сб. матер. междунар. науч. конф. (30–31 октября 2009 г.) / сост. К.Б Калиновский. СПб.: Сев.-Зап. филиал Рос. академии правосудия, 2010. URL: <https://www.iuaj.net/node/216> (дата обращения: 10.12.2020).

3. *Ереклинцева Е.В.* Критерии и проблемы определения суверенитета и демократии как конституционных ценностей современной России // Проблемы права. 2010 № 2. С. 51-60.

4. *Зорькин В.Д.* Конституция и права человека в Скузнецова Н.Ф. Условия эффективности уголовного закона // Проблемы правового регулирования вопросов борьбы с преступностью. Владивосток, 1977. С. 3-16.

5. *Мальцев В.В.* Принципы уголовного права. Волгоград: ВА МВД России, 2001.

6. *Науомов А.В.* Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. Т. 1: Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 2004.

7. *Смирнов В.Г.* Правоотношения в уголовном праве // Правоведение. 1961. № 3. С. 88-89.

9. *Таганцев Н.С.* Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая. Вып. 1. СПб., 1887. 394 с.

Сверчков Владимир Викторович

*Д.ю.н., доцент, профессор кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права,
Нижегородская академия МВД России,
Россия, Нижний Новгород*

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК ОТВЕТ ГЛОБАЛЬНЫМ
ВЫЗОВАМ: ОТ ПОЛУМЕР К ФОРМИРОВАНИЮ
ОПТИМАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ**

Аннотация. *В статье говорится о совершенствовании законодательства в ответ на угрозы российскому обществу в связи с вызовами преступной среды человечеству. Особое внимание уделено противодействию таким угрозам, как коррупция, утрата государством суверенитета в сфере уголовного судопроизводства, подрыв информационной безопасности Российской Федерации.*

Ключевые слова: *глобальные вызовы, угроза российскому обществу, коррупция, преступления против интересов службы, суверенитет государства, международный договор, распространение недостоверной информации, диффамация.*

Sverchkov Vladimir Viktorovich

*Doctor of Law, Professor of the Department
of Criminal and Penal Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Russia, Nizhny Novgorod
sverchkov14@mail.ru*

**IMPROVEMENT OF CRIMINAL LEGISLATION
AS A RESPONSE TO GLOBAL CHALLENGES:
FROM HALF MEASURES TO THE FORMATION
OF OPTIMAL STRUCTURES**

Abstract. *The article talks about improving legislation in response to threats to Russian society in connection with the challenges of the criminal environment to humanity. Particular attention is paid to countering such threats as corruption, loss of state sovereignty in the field of criminal proceedings, undermining the information security of the Russian Federation.*

Keywords: *global challenges; threat to Russian society; corruption; crimes against the interests of the service; state sovereignty; international treaty; dissemination of inaccurate information; defamation.*

Средства массовой информации и пропаганды (далее – СММИП), информационно-телекоммуникационные сети (далее – ИТС) наполнены сообщениями о вызовах преступной среды человечеству, необходимости международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Данные сообщения заставляют задуматься о том, насколько уместно использовать слово «вызов» для именованной проблемной ситуации, но прежде всего о глобальном противодействии преступности, поскольку такое противодействие ограничено национальными интересами, зависит от целеполагания государства, общества, его нравственной основы. Человечество и социум – не одно и то же, *не существует глобального общества.*

Социум объединяет людей общих морально-нравственных взглядов, традиций, общей истории, культуры. Образующие его люди рождаются и развиваются в относительно одинаковых условиях. Эти люди объединены территорией проживания, политическими и экономическими устоями. Большие и малые, зрелые и молодые, зависимые и независимые государства нередко имеют разнонаправленные политические, экономические, социальные векторы развития. Их интересы далеко не всегда совпадают, а порой вступают в противоречия. Юридические решения об изменении общественных отношений часто зависят от политической целесообразности, которой руководствуется государственная власть. Представители власти, радеющие за процветание образующей государство общности, вероятно, осознают, что *главствующая охрана/защита глобальных интересов способна нанести ущерб интересам названной общности.*

Российская Федерация имеет развитую правовую систему, является частью мирового сообщества. Её ответ глобальным вызовам преступной среды должен соответствовать конституционным принципам государства, интересам российского общества, для того чтобы политические, экономические, социальные проблемы других государств, глобальное снижение нравственного уровня общественной жизни не привели к обесцениванию или искажению основополагающих идей российской уголовно-правовой политики.

В последние годы на *переднем плане вызовов преступной среды человечеству* прочно обосновались проблемы коррупции, утраты суверенитета государства, распространения недостоверной информации, психоактивных средств/веществ, терроризма, экстремизма, контроля над киберпространством, экосистемами. Эти проблемы актуальны и для российского общества.

Существуют **внутренние** (в частности, коррупция, нестабильная экономическая политика, профессиональная некомпетентность), **внешние** (например, утрата суверенитета государства, его территориальной целостности, межгосударственной договороспособности) и оказывающие внутреннее и внешнее воздействие – **смешанные** (в частности, распространение недостоверной информации, психоактивных средств/веществ, терроризма, экстремизма, неконтролируемое использование киберпространства, экосистем) *угрозы российскому обществу в связи с вызовами преступной среды человечеству*.

Представители государственной власти при модернизации законодательства и практики его применения нередко вместо адекватных шагов ограничиваются полумерами. Предлагаю на примере выделенных видов угроз а) проанализировать эти полумеры, б) найти и сформулировать оптимальные решения устранения данных угроз с помощью системного и комплексного подхода к совершенствованию отечественного законодательства.

I. Значительную внутреннюю угрозу российскому обществу представляет коррупция. Она означает злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного [читай: служебного – В.С.] положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды физическому лицу другими лицами, в т.ч. совершение перечисленных деяний от имени или в интересах юридического лица (см. ст. 1 федерального закона «О противодействии коррупции»¹).

¹ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (с изм. и доп. от 31 июля 2020 г., № 259-ФЗ) // Рос. газета. 2008. 30 дек.

Среди названных деяний *наибольшее распространение в качестве преступлений коррупционной направленности* получили а) преступления против государственной власти, интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления – главным образом взяточничество (ст. 290-291² УК РФ), а также злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ); б) преступления против интересов службы в коммерческих или иных организациях в виде злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) и коммерческого подкупа (ст. 204-204² УК РФ).

Принятые поправки по совершенствованию законодательства в сфере противодействия преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления, а также интересов службы в коммерческих или иных организациях позволили увеличить в УК РФ количество статей, предусматривающих ответственность за данные преступления, расширить круг должностных лиц, совершающих таковые. Однако эти меры не позволили системно модифицировать уголовное законодательство о противодействии указанным преступлениям.

Более того, упомянутые деяния посягают в первую очередь на общественную нравственность и лишь затем – на интересы государственной власти, интересы службы в соответствующих органах/учреждениях. Следовательно, *основным объектом преступного посягательства является общественная нравственность*.

Необходимо на законодательном уровне унифицировать соответствующие уголовно-правовые нормы, признаки специального субъекта, если речь идёт о тождественном/однородном противоправном поведении.

В связи с изложенным целесообразна следующая оптимизация законодательства.

1. Закрепление в УК РФ *раздела «Преступления против общественной нравственности»*, которым будут охвачены не только главы «Преступления против общественного порядка» (массовые беспорядки, хулиганство, вандализм), «Проституция и порноиндустрия» (деяния ныне предусмотрены ст. 240-242² УК РФ), «Преступления против общественных, национально-культурных объектов, традиций, обычаев, памяти» (деяния ныне зафиксированы в ст. 243-244 УК РФ), но и главы «Подкуп и незаконное воз-

награждение», «Ненадлежащее исполнение полномочий публичным служащим».

Глава «Подкуп и незаконное вознаграждение» должна содержать нормы, в настоящее время предусмотренные ст. 184, 200⁵, 204-204², 290-291², 304 УК РФ; глава «Ненадлежащее исполнение полномочий публичным служащим» – ст. 200³, 200⁴, 200⁶, 201-203, 285-289, 292-293 УК РФ. Здесь интересы соответственно экономической деятельности, государственной власти, в т.ч. правосудия, являются *дополнительными объектами*.

2. Признание физического лица, выполняющего функции публичного служащего, *субъектом ненадлежащего исполнения полномочий, незаконного получения вознаграждения*. Дифференцировать ответственность лиц, наделённых признаками данного субъекта, возможно за счёт введения дополнительных признаков (представитель власти; лицо, выполняющее управленческие функции или занимающее государственную должность РФ, субъекта РФ; участник преступной группы и т.д.). Нужно устранить конкуренцию между понятиями «должностное лицо» и «лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой либо иной организации».

К *публичным служащим* надлежит отнести тех людей, которые реализуют профессиональные полномочия в статусе государственных или муниципальных служащих, а также лиц, представляющих интересы международных либо иностранных, коммерческих или некоммерческих организаций/учреждений.

3. Сокращение количества статей, содержащих *тождественные и однородные положения*, – объединение соответствующих положений в единой норме (с учётом квалифицирующих признаков – в нескольких частях одной статьи), в частности тех, которые выражают злоупотребление полномочиями (ст. 200⁴, 201, 201¹, 202, 285, 285⁴ УК РФ), незаконное использование денежных средств (ст. 200³, 285¹, 285² УК РФ), подлог, незаконные операции со сведениями (ст. 200⁶, 285³, 292 УК РФ), превышение полномочий (ст. 203, 286 УК РФ), подкуп и незаконное вознаграждение отдельно подкупающими/вознаграждающими и принимающими материальные блага лицами (ст. 200⁵, 204, 204², 290, 291, 291² УК РФ), посредничество в подкупе, незаконном вознаграждении (ст. 204¹, 291¹ УК РФ).

Предложенные оптимизация структуры российского уголовного законодательства, унификация признаков специального

субъекта преступного посягательства позволят эффективнее противодействовать коррупции как глобальной проблеме и внутренней угрозе российскому обществу.

II. Масштабную внешнюю угрозу российскому обществу составляет утрата государством суверенитета в сфере уголовного судопроизводства.

Конституция России – нравственный ориентир общества и основа суверенитета государства в глобальном мире. Её положения непосредственно влияют на отечественную уголовно-правовую политику.

Указом Президента РФ от 03 июля 2020 г. № 445 «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесёнными в неё поправками»¹ [которые обрели юридическую силу 04.07.2020] подведён итог общероссийского голосования о существенных изменениях Основного Закона РФ. В части *международных обязательств Российской Федерации* дополнено содержание, во-первых, статьи 79 – вторым предложением о главенстве Конституции России над решениями межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации; во-вторых, статьи 125 – частью 5¹ о расширении полномочий Конституционного Суда РФ, который вправе вынести вердикт о неисполнении решения межгосударственного органа, иностранного или международного суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, если это решение противоречит Конституции России, основам публичного правопорядка Российской Федерации.

Данные нововведения представляют собой полумеры, которые вследствие возникновения новых источников отечественного уголовного законодательства, несогласованности положений этих источников с российскими уголовно-правовыми нормами не устраняют угрозу утраты Россией суверенитета при исполнении своих международных обязательств.

Ч. 2 ст. 4 Основного Закона РФ провозглашает верховенство Конституции России и федеральных законов на всей территории Российской Федерации. Уголовное законодательство, согласно ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 3 УК РФ, состоит исключительно из положений УК – *единственного источника названного законодательства*. Следовательно, нормы международного права *не должны уста-*

¹ Рос. газета. 2020. 4 июля.

навливать уголовную ответственность за совершение какого-либо противоправного деяния и соответственно вводить в действие на территории Российской Федерации новые уголовно-правовые нормы.

Однако до сих пор сохраняется несогласованность содержания ч. 2 ст. 4 Конституции России, ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 3 УК РФ – с одной стороны, и ч. 4 ст. 15 Конституции России, ст. 5 федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»¹ – с другой стороны.

В ч. 4 ст. 15 Основного Закона РФ зафиксировано положение о главенстве правил международного договора Российской Федерации над российскими законами. Таким образом, *норма международного договора, участником которого является Россия, также становится источником отечественного уголовного законодательства* (вопреки содержанию ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 3 УК РФ). Вместе с тем этот источник может не совпадать с положениями УК РФ, противоречить им.

Конечно же, Российской Федерации не следует участвовать в международных договорах, не соответствующих национальным нормативным правовым положениям. Тем не менее иногда она принимает на себя обязательства, содержащие данные несоответствия. Так, согласно ст. 27 Конвенции Совета Европы от 16 мая 2005 г. (г. Варшава) об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (*вступила в силу для России 01.01.2018*), ст. 17 Конвенции Совета Европы от 08 ноября 1990 г. (г. Страсбург) об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (*вступила в силу для России 01.12.2001*), правоприменитель вправе принять не согласующееся с УК РФ решение о *лишении/ограничении свободы лица, не исполнившего имущественную санкцию, определённую обвинительным приговором суда*. Никаких оговорок по возникшему несоответствию Российской Федерацией в международные документы не внесено.

Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (вступила в силу для СССР 29.05.1986) гласит: «Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться» – *pacta sunt servanda*

¹ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (с изм. и доп. от 8 декабря 2020 г., № 429-ФЗ) // Рос. газета. 1995. 21 июля.

(ст. 26). Отмеченные и другие несоответствия, практика признания нормы международного права источником российского уголовного законодательства способствуют зависимому положению отечественного правосудия от зарубежного влияния, возникновению возможности использования указанной нормы в качестве средства политического межгосударственного противостояния (подчинения).

О развитии такой практики свидетельствуют руководящие разъяснения высшего судебного органа России. В частности, Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 постановления от 10 октября 2003 г. № 5 (с изм. и доп. от 5 марта 2013 г., № 4) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»¹ указал на необходимость применения российскими судами положений международных договоров и в том случае, если последние не соответствуют законам Российской Федерации, правилам отечественного судопроизводства; в п. 9 – на возможность отмены/изменения судебных актов в случае неправильного применения норм международного права.

Главенство норм УК РФ над возникшими *другими источниками уголовного законодательства – решениями международного, межгосударственного или иностранного органа/суда* – установлено изменениями, внесёнными в ст. 79, 125 Конституции России. Устранить несправедливое главенство положений международных договоров над отечественным уголовным законодательством, что создаёт угрозу утраты Российской Федерацией суверенитета при исполнении своих международных обязательств, целесообразно следующим образом:

1) снятием противоречия между ч. 2 ст. 4 и ч. 4 ст. 15 Конституции России путём *исключения* из ч. 4 ст. 15 последнего предложения: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»;

2) приведением иных нормативных и интерпретационных правовых актов в соответствие с предложенным изменением Основного Закона РФ, а именно ч. 3 ст. 1, ч. 1 ст. 2 УПК РФ, ст. 5, 14, 15 федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», абз. 2 п. 2 постановления Пленума Верховного

¹ БВС РФ. 2013. № 12.

Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», п. 5, 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

Восстановление главенства норм национального законодательства над нормами международного права, приоритета положений УК РФ перед международными договорами устранил внешнюю угрозу российскому обществу в виде утраты государством суверенитета в сфере уголовного судопроизводства.

III. Все сферы жизнедеятельности затронула угроза информационной безопасности российскому обществу, которая возникает и внутри государства, и за его пределами.

На международном, федеральном, региональном участках информационного поля регулярно появляются сведения, поражающие сознание слушателей, читателей, зрителей своей остротой. Далеко не всегда эти сведения соответствуют действительности, нередко они позорят/порочат человека, социальную группу, государство.

Федеральными законами от 18.03.2019 № 27-ФЗ и № 28-ФЗ в КоАП РФ внесены изменения: а) статья 20.1 дополнена частями 3, 4 и 5 об ответственности физических лиц за распространение в ИТС, информации, выражающей в неприличной форме явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам России, её Конституции или органам власти; б) статья 13.15 дополнена частями 9, 10 и 11 об ответственности частных, должностных и юридических лиц за распространение в СМИП, ИТС заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, что создало угрозу жизни, здоровью граждан, причинения вреда имуществу, массового нарушения общественного порядка, общественной безопасности и т.д. К административно-правовой юрисдикции отнесено и такое распространение недостоверной общественно значимой информации, которое *повлекло смерть или вред здоровью человека, причинение вреда имуществу, массовое нарушение общественного порядка, общественной безопасности и т.д.* (см. ч. 11 ст. 13.15 КоАП РФ в редакции Федерального закона от 18.03.2019 № 27-ФЗ).

Позже Федеральным законом от 01.04.2020 № 99-ФЗ статья 13.15 КоАП РФ дополнена частями 10¹ и 10² (содержание ч. 11 данной статьи перекечовало в ч. 10²). В них говорится об ответственности юридических лиц за распространение в СМИП, ИТС под видом достоверных сообщений а) заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приёмах и способах защиты от названных обстоятельств; б) заведомо недостоверной общественно значимой информации, что *повлекло смерть или вред здоровью человека, причинение вреда имуществу, массовое нарушение общественного порядка, общественной безопасности и т.д.* Ответственность частных и должностных лиц установлена, если противоправное поведение, предусмотренное ч. 10 статьи, совершено повторно (см. ч. 11 ст. 13.15 КоАП РФ в редакции Федерального закона от 01.04.2020 № 99-ФЗ).

Одновременно официально опубликован Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ, которым в УК РФ введены статьи 207¹ и 207² об ответственности злочинцев за публичное распространение под видом достоверных сообщений а) заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приёмах и способах защиты от указанных обстоятельств; б) заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее по неосторожности смерть или вред здоровью человека, иные тяжкие последствия.

Принятые государством на законодательном уровне непоследовательные полумеры противодействия угрозе информационной безопасности российскому обществу сделали невидимой границу между нормами административного и уголовного законодательства. Представленные административно-правовые деяния создают для общества опасность, равную опасности преступлений.

Решение проблемы обнародования и распространения информации, не соответствующей действительности, возможно обеспечить введением в УК РФ нормы о диффамации.

В общеупотребительном значении *диффамация* представляет собой разглашение чего-либо дурного, порочащего; лишение доброго имени; распространение, опубликование сведений, позорящих/порочащих человека, учреждение; дезинформацию

[1, с. 262; 2, с. 362; 3, с. 223]. Нормы об ответственности за диффамацию содержатся в зарубежном уголовном законодательстве (см. разд. XVI кн. 2 УК Голландии (Нидерландов), гл. 5 УК Швеции). На то, что используемое в постановлениях Европейского Суда по правам человека понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, указал Пленум Верховного Суда РФ в абз. 5 п. 1 постановления от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

Для устранения угрозы информационной безопасности российскому обществу **диффамацию** целесообразно определить как *распространение в критической социальной среде заведомо ложной или искажённой общественно значимой информации, а равно не соответствующей действительности порочащей информации о физическом или юридическом лице, социальной группе, государстве.*

Такое деяние обладает *общественной опасностью уголовного-правового уровня*, поскольку, во-первых, поражает социальную среду; во-вторых, характеризуется умышленным дезинформационным воздействием на сознание неопределённого круга лиц; в-третьих, нарушает законные интересы не только личности, но и общества, государства; в-четвёртых, подрывает доверие населения к социальным и государственным институтам.

Социальная среда названа критической, так как она способна претерпеть кризис вследствие активного противоправного воздействия на неё злоумышленником; для изменения состояния среды в неё проникают публикация соответствующих сведений, публичное выступление, демонстрация чего-либо, аудио-видеопродукция, СМИП, ИТС.

На *общественную значимость информации* указывают степень её важности для общества и неприемлемость её распространения для физического или юридического лица, социальной группы, государства.

Итак, диффамацию следует рассматривать в качестве преступления – вида преступных посягательств на *информационную безопасность общества*. Данная безопасность является *основным объектом* охваченных гл. 28 УК РФ посягательств, поэтому главу «Преступления в сфере компьютерной информации» целесообразно именовать иначе – «Преступления в сфере информацион-

ной безопасности» и включить в неё норму об ответственности за диффамацию. Предлагаю следующую редакцию диспозиции этой нормы, зафиксированной в ст. 272¹ «Диффамация»: «Нарушение информационной безопасности общества вследствие распространения в критической социальной среде заведомо ложной или искажённой общественно значимой информации, а равно не соответствующей действительности порочащей информации о физическом или юридическом лице, социальной группе, государстве».

Введение в действие этой статьи влечёт необходимость признания *утратившими силу* положений [полумер], предусмотренных ч. 9, 10, 11 ст. 13.15, ч. 3, 4, 5 ст. 20.1 КоАП РФ для частных и должностных лиц, а также ст. 207¹, 207² УК РФ.

Фиксировать в новой статье такие признаки преступного поведения, как использование СМИП, ИТС и т.д., нецелесообразно, поскольку они связаны с понятием «критическая социальная среда». Более того, они нередко закреплены в статьях УК РФ, которые могут *корреспондировать* со ст. 272¹ (см, в частности, ст. 110–110², 128¹, 151², 185³, 205², 280, 280¹, 282, 354, 354¹ УК РФ).

Если в результате распространения в критической социальной среде информации, не соответствующей действительности, в дополнение к информационной безопасности общества пострадают иные объекты уголовно-правовой охраны, то при квалификации содеянного надлежит применять правило *идеальной совокупности преступлений*. Наиболее вероятна идеальная совокупность диффамации с преступлениями, выражающими операции со сведениями клеветнического характера (см. ст. 128¹, 298¹ УК РФ), оскорбление (см. ст. 148, 297, 319, 336 УК РФ), дискриминацию (см. ст. 136, 282–282² УК РФ), передачу, фиксацию, распространение недостоверных или ложных сведений (см. ст. 185³, 207, 306, 307, 354¹ УК РФ), побуждение человека к самоубийству или вовлечение в противоправное поведение (см. ст. 110–110², 151² УК РФ), призывы к преступному поведению и оправдание его (см. ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 280, 280¹, 354 УК РФ), искажение необходимых сведений (см. ст. 140, 237, 287 УК РФ).

Таким образом, *основанный на общероссийских интересах системный и комплексный подход к совершенствованию федерального законодательства* в ответ на глобальные вызовы преступной среды способен привести к формированию оптимальных законодательных конструкций, обеспечить эффективное устранение угроз российскому обществу.

Список литературы

1. Большой толковый словарь / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.П. Горкин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000.
3. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лёхина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова, Л.С. Шаумяна. Изд. 6-е, перераб. и доп. М.: Советская Энциклопедия, 1964.

УДК 343.72

Смоляков Александр Николаевич

*аспирант кафедры уголовного права и криминологии,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Россия, Ярославль*

МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В ОТНОШЕНИИ БЕЗНАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. *В статье рассматривается теоретическая и практическая проблема определения момента окончания мошенничества, совершенного в отношении безналичных денежных средств, ее материально-правовые и процессуальные аспекты. Анализируется изменение позиции по этому вопросу Пленума Верховного Суда РФ. Высказаны предложения по решению указанной проблемы.*

Ключевые слова: хищение, мошенничество, имущество, безналичные денежные средства, банк, банковский счет, изъятие, обращение, ущерб.

Smolyakov Alexander Nikolaevich

*Postgraduate Student of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Yaroslavl State University named after P.G. Demidov,
Russia, Yaroslavl
mr.smolyakov93@mail.ru*

END POINT OF FRAUD AGAINST NON-CASH FUNDS

Abstract. *The article deals with the theoretical and practical problem of determination of the ending of fraud committed against non-cash funds, its intrinsic and procedural aspects. The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and changing of its position is core element of aforementioned analysis. There were made certain proposition in regards to solving this issue.*

Keywords: *theft, fraud, property, non-cash funds, bank, bank account, seizure, circulation, damage.*

Правильное определение момента окончания преступления имеет важное значение для его квалификации (ст. 29, 30 УК РФ) и назначения наказания (ст. 66 УК РФ) – важнейших компонентов процесса применения уголовного права. Кроме

того, время окончания преступления привязано к конкретной пространственной координате – месту его окончания, которое определяет территориальную подследственность (ч. 2 ст. 152 УПК РФ) и территориальную подсудность уголовного дела (ч. 2 ст. 32 УПК РФ). В соответствии с ч. 1 ст. 47 Конституции РФ никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Согласно ч. 1 ст. 29 УК РФ, преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. «Из приведенного положения действующего уголовного закона следует, что формальным критерием определения признаков стадии оконченного преступления является его состав» [3, с. 561].

Иными словами, момент окончания преступления зависит от описания в законе признаков соответствующего состава. Однако на практике этот момент не всегда понятен, поскольку иногда закон оставляет простор для толкования. Право давать разъяснения по вопросам судебной практики предоставлено, согласно ст. 126 Конституции РФ, Верховному Суду РФ. Однако при сравнении постановлений Пленума Верховного Суда РФ разных лет иногда можно обнаружить существенное изменение позиции высшей судебной инстанции по моменту окончания некоторых преступлений (в частности это касается составов, предусмотренных ст. 150, 228.1, 290 и 291 УК РФ). Аналогичная ситуация сложилась применительно к мошенничеству, предметом которого являются безналичные денежные средства.

Безналичные деньги в экономической теории определяются как «деньги, денежные средства на банковских счетах, используемые для оплаты, взаимных расчетов посредством перечислений с одного счета на другой» [4]. В соответствии с п. 1 ст. 140 ГК РФ платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов. Согласно п. 3 ст. 861 ГК РФ, безналичные расчеты осуществляются путем перевода денежных средств банками и иными кредитными организациями с открытием или без открытия банковских счетов в порядке, установленном законом, банковскими правилами и договором.

Гражданское законодательство включает безналичные денежные средства наряду с вещами в понятие «имущество». Согласно ст. 128 ГК РФ, к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бума-

ги), иное имущество, в т.ч. имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Предметом мошенничества является как имущество, так и право на имущество (ч. 1 ст. 159 УК РФ). Таким образом, безналичные деньги могут быть предметом мошенничества, поскольку являются имуществом. Данный вывод также подтверждается при анализе положений ч. 1 и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, которые допускают кражу денег с банковского счета, при этом предметом кражи выступает только имущество.

Применительно к классическому хищению движимого имущества (материальной вещи) момент изъятия предмета и момент обращения его в пользу виновного совпадают: как только виновный завершил изъятие чужого имущества, оно попадает в его обладание. Этим можно объяснить то обстоятельство, что для хищений характерен только прямой умысел (ч. 2 ст. 25 УК РФ): при изъятии чужого имущества виновный предвидит неизбежность наступления последствий в виде имущественного вреда потерпевшему и желает наступления данных последствий.

Что касается безналичных денежных средств, то, исходя из их информационной природы, между моментом списания денег со счета потерпевшего (изъятие) и моментом их зачисления на счет виновного (обращение) может иметься временной разрыв от нескольких секунд до нескольких дней. Данный разрыв связан с технологией обработки платежей программными средствами. Он может быть вызван, в т.ч., большим количеством проводимых в конкретный момент банком операций, которые перегружают его компьютерные системы.

Переводы в рамках одного банка могут осуществляться практически мгновенно, поскольку в этом случае не требуется обращения в Центральный банк Российской Федерации (Банк России) для изменения состояния корреспондентского счета. В случае перевода денежных средств из одного банка в другой необходима обработка информации Банком России, который списывает деньги с корреспондентского счета банка плательщика и зачисляет их на корреспондентский счет банка получателя платежа. При этом направление информации в Банк России производится бан-

ками – участниками операций с определенной периодичностью (например каждые полчаса, час, два часа). В случае если поручение на перевод денежных средств поступило в конце рабочего дня, то операция может быть осуществлена на следующий рабочий день, который иногда может быть отдален от даты платежа выходными или праздничными днями.

Также операция перечисления денег может быть не завершена, например при указании неправильных реквизитов для зачисления платежа. В этом случае списанные со счета потерпевшего денежные средства не поступают в распоряжение виновного.

Перечисленные денежные средства при определенных условиях могут быть заблокированы банком получателя платежа в соответствии с требованиями федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹.

Кроме того, операции списания и зачисления денег, как правило, не совпадают и территориально, поскольку счета потерпевшего и виновного могут находиться в разных банках, расположенных в разных местах (различных районах, регионах и даже государствах).

Указанные обстоятельства порождают вопрос о том, что считать временем и, соответственно, местом совершения мошенничества с безналичными денежными средствами. Поскольку уголовный закон данный вопрос не решает, правоприменительная практика должна самостоятельно определиться с моментом окончания такого мошенничества.

Ранее действовавшее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»² использовало общий критерий момента окончания хищения: получение виновным реальной возможности распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению.

В соответствии с абз. 3 п. 12 данного постановления как мошенничество квалифицируется безвозмездное обращение лицом в свою пользу или в пользу других лиц денежных средств,

¹ Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп. от 30 декабря 2020 г., № 536-ФЗ) // Рос. газета. 2001. 9 авг.

² ВС РФ. 2008. № 2.

находящихся на счетах в банках; исходя из того, что находящиеся на счетах в банках денежные суммы могут использоваться в качестве платежного средства, с момента зачисления денег на банковский счет лица оно получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению, например осуществлять расчеты от своего имени или от имени третьих лиц, не снимая денежных средств со счета, на который они были перечислены в результате мошенничества. В указанных случаях преступление следует считать оконченным с момента зачисления этих средств на счет лица, которое путем обмана или злоупотребления доверием изъяло денежные средства со счета их владельца, либо на счета других лиц, на которые похищенные средства поступили в результате преступных действий виновного.

Новое постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»¹ предписывает судам в такой ситуации руководствоваться критерием причинения ущерба потерпевшему. Согласно п. 5 постановления, если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в т.ч. электронные денежные средства, то, по смыслу положений примечания 1 к ст. 158 УК РФ и ст. 128 ГК РФ, содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества. Такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб.

Оба приведенных решения вопроса о моменте окончания имеют свои достоинства и недостатки. С одной стороны, только при поступлении денежных средств на счет виновного (или подконтрольный ему банковский счет) у него появляется реальная возможность распоряжаться указанными безналичными деньгами, реализуется в полном объеме его умысел, достигается корыстная цель и выполняется такой признак хищения, как «обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц». Однако в этом случае место совершения преступления носит во многом случайный характер, оно зависит от выбранного виновным банка (его филиала, операционного офиса), в котором открыт счет, ис-

¹ Рос. газета. 2017. 11 дек.

пользуемый для зачисления денег. При этом место ведения счета может не совпадать с местом жительства потерпевшего и местом нахождения его банка, что порождает трудности при расследовании уголовного дела.

Как правило, потерпевший обращается в правоохранительные органы по месту своего жительства (где произошел обман или ведется его банковский счет), однако уголовное дело при таком подходе подлежит передаче по месту ведения счета виновного, что создает трудности для реализации потерпевшим своих прав, а также для проведения следственных действий в банке потерпевшего.

И только в случае совершения преступления против интересов гражданина РФ вне пределов РФ (ст. 12 УК РФ) уголовное дело в соответствии с ч. 4.1 ст. 152 УПК РФ расследуется по месту жительства или месту пребывания потерпевшего в РФ, либо по месту нахождения большинства свидетелей, либо по месту жительства или месту пребывания обвиняемого в РФ, если потерпевший проживает или пребывает вне пределов РФ. Территориальная подсудность уголовного дела в этом случае, согласно ч. 5.1 ст. 32 УПК РФ, определяется местом окончания предварительного расследования.

Следует заметить, что позиция о месте совершения преступления – месте зачисления безналичных денег совпадает с положениями гражданского законодательства. Согласно п. 1 ст. 316 ГК РФ, место исполнения обязательства по денежному обязательству об уплате безналичных денежных средств – это место нахождения банка (его филиала, подразделения), обслуживающего кредитора, если иное не предусмотрено законом.

Вторая позиция относительно момента окончания мошенничества – момента изъятия денежных средств со счета потерпевшего в целом соответствует такому признаку хищения, как причинение ущерба собственнику или иному владельцу этого имущества (примечание 1 к ст. 158 УК РФ). Именно в момент незаконного списания денег потерпевший понесет имущественные потери.

Кроме того, такой подход решает вышеозначенную проблему для потерпевшего и органа предварительного расследования. Например, если с банковского счета жителя г. Ярославля, который ведется в ярославском банке (или его филиале, операционном офисе) мошенническим путем списаны денежные средства

и переведены на счет виновного в банке г. Москвы или другого региона, то уголовное дело будет возбуждено, расследовано и рассмотрено судом в г. Ярославле, что позволит потерпевшему эффективно реализовывать свои права по месту жительства и не нести расходы на поездки в другой регион. Это также облегчает работу следственных органов с банком, из которого были похищены деньги (допрос сотрудников, осмотр места происшествия, выемка документов и т.п.).

В то же время списание денег со счета потерпевшего при неполном или неправильном указании реквизитов получателя платежа приведет к тому, что денежные средства не поступят получателю, а будут находиться в «невыясненных платежах». Если плательщик не уточнит необходимые реквизиты, то денежные средства возвращаются банком на счет плательщика. Представляется, что в такой ситуации речь должна идти о покушении на мошенничество (ч. 3 ст. 30, ст. 159 УК РФ), однако при обозначенном в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 подходе содеянное необходимо будет квалифицировать как оконченное преступление.

Изменение позиции Пленума Верховного Суда РФ по вопросу момента окончания мошенничества с безналичными денежными средствами отразилось на правоприменительной практике. Так, прокуратурой Ярославской области в 2018 г. было возвращено для производства дополнительного расследования уголовное дело по обвинению Ш. в совершении в 2012-2014 гг. хищения бюджетных денежных средств (ч. 4 ст. 159 УК РФ) в связи с тем, что в обвинении были указаны только адреса банковских учреждений, в которых находились счета подконтрольного ему ООО «Р», однако адрес банка (ГРКЦ Банка России по Ярославской области), со счета в котором были перечислены бюджетные денежные средства, принадлежащие области и городскому поселению, в обвинении не был указан, что нарушает требования п. 1 ч. 1 ст. 73, п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ¹.

Ошибка органа следствия была вызвана тем, что данное уголовное дело первоначально расследовалось в период действия постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51, поэтому следователь указал в обвинении только адрес банка получателя бюджетных денежных средств. Однако в процессе

¹ Уголовное дело № 1-38/2020 // Архив Кировского районного суда г. Ярославля.

расследования было принято новое постановление от 30 ноября 2017 г. № 48, однако следователь «новое» место совершения преступления – адрес ГРКЦ Банка России по Ярославской области в обвинении не отразил. При этом место совершения преступления входит в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), оно обязательно должно быть указано в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ) и в обвинительном заключении (ст. 220 УПК РФ).

Представляется, что обвинение независимо от позиции Пленума Верховного Суда РФ должно содержать указание на все места, в которых происходит процесс совершения преступления, а не только место его юридического окончания. Применительно к мошенничеству таковым также является место совершения обмана потерпевшего, под влиянием которого он перечислил деньги. Данное место может не совпадать с местонахождением банковских учреждений. Отсутствие в обвинении указаний на конкретные места преступной деятельности нарушает право обвиняемого на защиту путем возможности доказывать свое алиби – нахождение в момент совершения преступления в другом месте (п. 1 ст. 5 УПК РФ).

Любопытно, что иногда на практике уголовное дело возбуждается именно по месту совершения обмана потерпевшего. Так, следственным отделом ОМВД России по Красноперекопскому городскому району было возбуждено уголовное дело № 11901780038000409 по ч. 2 ст. 159 УК РФ по факту того, что 17.05.2019 неустановленное лицо путем обмана Р, находившейся в квартире (в Красноперекопском районе г. Ярославля), заключило от ее имени кредитный договор с ПАО «Почта Банк» и похитило с данного счета путем перечисления на другие счета денежные средства в сумме 90 000 рублей¹. При этом филиал ПАО «Почта Банк», со счета в котором были похищены деньги, находится в другом месте – во Фрунзенском районе г. Ярославля.

Представляется, что для правильного решения обозначенной проблемы необходимо разделять материально-правовые и процессуальные подходы.

Вопрос о моменте окончания мошенничества с безналичными денежными средствами – это исключительно уголовно-правовой вопрос, влияющий на квалификацию и наказание. Поскольку мо-

¹ Уголовное дело № 11901780038000409 // Архив ОМВД России по Красноперекопскому городскому району.

шенничество с безналичными деньгами является хищением, то необходимо руководствоваться примечанием 1 к ст. 158 УК РФ, согласно которому хищение – это совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Как правильно замечает Л.Л. Кругликов, рассматривая признаки изъятия и обращения, «любое хищение предполагает обязательное наличие двух действий». В связи с этим ученый обоснованно считает «хищение оконченным в тот момент, когда имущество изъято виновным с целью дальнейшего обогащения и таковое обогащение за счет изъятого имущества произошло» [2, с. 543-545].

Исходя из этого, критерием «оконченности» рассматриваемого преступления является наличие всех трех указанных признаков объективной стороны хищения: 1) изъятие денег; 2) их обращение; 3) причинение ущерба.

Указанную законодательную конструкцию с позиции хронологии точно описывает А.В. Иванчин: «получается, что причинение ущерба – лишь промежуточный этап хищения, следующий за изъятием, но предшествующий обращению имущества в пользу виновного (иного лица)» [1, с. 182].

Таким образом, оконченным мошенничество будет являться лишь при зачислении денег на счет виновного, подконтрольный ему счет или счет лица, в интересах которых виновный совершает хищение (на практике нередко таковым является счет юридического лица). При непоступлении безналичных денег на данный счет по не зависящим от виновного обстоятельствам содеянное следует рассматривать как покушение на преступление. При этом время распоряжения виновным похищенными деньгами (снятие наличных, оплата товаров, услуг и т.п.) как возможный момент фактического окончания преступления не имеет значения для квалификации содеянного, однако он должен устанавливаться и описываться в тексте обвинения. Указанные положения следует закрепить в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Решение вопроса о месте совершения мошенничества с безналичными денежными средствами как обстоятельстве, имеющем уголовно-процессуальное значение для определения территориальной подсудности и подсудности, должно осуществляться

ся в УПК РФ (независимо от определения момента окончания данного преступления в уголовном праве) исходя из принципов процессуального удобства и экономии. Так, согласно ч. 4 ст. 152 УПК РФ, предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения его полноты, объективности и соблюдения процессуальных сроков.

В связи с этим целесообразно дополнить правила определения территориальной подследственности и подсудности альтернативным положением о том, что уголовные дела о преступлениях, связанных с перечислением безналичных денежных средств, расследуются и рассматриваются либо по месту списания, либо по месту зачисления данных денежных средств. Предлагаемое правило применимо не только по отношению к хищениям, но и другим видам преступлений (например взяточничеству или коммерческому подкупу).

Список литературы

1. *Иванчин А.В.* Конструирование состава преступления: теория и практика: монография. М.: Проспект, 2014.
2. *Кругликов Л.Л.* Дефиниция хищения в уголовном законодательстве РФ // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи, 2000-2009 гг. Ярославль: ЯрГУ, 2010. С. 533-545.
3. Полный курс уголовного права. В 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1: Преступление и наказание. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.
4. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2011. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.2

Уманец Вера Сергеевна

*старший преподаватель кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

ВИДЫ НАЗНАЧЕНИЯ БОЛЕЕ МЯГКОГО НАКАЗАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты видов назначения более мягкого наказания. Проблематика таковых обусловлена несовершенством российского уголовного законодательства в области назначения более мягкого наказания по правилам статьи 64 УК РФ. Анализ судебных ошибок, связанных с назначением более мягкого наказания, способствует представленным в статье теоретическим и практическим разработкам. Теоретическое осмысление положений ст. 64 УК РФ акцентируется на обстоятельствах особого рода, характеризующих как преступление, так и личность виновного. В статье представлена классификация видов более мягкого наказания. Анализируются санкции за преступления различных категорий и судебная практика, обосновывается индивидуализация наказания и мотивация его назначения. В статье конкретизируются некоторые виды наказаний, предусмотренные ст. 44 и 45 УК РФ, а также их применение по правилам ст. 64 УК РФ. Конкретизируются предложения практического характера в части редакционных поправок в действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ. Вносятся предложения о поправках в ст. 64 УК РФ, касающиеся ограничений ее применения к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления.

Ключевые слова: назначение наказания, более мягкое наказание, виды назначения более мягкого наказания, смягчающие обстоятельства, характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, адекватность наказания.

Umanets Vera Sergeevna

*Senior Lecturer of the Department
of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov
verasergeevna8@rambler.ru*

TYPES OF ASSIGNING LIGHTER PUNISHMENT: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Abstract. *The article examines the theoretical and practical aspects of the types of assignment of lighter punishment. The problem of such is due to the imperfection of the Russian criminal legislation in the field of assigning a lighter punishment under the rules of Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation. Analysis of judicial errors associated with the appointment of a lighter punishment contributes to the theoretical and practical developments presented in the article. Theoretical understanding of the provisions of Art. 64 of the Criminal Code of the Russian Federation focuses on circumstances of a special kind that characterize both the crime and the personality of the perpetrator. The article presents a classification of types of milder punishment. The author analyzes sanctions for crimes of various categories and judicial practice, substantiates the individualization of punishment and the motivation for its appointment. The article concretizes some types of punishments under Art. 44 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as their application according to the rules of Art. 64 of the Criminal Code of the Russian Federation. Practical proposals are concretized in terms of editorial amendments to the current resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Proposals for amendments to Art. 64 of the Criminal Code of the Russian Federation concerning restrictions on its application to persons who have committed grave and especially grave crimes.*

Keywords: *assignment of punishment, lighter punishment, types of assignment of lighter punishment, mitigating circumstances, nature and degree of social danger of the crime, personality of the perpetrator, adequacy of punishment.*

Наказание – это нравственно оправданная мера государственного принуждения. К тому же любое наказание, даже мягкое, должно быть нравственно по своей природе. Законодатель определил в ч. 1 ст. 64 УК РФ более мягкие виды наказания. К таковым он отнес:

- назначение наказания ниже низшего предела, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК;
- назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи Особенной части УК;
- неприменение дополнительного вида наказания, предусмотренного санкцией статьи в качестве обязательного.

Тем самым законодатель предоставил суду возможность их применения в определенных случаях. Перечень вариантов

смягчения наказания исчерпывающий, поскольку выражен самим законодателем и его применение обусловлено обстоятельствами, существенно снижающими степень общественной опасности совершенного преступления и личности виновного.

Рассмотрим каждый вариант смягчения наказания, имеющий свои особенности. К первому виду относится назначение наказания ниже низшего предела, которое допускает возможность применить наказание меньшее, чем заложено санкцией конкретной уголовно-правовой нормы. Тем не менее, минимальный предел конкретного вида наказания ограничен Общей частью уголовного закона. Например, по правилам ст. 56 УК РФ он равен двум месяцам лишения свободы.

Однако наименьший предел отдельных видов наказаний, обозначенный законодателем, является дискуссионным. И это, в первую очередь, касается лишения свободы на определенный срок. Его двухмесячный срок зачастую не дает оптимистичных прогнозов на исправление осужденного. Поэтому минимальный предел наказания возможен, но должен быть избран судом с осторожностью, сугубо индивидуально и максимально обоснованно.

Хотя законодатель установил минимальный предел наказания, то это вовсе не означает допустимость его назначения. Потенциал такой минимизации, заложенный в законе, должен напрямую зависеть от характера общественной опасности совершенного преступления, а порой и от обстоятельств его совершения, охватывающих обстановку содеянного. Отсутствие такого ограничения в законе порождает ошибочность судебных решений (приговоров). Смягчение наказания ниже минимума, установленного уголовным законом, недопустимо. Тем не менее, законом установлена возможность предельно минимизировать уголовное наказание, а значит суд может применить другой вид наказания, мягче лишения свободы. Основаниями предельной минимизации наказания служат исключительные обстоятельства, резко снижающие степень общественной опасности преступного деяния и виновной личности.

Приведем пример. К. совершила убийство своего мужа, и с учетом исключительных обстоятельств Президиум Верховного Суда РФ определил осужденной три года лишения свободы. Основанием назначения ниже низшего предела лишения свободы послужили признанные судом исключительные обстоятельства. К числу таковых были отнесены наличие четверых детей, двое

из которых малолетнего возраста, а также их воспитание в неблагоприятных семейных условиях, созданных ее мужем¹.

Назначение иных мер ниже низшего предела, не связанных с лишением свободы, аналогично назначению предельно мягкого лишения свободы. Применение исключительных правил в полном объеме распространяется на все виды наказаний, минимальные пределы которых узаконены Общей частью УК РФ. Тождество указанных правил направлено на назначение ниже низшего предела более мягких видов наказаний, нежели лишение свободы. Применяя их в качестве основных более мягких видов наказания, суд должен учитывать совокупность обстоятельств по делу: смягчающие, наряду с отягчающими обстоятельствами, характеризующими преступление и личность виновного.

Сложность применения наименьшего срока или размера наказания связана с непосредственным выбором мягкой меры государственного принуждения в установленных законом пределах, влияющей на исправление осужденного.

Таким образом, назначение основного наказания ниже низшего предела можно дифференцировать на два подвида (группы). К первому следует отнести назначение лишения свободы ниже низшего предела, а ко второму – назначение ниже низшего предела иных мер, не связанных с лишением свободы. Потенциал минимизации уголовного наказания определяется санкцией конкретной уголовно-правовой нормы и положениями Общей части уголовного закона. Конструкция санкций наглядно содержит вариативность видов уголовного наказания, а положения Общей части УК РФ устанавливают низший предел конкретного его вида. Однако предельная минимизация не всегда нравственно оправдана. Чрезмерно мягкое наказание не приводит к исправлению осужденных, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления. Поэтому оценка и последующий учет тяжести и опасности содеянного влияет на выбор меры государственного принуждения.

Назначение более мягкого вида наказания, чем предусмотрено конкретной статьей, позволяет суду определить любой мягкий вид основного наказания, не указанный в санкции статьи, вместо лишения свободы; либо другой более мягкий вид наказания вместо иных мер, не связанных с лишением свободы. Полный

¹ БВС РФ. 1999. № 6.

перечень мягких видов наказаний предусмотрен ст. 44 УК РФ, с соблюдением требований ст. 45 УК РФ и с учетом других положений Общей части УК РФ, например ст. 46, 49, 50, 51, 53, 53.1 УК РФ. Эти виды наказаний должны быть намного мягче, чем лишение свободы. Вместе с тем срок и размер таковых не может быть ниже установленного уголовным законом предельно минимального срока наказания. К тому же максимальный размер более мягкого наказания этого вида ограничен санкцией закона. При этом не препятствует назначению рассматриваемого вида наказания их альтернативность, выраженная в санкции конкретной статьи¹. Следовательно, особенность назначения более мягких видов наказаний определяется их системой и классификацией, а также структурой санкций, которые выступают атрибутивными признаками подобного смягчения наказания.

Уголовный закон не указывает в полной мере на прямое ограничение в применении более мягкого наказания вместо лишения свободы. Поэтому оно может быть назначено лицу, совершившему тяжкие и особо тяжкие преступления, предусмотренные ст. 105, 111, 126, 162 и мн. др. УК РФ. Очевидно, что чем тяжелее и опаснее преступление, тем солиднее должна быть совокупность смягчающих обстоятельств. В связи с этим должен быть установлен правовой запрет на назначение более мягкого вида наказания вместо лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, поскольку их общественная опасность на сегодняшний день велика, и масштабы опасного поведения свидетельствуют об эффективности уголовно-правового воздействия в отношении указанной категории лиц.

Кроме того, ликвидация минимального предела наказания, проведенная федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», означает нецелесообразность применения ст. 64 УК РФ за умышленные преступления небольшой и средней тяжести. Исключение составляют более опасные категории преступлений. Отмена нижних пределов наказаний в виде лишения свободы предоставляет широкие возможности гибкого подхода к назначению наказания за совершение преступлений названных категорий. Характер конструкций такого рода санкций максимально

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (с изм. и доп. от 18 декабря 2018 г., № 43) // Рос. газета. 2015. 29 дек.

индивидуализирует уголовную ответственность лиц, что позволяет сделать вывод о необходимости применения такой нормы только за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Соответственно, назначение лишения свободы или другого вида наказания, более мягкого, чем лишение свободы, не следует применять за менее тяжкие преступления. Анализ санкций уголовно-правовых норм подтверждает ранее изложенные выводы. Так, исходя из общего количества указанных умышленных преступлений, выявлен определенный процент санкций, которые содержат возможность назначения более мягких видов наказаний без применения ст. 64 УК РФ. По нашим подсчетам, наибольшее количество санкций (40,31 %) составили санкции, включающие альтернативные виды наказаний, в числе которых возможно назначение лишения свободы. Альтернативные виды наказаний без лишения свободы содержат 21,4 % санкций. Альтернативные виды наказаний, в числе которых возможно назначение лишения свободы с применением дополнительного вида наказания, составили 19,9 % санкций. Меньшее количество санкций (12,2 %) состоит из одного основного наказания в виде лишения свободы; 5,9 % санкций имеют одно основное наказание в виде лишения свободы с применением дополнительного вида наказания; и 0,25 % санкций содержат одно основное наказание в виде штрафа (см. таблица 1.1).

Таблица 1.1

Общее количество умышленных преступлений небольшой и средней тяжести	392	100 %
Основное наказание в виде лишения свободы	48	12,2 %
Альтернативные виды наказания с лишением свободы	158	40,31 %
Основное наказание в виде лишения свободы с применением дополнительного вида наказания	23	5,9 %
Альтернативные виды наказания с лишением свободы с применением дополнительного вида наказания	78	19,9 %
Альтернативные виды наказания без лишения свободы	84	21,4 %
Основное наказание в виде штрафа	1	0,25 %

Однако указанный федеральный закон значительно расширяет возможности суда индивидуализировать уголовную ответственность лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести.

Масштабная альтернативность представленных в уголовном законе санкций при наличии исключительных обстоятельств дает суду право применить не один из перечисленных в ней видов наказания, а назначить другой более мягкий вид наказания взамен установленных, либо назначить предусмотренное статьей наказание ниже низшего предела.

Действующее законодательство, ст. 64 УК РФ, содержит такое более мягкое наказание, как неприменение дополнительного вида наказания, предусмотренного в качестве обязательного. Неприменение дополнительного вида наказания объясняется соответствующими мотивами, указанными в приговоре. Однако это требование не всегда практически соблюдается. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»¹ содержится настоятельное указание на мотивировку в приговоре выводов по вопросам назначения уголовного наказания, конкретного его вида и размера. Сейчас достаточно распространены случаи вынесения немотивированных судебных решений, касающиеся определения срока лишения свободы ниже низшего предела, либо случаи перехода к другому более мягкому виду наказания. В ряде случаев суды не раскрывают содержание исключительных обстоятельств, выступающих основанием для указанного смягчения наказания. Удостовериться в правильности таких приговоров невозможно. Поэтому незаслуженное мягкое наказание есть наказание неадекватное и нецелесообразное. Сочетаемые в наказании соразмерность и необходимость выступают его главными признаками. Указание на них в приговоре обосновывает позицию суда. Ошибочное смягчение наказания нарушает идейность закона, оно бесперспективно по отношению к осужденному и подлежит отмене высшими судебными органами.

Ст. 64 УК РФ не содержит обязательных требований мотивировать принятое решение при смягчении наказания. При этом потребность мотивировать приговор остается насущной. Мотивы принятого решения свидетельствуют о его доказательности,

¹ Рос. газета. 2016. 7 дек.

а именно о том, какие исключительные обстоятельства доказаны при рассмотрении уголовного дела? Справедливость наказания зависит от исполнения требований закона. Поэтому назначение наказания строго индивидуально, а следовательно мотивы принятых решений по всем вопросам назначения наказания подтверждают истину, убедительность приговора.

Любой вид назначения более мягкого наказания должен обеспечить законное и справедливое судебное решение. Исходя из изложенного и по результатам рассмотрения уголовных дел виды назначения более мягкого наказания можно классифицировать в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления на три группы:

1. К первой группе видов более мягкого наказания относятся:

- назначение лишения свободы ниже низшего предела;
- назначение ниже низшего предела иных мер, не связанных с лишением свободы.

Ко второй группе видов более мягкого наказания относятся:

- назначение более мягкого вида наказания вместо лишения свободы;
- назначение более мягкого вида наказания вместо иных мер, не связанных с лишением свободы.

3. К третьей группе видов более мягкого наказания относится неназначение дополнительного вида наказания, предусмотренного санкцией в качестве обязательного:

- лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
- штраф;
- ограничение свободы.

Данная классификация позволяет суду дифференцировать более мягкий вид наказания и индивидуализировать его назначение с применением ст. 64 УК РФ. Дифференциация видов более мягкого наказания способствует выбору наказания от менее строгого к более строгому, в т.ч. связанному с лишением свободы и не связанному с ним. Подобная классификация назначения более мягких видов наказаний напрямую связана с построением санкций уголовно-правовых норм, а также корреспондирует законодательной системе наказаний и их классификации (ст. 44 и 45 УК РФ).

Таким образом, сформулированная классификация представляет систему видов назначения более мягкого наказания и кон-

кретизирует их мягкость в зависимости от их непосредственного вида и срока. Возможность суда применить тот или иной вид более мягкого наказания обусловлена характером и степенью общественной опасности совершенного преступления и личностью виновного, а выбор конкретной меры государственного принуждения способствует достижению исправления осужденного.

Проведенное теоретическое и практическое осмысление видов назначения более мягкого наказания направлено на формулирование некоторых соответствующих выводов.

Итак, нижний предел лишения свободы и иных более мягких видов наказаний установлен Общей частью уголовного закона. В частности, в соответствии со ст. 56 УК РФ минимальный срок лишения свободы равен двум месяцам. Выход за нижние границы лишения свободы и иных более мягких мер невозможен. Обратное приводит к нарушению принципа законности (ст. 3 УК РФ) и общих начал назначения наказания (ст. 60 УК РФ). Назначение низших сроков уголовных наказаний способствует торжеству законности при условии строгого учета судом всей совокупности значимых для конкретной ситуации обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления и личности виновного. Необходимость их установления и отнесения к исключительным обусловлена процессуальной деятельностью суда, основанной на нормах материального и процессуального права.

Назначая более мягкий вид наказания вместо лишения свободы и иные более мягкие меры, не связанные с лишением свободы, следует руководствоваться ст. 44 УК РФ. Такая позиция законодателя связана с самостоятельным выбором более мягкого вида наказания, чем предусмотрено санкцией конкретной статьи УК РФ. Выбор более мягкой меры государственного принуждения вместо лишения свободы и иных мер, не связанных с ним, находится за пределами санкции конкретной уголовно-правовой нормы, но ограничен пределами Общей части уголовного закона относительно видов и сроков более мягких наказаний. Однако, следует полагать, такой подход к назначению более мягких видов наказания вместо лишения свободы чрезмерно завышен, преувеличен самим законодателем. Это порождает неизбежное судебское усмотрение в этом вопросе, которое нежелательно, поскольку может привести к различного рода злоупотреблениям, связанным с назначением этого вида более мягкого наказания

вместо лишения свободы. Игнорирование характера преступного деяния, особенно в отношении тяжких и особо тяжких преступлений, недооценка качества их общественной опасности возможны в ситуациях назначения такого вида более мягкого наказания с применением ст. 64 УК РФ. В частности, речь идет об убийстве (ст. 105 УК РФ), умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), похищении человека (ст. 126 УК РФ), разбое (ст. 162 УК РФ). Следовательно, возможны ошибки при применении ст. 64 УК РФ в части назначения более мягких видов вместо лишения свободы. Выход за пределы санкции без должного учета характера и степени общественной опасности совершенного преступления невозможен. К тому же оценочный подход к выбору судом иных мер вместо лишения свободы опасен возможностью назначения незаслуженно мягкого наказания, что является недопустимым. Ведь прерогативой суда должен выступать процесс назначения наказания, а законодательной прерогативой должны быть четко установленные правила его назначения. Видимо, применение более мягкого вида наказания вместо лишения свободы не урегулировано всецело уголовным законом. Для этого следует законодательно акцентировать внимание на обязательном учете характера общественной опасности совершенного преступления, качественная сторона опасности которого напрямую зависит от воли законодателя, а именно узаконена санкцией уголовно-правовой нормы.

В связи с этим не представляется возможным для суда не допустить ошибок при назначении более мягкого вида наказания вместо лишения свободы, предусмотренного в санкции конкретной уголовно-правовой нормы, за тяжкие и особо тяжкие преступления. Поэтому в целях вынесения законного и справедливого наказания нужно установить в ст. 64 УК РФ правовые ограничения, характерные для назначения более мягких видов наказания вместо лишения свободы, обусловленные тяжестью и опасностью содеянного. Так, необходимо ч. 1 ст. 64 УК РФ дополнить вторым предложением с указанием на две опаснейшие категории преступлений: «1. ...При этом назначение более мягких видов наказания вместо лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений не допускается». Такого рода ограничение исключает возможность назначения незаслуженно мягкого наказания.

Неназначение дополнительного вида наказания, предусмотренного санкцией статьи в качестве обязательного, – достаточ-

но проблематичный вопрос, неоднозначно решаемый в правоприменительной деятельности судов разного уровня. Неназначение дополнительного вида наказания продиктовано множеством разнородных личностных особенностей, всецело характеризующих поведение преступной личности на протяжении всей его жизнедеятельности, существенно уменьшающих степень ее общественной опасности к моменту вынесения приговора. Поэтому суд должен не изыскивать возможность для применения ст. 64 УК РФ в части неназначения дополнительного вида наказания, предусмотренного в качестве обязательного, а строить свои результативные выводы в соответствии с конечной целью наказания – исправлением осужденного. Неприменение дополнительного вида наказания должно предполагать нежелание судьи довоспитывать виновную личность, его убежденность в результативности назначенного основного наказания, достаточного для исправления. Убежденность в этом суда должна образоваться к моменту вынесения обвинительного приговора.

Храмов Сергей Михайлович

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Республика Беларусь, Брест*

ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ

Аннотация. *Статья посвящена анализу противоправных действий в сфере применения современных медицинских технологий и их уголовно-правовой квалификации. Раскрываются правовые аспекты принуждения к изъятию органов или тканей человека для трансплантации. Даются определения понятий «орган» и «ткань». Анализируется действующее законодательство, регулирующее правовые отношения в рассматриваемой сфере, а также судебная практика. Обращается внимание на то, что в уголовном законодательстве охраняется жизнь и здоровье только живого донора. Систематизируются медицинские факторы, которые ограничивают более активное развитие трансплантологии. Предлагаются варианты совершенствования уголовного законодательства. При этом учитываются сложившиеся в мире подходы. Первый подход заключается в запрете клонирования человека или использования человеческого эмбриона, второй – в допустимости терапевтического клонирования, в т.ч. в научных целях, третий – в отсутствии прямых запретов и уголовной ответственности за клонирование человека. Делается вывод о том, что дальнейшее развитие уголовного законодательства может идти по пути установления ответственности за клонирование человека.*

Ключевые слова: *клонирование, трансплантация, изъятие, пересадка, органы и ткани, реципиент, медицинские технологии, состав преступления.*

Khramov Sergei Mikhailovich

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal Law Disciplines,
Brest State University named after A.S. Pushkin,
Republic of Belarus, Brest
tut-2003@tut.by*

UNLAWFUL ACTIONS IN THE SPHERE OF APPLICATION OF MODERN MEDICAL TECHNOLOGIES AND THEIR CRIMINAL QUALIFICATION

Abstract. *The article is devoted to the analysis of illegal actions in the field of application of modern medical technologies and their criminal-legal qualifications. The legal aspects of compulsion to the removal of human organs or tissues for transplantation are revealed. The definitions of the concepts "organ" and "tissue" are given. The article analyzes the current legislation governing legal relations in this area, as well as judicial practice. Attention is drawn to the fact that the criminal legislation protects the life and health of only a living donor. Medical factors that limit the more active development of transplantation are systematized. The options for improving the criminal legislation are proposed. This takes into account the approaches developed in the world. The first approach is to prohibit human cloning or the use of a human embryo; the second is to allow therapeutic cloning, incl. for scientific purposes, the third – in the absence of direct prohibitions and criminal liability for human cloning. It is concluded that the further development of criminal legislation can go along the path of establishing responsibility for human cloning.*

Keywords: *cloning, transplantation, withdrawal, transplantation, organs and tissues, recipient, medical technology, crime scene.*

В связи с бурным развитием современных медицинских технологий в практической деятельности правоохранительных органов возникают вопросы по поводу уголовно-правовой квалификации общественно опасных действия в данной сфере. Соответствующего разъяснения высшей судебной инстанции в виде постановления Пленума Верховного Суда пока не имеется. Нарбатывается следственная и судебная практика, анализируются ошибки, происходит поиск наиболее оптимальных решений.

Почему преступления в сфере незаконного использования современных медицинских технологий обладают повышенной общественной опасностью? Рассмотрим это на примере принуждения к изъятию органов или тканей человека для трансплантации. Это обусловлено тем, что возможности трансплантологии и объемы операций по трансплантации растут с каждым годом во всем мире. Однако ресурсов для осуществления этой деятельности недостаточно, так как постоянно необходим качественный донорский материал.

Орган и ткань – не идентичные понятия. В состав органа, являющегося частью тела, входит несколько тканей. Орган сам по себе является самостоятельной физиологической единицей, например сердце, печень, почки. Орган выполняет определённую функцию в организме. Ткань – это совокупность клеток и межклеточного вещества, которые объединены по строению, происхождению, функциям.

По имеющимся данным, «общая потребность в пересадке только органов (сердце, почки, печень) составляет от 100 до 250 тысяч в год. ... При этом потребность в донорских органах удовлетворялась и удовлетворяется официальным, законодательно предписанным путем не более чем на 1-2 процента» [2, с. 3].

Приведенные цифры весьма приблизительны, так как высок уровень латентности, и фактическое состояние потребностей в мире неизвестно. Тем не менее, эти данные иллюстрируют наличие проблемы и ее масштабы. И если вопросы, связанные с донорством, уже достаточно хорошо урегулированы в правовом поле, то проблема клонирования еще подлежит юридическому решению с учетом конституционной гарантии права граждан на охрану здоровья.

В любом случае проблема распределения органов для пересадки является одной из острых в трансплантологии, поскольку «во всем мире существует дефицит донорских органов» [3, с. 49]. С этим связана нарастающая коммерциализация данной сферы деятельности, которая может привести к злоупотреблениям и прямым нарушениям законодательства.

Одним из условий противоправных деяний является недостаточный контроль. Последствия таких преступлений могут быть самыми тяжёлыми. Кроме того, данная область отношений является недостаточно урегулированной. Имеющийся закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 (с изм. и доп. от 8 декабря 2020 г. № 429-ФЗ) «О трансплантации органов и (или) тканей человека»¹ не решает все проблемы. Тем не менее, в данном законе установлено обязательное условие проведения трансплантации в медицинских целях. Речь идет о добровольности предоставления органов или тканей живым донором. Реципиент дает письменное согласие. В УК РФ имеется ряд норм, предусматривающих ответственность за противоправные действия, имеющие опосредован-

¹ Рос. газета. 1993. 9 янв.

ное отношение к сфере применения современных медицинских технологий. Прежде всего, это ст. 120 «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации» и ч. 2 ст. 127.1 «Торговля людьми».

Специфика данных норм выявляется через рассмотрение элементов состава преступления. Продемонстрируем это на примере ст. 120 УК РФ. Так, в качестве родового объекта принуждения к изъятию органов или тканей человека для трансплантации выступает жизнь и здоровье. При этом групповым объектом является личность человека (раздел VII УК РФ). Из этого следует, что аналогичные действия по принуждению родственников умершего к даче согласия на изъятие органов и тканей последнего не образуют состава рассматриваемого преступления.

С объективной стороны преступление выражается в принуждении живого человека к изъятию у него органов или тканей путем насилия либо угрозы его применения. Эти действия квалифицируются по ст. 120 УК РФ, если принуждение производится для последующей трансплантации изъятых с применением насилия либо с угрозой его применения органов или тканей человека.

Обязательным признаком объективной стороны рассматриваемого преступления является также способ его совершения – насилие либо угроза его применения. Из этого следует, что склонение человека к согласию на изъятие у него органов или тканей путем уговоров, подкупа и иных схожих действий не образует состава данного преступления.

Если в качестве способа совершения преступления применен прямой обман или использовано беспомощное состояние потерпевшего, то в зависимости от тяжести наступивших последствий в виде причиненного вреда здоровью содеянное может быть квалифицировано, например, по п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в целях использования органов или тканей потерпевшего. Последствием преступных действий может стать, к примеру, потеря какого-либо органа.

Время окончания преступления совпадает с моментом, когда виновные в результате своих противоправных действий путем насилия либо угрозы его применения добились от потерпевшего согласия на осуществление изъятия у него органов или тканей.

Субъект данного преступления общий. Им является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответствен-

ности. По ст. 120 УК РФ это шестнадцатилетний возраст. Род деятельности и профессиональная подготовка этого лица для квалификации по ч. 1 ст. 120 УК РФ значения не имеют. В качестве субъектов преступления могут привлекаться как медицинский персонал учреждений здравоохранения вне зависимости от формы собственности, так и иные лица. При этом в процессе предварительного расследования необходимо дополнительно выяснять, не было ли допущено иных нарушений законодательства о трансплантации органов человека.

С субъективной стороны анализируемое преступление характеризуется умышленной формой вины. Вид умысла – прямой. Обязательным признаком субъективной стороны является также цель преступления – последующая трансплантация подлежащих изъятию органов или тканей человека.

По какому критерию необходимо отграничивать законное изъятие органов и тканей у живого донора от незаконного? Здесь необходимо учитывать последствия содеянного. Законным является изъятие органов либо тканей, если здоровью живого донора не причиняется значительный вред.

Отграничение от смежных составов преступлений следует проводить как по субъективной стороне, так и по содержанию объективной стороны. Если лицо заведомо осознает, что в результате изъятия органов либо тканей потерпевшему будут причинены телесные повреждения, которые несовместимы с жизнью, действия виновного необходимо квалифицировать по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Эта норма предусматривает уголовную ответственность за убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего. В данном случае дополнительной квалификации по ст. 120 УК РФ не требуется, так как изъятие у потерпевшего органов или тканей является способом совершения убийства, а не самостоятельным преступлением.

Признаками, характеризующими квалифицированный состав принуждения к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, являются:

- то же деяние, совершенное в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии,
- то же деяние, совершенное в отношении лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного.

Данные признаки, повышающие общественную опасность преступления, указаны в ч. 2 ст. 120 УК РФ. За совершение деяний

с квалифицирующими признаками предусмотрена более строгая уголовная ответственность виновных лиц.

Если в результате принуждения к изъятию органов или тканей для трансплантации жизни и здоровью потерпевшего причинен вред, по данной категории дел обязательно назначение и проведение судебно-медицинской экспертизы.

Заявления граждан о принуждении к изъятию органов или тканей человека для трансплантации подлежат внесению в книгу регистрации сообщений о преступлении для проведения последующей уголовно-процессуальной проверки в порядке ст. 144 и принятия решения в порядке ст. 145 УПК РФ. В интересах потерпевшего с заявлением в правоохранительные органы могут обратиться, например, близкие родственники.

Анализ судебной практики показал, что лица, осужденные по ст. 120 УК РФ, как правило, совершают и другие преступления, например умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести, похищение человека (ст. 126 УК РФ), незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ). Так, постановлением от 14 сентября 2015 г. Ж. предъявлено «обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 120 и ч. 3 ст. 30 и п. «а», «г» ч. 2 ст. 127 УК РФ»¹.

В уголовном законодательстве РФ охраняется жизнь и здоровье только живого донора. Вопрос по незаконному изъятию органов и тканей трупа человека остается открытым. В некоторых странах подобные действия уголовно наказуемы, например в Республике Казахстан.

Эти деяния обладают общественной опасностью, которая связана с нарушением нравственных устоев общества. В результате подобного деяния вред причиняется родственникам умершего лица. Прежде всего, речь идет о моральном вреде. В связи с этим может быть дополнительно проработан вопрос о целесообразности установления в РФ уголовной ответственности за незаконное изъятие органов или тканей трупа человека для трансплантации либо иного использования, а равно совершение сделок в отношении органов или тканей трупа человека.

Объектом данного преступления может быть общественная нравственность. Те же деяния, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору; повторно; лицом с ис-

¹ Уголовное дело № 22-9/2019 // Архив суда Северного флотского военного суда за 2019 г.

пользованием своего служебного положения должны влечь за собой более строгое наказание.

Не урегулированной в уголовном праве остается проблема клонирования. Клонирование – это процесс создания генетически идентичной копии клетки или организма. Данный процесс осуществляется путем переноса ядра соматической клетки человека в женскую половую клетку, лишенной ядра.

Необходимо признать, что отношения в области клонирования не урегулированы или недостаточно урегулированы в различных странах, в результате чего сходные действия с человеческими эмбрионами (с зародышами человека в стадии развития до 8 недель) могут быть расценены по-разному в зависимости от места их совершения.

В этом плане существует три различных подхода. Первый подход заключается в запрете клонирования человека или использования человеческого эмбриона (Швейцария, Китай, Республика Казахстан). Второй подход – допустимость терапевтического клонирования, в т.ч. в научных целях (Великобритания, США). Терапевтическое клонирование заключается в том, что развитие человеческого эмбриона останавливается на ранних стадиях. В этой ситуации эмбрион используется исключительно как биологический инструмент (продукт) для получения т.н. стволовых клеток. Третий подход – отсутствие прямых запретов и уголовной ответственности за клонирование человека. Так, в УК РФ отсутствует статья, предусматривающая ответственность за клонирование человека. Т.е. ввиду правового пробела вопрос об ответственности не решен и не предусмотрен прямой уголовно-правовой запрет на опасные генетические эксперименты.

Вместе с тем еще в 2002 г. в РФ законодательно был введен «временный запрет на клонирование человека»¹. Как отмечает В.Н. Кастальский, «основная причина, которая препятствует клонированию человека, – это недостаточное изучение биологических и социальных последствий клонирования человека, отсутствие необходимых научных знаний» [1, с. 38].

В то же время в мире был ряд громких прецедентов, на которые стоит обратить внимание, принимая решение о направлении

¹ Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» (с изм. и доп. от 29 марта 2010 г., № 30-ФЗ) // Рос. газета. 2002. 23 мая.

ях дальнейшего развития уголовного законодательства. Одним из основных проявлений девиантного поведения в рассматриваемой области являются незаконные генетические эксперименты над человеческими эмбрионами. В Китае ученый Хэ Цзянькуй и двое работавших под его началом коллег (Чжан Жэньли и Цинь Цзиньчжоу) были осуждены за проведение собственных экспериментов на человеческих эмбрионах, чтобы попытаться дать им защиту от ВИЧ. Это произошло в г. Шэньчжэнь, провинция Гуандун. Ученым инкриминировалось нарушение порядка проведения генетических экспериментов и этических норм, развившееся в проведении незаконного эксперимента с рождением близнецов из генетически модифицированных эмбрионов. В качестве мотива преступления суд указал погоню за личной славой и выгодой. Ученые, по мнению стороны обвинения, нарушили медицинский порядок. Сам Хэ Цзянькуй на суде настаивал, что «хотел сделать организм человека более устойчивым к болезням»¹.

Многие международные документы призывают к запрету любых форм клонирования человека. Так, в 2004 г. 57 государств-членов ООН предложили разработать конвенцию о запрещении клонирования человека. Основным аргументом при этом было то, что «клонирование человека в каких бы то ни было целях является аморальным, нравственно недопустимым и противоречащим должному уважению человеческой личности и не может быть оправдано или признано допустимым».

На законодательном уровне проблема может быть решена путем разработки и принятия нормы, предусматривающей уголовную ответственность за клонирование человека. В качестве основного состава преступления может быть предусмотрено клонирование человека или использование человеческого эмбриона в коммерческих, военных или промышленных целях, а равно вывоз половых клеток или человеческого эмбриона из Российской Федерации в этих же целях.

В перспективе возможно усовершенствование правового механизма защиты жизни и здоровья человека при применении новых медицинских технологий, нравственных устоев общества.

¹ Гасюк А. Гениальные арестанты. Китайские ученые сядут в тюрьму за незаконные эксперименты. URL: <https://rg.ru/2019/12/30/kitajskie-uchenye-siadut-v-tiurmu-za-nezakonnye-eksperimenty.html> (дата обращения: 28.05.2020).

Список литературы

1. *Кастальский В.Н.* Основные новеллы Части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: Волтерс Клувер, 2007.

2. *Фабрика Т.А.* Проблемы уголовной ответственности за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007.

3. *Шаркова Л.И., Купченко А.М., Становенко В.В., Харкевич Н.Г.* Этические проблемы трансплантологии / // Биоэтика и современные проблемы медицинской этики и деонтологии: матер. Республиканской науч.-практ. конф. с междунар. участием (2 декабря 2016 г.). Витебск: ВГМУ, 2016. С. 47-50.

Секция 2
**ПОТЕНЦИАЛ НАУК
АНТИКРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА
В СВЕТЕ ОЖИДАНИЙ И ЗАПРОСОВ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

УДК 343.92

Антонян Елена Александровна

*Д.ю.н., профессор, профессор кафедры
криминологии и уголовно-исполнительного права,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Россия, Москва*

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА
В ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ
И СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

Аннотация. В статье приводится состояние борьбы с экстремизмом в нашей стране на основании имеющихся результатов деятельности отдельных ведомств правоохранительных органов за последние годы; анализируются меры, направленные на противодействие экстремизму с позиции эффективности. Исследование, проводимое при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16175, показывает, что распространение экстремизма, в частности в России, обусловило необходимость принятия комплекса мер, направленных не только на выявление и борьбу с данным явлением, но и активную деятельность в сфере предупреждения его распространения не только в нашей стране, но и в мире; активному распространению экстремизма в телекоммуникационных сетях в нашей стране и, в частности, в сети Интернет способствует, в т.ч., недостаточная эффективная

деятельность правоохранительных органов в борьбе с преступлениями, совершаемыми в указанной сфере. Что касается повышения эффективности борьбы с экстремизмом, то ей должна способствовать активная научная деятельность, направленная в первую очередь на всесторонний правовой анализ рассматриваемого явления, подготовку на его основе практических рекомендаций и их постоянное совершенствование. Такое положение должно сохраняться даже с учетом того, что правовой анализ экстремизма достаточно широко представлен в отечественном законодательстве.

Ключевые слова: экстремизм, телекоммуникационные сети, Интернет, противодействие, распространение, деятельность, борьба, террористические угрозы.

Antonian Elena Aleksandrovna

*Doctor of Law, Professor, Professor of the Department
of Criminology and Penal Law,
Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafina (MSAL),
Russia, Moscow
antonyaa@yandex.ru*

SPREAD OF EXTREMISM IN TELECOMMUNICATION NETWORKS AND THE INTERNET

Abstract. *The article describes the state of the fight against extremism in our country based on the available results of the activities of individual law enforcement agencies in recent years; analyzes the measures aimed at countering extremism from the standpoint of effectiveness. It is concluded that the spread of extremism, in particular, in Russia, necessitated a set of measures aimed not only at identifying and combating this phenomenon, but also actively working to prevent its spread not only in our country, but also in the world. It has been proved that the active spread of extremism in telecommunication networks in our country and, in particular, on the Internet is facilitated, inter alia, by the insufficient effective activity of law enforcement agencies in the fight against crimes committed in this area. As for increasing the effectiveness of the fight against extremism, it should be promoted by active scientific activity, aimed primarily at a comprehensive legal analysis of the phenomenon under consideration, preparation on its basis of practical recommendations and their constant improvement. This situation should be maintained even taking into account the fact that the legal analysis of extremism is quite widely represented in domestic legislation.*

Keywords: *extremism, telecommunication networks, Internet, counteraction, distribution, activity, struggle, terrorist threats.*

Современное общество развивается ускоренными темпами практически во всех отраслях, чему активно способствует резкий скачок научно-технического прогресса. Желание отдельных граждан использовать его достижения в собственных низменных целях обусловлено рядом причин. Стремление к однополярному превосходству отдельных государств, активное провозглашение высшего положения некоторых рас и религий, порождает массовое недовольство граждан других государств, которые считают себя ущемленными и готовы активно противодействовать создавшейся в мире системе. Учитывая такое положение и роль своего государства в устройстве миропорядка, единственным видом борьбы такие граждане видят в подготовке и реализации экстремистских и террористических угроз.

Распространение экстремизма, в частности в нашей стране, обусловило необходимость принятия комплекса мер, направленных не только на выявление и борьбу с данным явлением, но и активную деятельность в сфере предупреждения его распространения.

Состояние борьбы с экстремизмом в нашей стране демонстрируется результатами деятельности отдельных ведомств правоохранительных органов за последние годы. По данным Генеральной Прокуратуры РФ, в 2018 г. было зарегистрировано 1265 преступлений экстремистской направленности, из которых более 80 % составили деяния, предусмотренные ст. 280 УК РФ и ст. 282 УК РФ. Свыше трех четвертей из них составляют преступления, связанные с пропагандой идеи национального, религиозного, расового превосходства в социальной сети «ВКонтакте» (ст. 282 УК РФ)¹. Уже в 2019 г. в связи с декриминализацией ряда деяний вдвое (с 1265 до 585) снизилось количество уголовно наказуемых экстремистских проявлений. Однако, «в прошлом году по результатам рассмотрения требований прокуроров заблокировано свыше 81 тыс. интернет-ресурсов с информацией, содержащей террористические и экстремистские угрозы, включая призывы к массовым беспорядкам и насилию. С 45 тыс. сайтов противоправная информация удалена»².

¹ Генпрокуратура отчиталась о противодействии экстремизму в интернете. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6310744> (дата обращения: 02.12.2020).

² Число экстремистских преступлений за 2019 год сократилось вдвое. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8002335> (дата обращения: 02.12.2020).

Для сравнения: по данным МВД РФ, в январе – декабре 2019 г. зарегистрировано 1806 преступлений террористического характера и 585 преступлений экстремистской направленности¹.

Совсем иная обстановка складывается в 2020 г. По данным Совбеза РФ, «число выявленных случаев «сетевого экстремизма» в России значительно выросло. Всего за девять месяцев этого года зарегистрировано чуть более 650 экстремистских преступлений, что почти на треть больше, чем за аналогичный период прошлого года»².

Таким образом, налицо стабильно высокое количество проявлений экстремизма в нашей стране, что, безусловно, не позволяет говорить о создании и реализации всех необходимых условий для борьбы с данным негативным противоправным явлением.

О невысоких (относительно) показателях рассматриваемого явления свидетельствует его высокая латентность. Следует учесть, что характер и кроющиеся угрозы экстремизма требуют от государства принятия срочных неотложных и эффективных мер, направленных на борьбу с ним. Надо признать, что такие меры и усилия государством предпринимаются на постоянной основе, фактически с момента начала активной экстремистской деятельности в стране. Уже в 2008 г. были созданы подразделения по противодействию экстремизму³, а представленные ранее показатели все-таки свидетельствуют об эффективности и своевременности такой деятельности, однако с оговоркой, что ее следует продолжать и усиленно наращивать, в т.ч. в направлении разработки научных положений и практических рекомендаций.

Активному распространению экстремизма в телекоммуникационных сетях и, в частности, в сети Интернет способствует, в т.ч., недостаточная эффективная деятельность правоохранительных органов в борьбе с преступлениями, совершаемыми в указанной сфере. Такое положение способствует развитию стойкого убеждения о возможности избежать наказания за реализацию деятельности экстремистского характера в сети. Это одна из основных причин распространения экстремизма в телекоммуникацион-

¹ По данным МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 02.12.2020).

² «Сетевой экстремизм» в России вырос на треть. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2020/11/09/n_15202915.shtml (дата обращения: 02.12.2020).

³ Указ Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 37, ст. 4182.

ных сетях. Также этому способствует безнаказанное использование информационных-телекоммуникационных сетей в целях не только распространения экстремизма, но и вербовки новых членов, финансирования данной деятельности, подготовки и совершения других, более опасных преступлений.

Так, только за январь – декабрь 2019 г. зарегистрировано более 294 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что почти на 70 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Половина таких преступлений совершается с использованием сети Интернет, а более трети – с использованием средств мобильной связи¹. Надо предполагать, что это не окончательные цифры.

Повышению эффективности борьбы с противоправным явлением должна способствовать активная научная деятельность, направленная в первую очередь на всесторонний правовой анализ рассматриваемого явления, подготовку на его основе практических рекомендаций и их постоянное совершенствование. Такое положение должно сохраняться даже с учетом того, что правовой анализ экстремизма достаточно широко представлен в законодательстве страны².

Особое внимание на сегодняшний день заслуживают вопросы правовой оценки экстремизма, распространяемого в телекоммуникационных сетях и сети Интернет. Использование таких электронных систем существенно облегчает процесс распространения экстремистских материалов, вовлекая в данную деятельность значительные массы населения, оказывая на них воздействие в удаленном режиме. Наибольшая активность лидеров экстремистской деятельности направлена на самые психологически незащищенные элементы общества, детей, подростков и молодежь.

Именно современные возможности телекоммуникационных сетей обуславливают у руководителей экстремистских и террористических организаций их использование, в мировом, глобальном масштабе, игнорируя государственные границы стран, расстояние между лицами, на которых оказывается воздействие, «без-

¹ По данным МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 04.12.2020).

² Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (с изм. и доп.) «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3031; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (с изм. и доп. от 20 сентября 2018 г., № 32) // БВС РФ. 2011. № 8.

болезненная» реализация финансовых инструментов. Передача инструкций по реализации экстремистской деятельности, поведению в случае воздействия со стороны правоохранительных органов, противодействие им, а также система обработки лиц в целях подготовки и совершения терактов, изготовления оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, ядов, отравляющих веществ и т.п., все это осуществляется без личного контакта.

«Информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет», стали основным средством связи для экстремистских организаций, которое используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии»¹.

Эффективность борьбы с любым противоправным явлением определяется только реализацией комплексного подхода, посредством всестороннего изучения его элементов с научной позиции. Не является исключением экстремизм в сети Интернет. Изучение всех аспектов способствует установлению отдельных, даже скрытых нюансов (элементов) незаконной деятельности, которые в конечном итоге могут играть определяющее значение для выявления, расследования и профилактики рассматриваемого явления.

Научный анализ закономерностей экстремистской деятельности в телекоммуникационных сетях и сети Интернет позволяет выявить основания ее классификации, которые имеют определяющее значение для эффективной борьбы с ней.

Учитывая данные обстоятельства, существенным элементом правового анализа экстремистской деятельности является ее внешнее выражение, т.е. экстремизм в телекоммуникационных сетях может быть как внешним, так и внутренним. Источники внешнего экстремизма находятся за пределами нашего государства, что в значительной степени затрудняет процесс их выявления и последующего устранения. Как правило, основная масса организаций экстремистского и террористического толка находится за пределами страны, их электронные ресурсы также зарегистрированы на просторах Интернета, который, как известно, «не имеет хозяина», лицами, проживающими или зарегистриро-

¹ Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // СЗ РФ. 2020. № 22, ст. 3475.

ванными в других государствах. Последние чаще всего не препятствуют экстремистской деятельности своих граждан, не состоят в международных договорах, или, как, к сожалению, приходится констатировать, данная деятельность осуществляется спецслужбами данных государств. Говорить о привлечении таких лиц к уголовной ответственности не приходится.

Несколько иначе обстоят дела с внутренним экстремизмом. В данном случае IP адреса лиц, подозреваемых в совершении экстремизма, зарегистрированы на территории РФ. Данное положение в значительной степени способствует выявлению и задержанию таких лиц.

Любое проявление экстремизма в сети Интернет является общественно опасным явлением. Однако каждое такое проявление имеет свои специфические особенности, которые позволяют квалифицировать его и отграничивать от других видов преступной деятельности. В частности, экстремизм можно разделить на общественный, националистический, радикальный, религиозный, этнический и иные виды.

Нельзя заикливаться только на исламистском (радикальном) экстремизме, хотя на сегодняшний день это самое распространенное его направление. Попытка искажения исторических фактов, пропаганда нацизма и других фашистских и неофашистских проявлений способствуют активному распространению экстремизма данных направлений. Все это сегодня активно используется в целях дестабилизации обстановки в нашей стране.

Не раскрывая сущность каждого из видов, отметим, что они имеют существенные различия, которые и предопределили такое разграничение. Это обусловлено, во-первых, выдвигаемыми лозунгами, во-вторых, элементным составом лиц, принимающих участие в экстремистских организациях, в-третьих, методами реализации своей деятельности, которая в конечном счете может проявляться в применении физического насилия и совершении других преступлений. Отдельными элементами, заслуживающими внимания, могут быть количественный состав экстремистских организаций в конкретном месте, их экипировка и внешний вид ее участников (специальная одежда, прически, татуировки и т.п.).

Количественный и качественный состав экстремистских организаций, а также лиц, вовлекаемых в рассматриваемую преступную деятельность, способы реализации и проявления экстре-

мистской деятельности в сети Интернет, позволяют классифицировать его как молодежный или профессиональный.

Профессиональный экстремизм проявляется через деятельность отдельных лиц или известных организаций и объединений, запрещенных в нашей стране. Они имеют свои специализированные сайты, электронные странички в социальных сетях, с которых ими осуществляется процесс воздействия (например «ИГИЛ» и т.п.). Наиболее активному воздействию подвергаются подростки и молодые люди, которые не имеют активной жизненной позиции, готовые беспричинно, без объяснения своего поведения и убеждений, противопоставлять себя общественным устоям, а также другие антисоциальные, маргинальные личности. Именно телекоммуникационные сети в значительной степени повышают эффективность такой деятельности. Именно они составляют молодежный вид экстремизма.

Уголовно-правовой оценке экстремизма в сети Интернет подлжит форма его проявления, которая может быть реализована конкретным лицом или их объединением. Безусловно, экстремистская деятельность общественных, религиозных, этнических объединений и иных организаций носит более значительную общественную опасность, нежели аналогичная деятельность отдельных физических лиц. Такие объединения или организации имеют большие финансовые и технические возможности, роль и действия конкретных лиц в них распределены, а это существенно повышает уровень распространения и реализации экстремизма в сети.

Отдельные граждане серьезно ограничены в выборе средств и методов реализации экстремистской деятельности. Это способствует допущению ими ошибок при сокрытии элементов преступной деятельности в процессе ее реализации, позволяя выявлять и привлекать к ответственности таких лиц.

Проявление экстремизма обусловлено обязательной демонстрацией наглядности взглядов, которые имеют материальное выражение и именуется экстремистскими материалами. Верховный Суд РФ рекомендует классифицировать их как аудио-, видеофайлы, тексты и изображения, которые реализуются посредством передачи конкретным лицам отдельных сообщений, текстов, фрагментов или полных печатных изданий, которые могут быть оцифрованы, видеозаписей и видеороликов, приложений, а также игр экстремистского содержания.

Анализ судебно-следственной практики и научных источников позволяет констатировать, что в целях выявления на просторах Интернета лиц, склонных для вербовки в целях распространения экстремизма, разрабатываются специальные программы, которые позволяют устанавливать таких лиц автоматически.

Обусловлено это поведением самих лиц, которые неосмотрительно проявляют активность в телекоммуникационных сетях, демонстрируя свои взгляды, убеждения и иные позиции по отдельным вопросам, которые могут заинтересовать профессиональных экстремистов и террористов, в целях их дальнейшего привлечения к рассматриваемой деятельности. В данном случае можно провести некую параллель с виктимным поведением жертвы преступления. Социальные странички, содержащие нескончаемый, огромный контент о лице, его интересах, планах и т.п., позволяет «специалистам» собрать и обработать необходимую информацию о конкретном человеке, получить доступ к конфиденциальной информации, что в последующем может быть активно использовано в целях воздействия на это лицо в процессе его вербовки в качестве участника экстремистской или террористической организации.

Свободный доступ в сеть Интернет, активное ее использование в преступных целях способствует активному распространению экстремизма на его просторах. Следует иметь в виду, что в целях конспирации своей преступной деятельности профессиональными экстремистами активно используются возможности т.н. «темного интернета», который позволяет вести активные действия лицам, состоящим в закрытых группах, скрыто передавать информацию и сведения экстремистского характера, осуществлять незаконные финансовые операции, направленные на снабжение экстремистской и террористической деятельности.

В целях правильной квалификации экстремистской деятельности в телекоммуникационных сетях особое значение приобретает установление умышленного характера деятельности лиц, совершающих экстремизм в указанных сетях и в сети Интернет. В связи с этим Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что конкретно должно указывать на виновность лица: «только в случаях, когда установлено, что лицо, разместившее такой материал, осознавало направленность деяния на нарушение основ конституционного строя, а также имело цель возбудить ненависть или вражду либо унижить достоинство человека или группы лиц

по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе. При размещении материалов в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети суду следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, форму и содержание размещенной информации, ее контекст, наличие и содержание комментариев данного лица или иного выражения отношения к ней, факт личного создания либо заимствования лицом соответствующих аудио-, видеофайлов, текста или изображения, содержание всей страницы данного лица, сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации, в т.ч. о совершении действий, направленных на увеличение количества просмотров и пользовательской аудитории, данные о его личности (в частности приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях, привлечение ранее лица к административной и (или) уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности), объем подобной информации, частоту и продолжительность ее размещения, интенсивность обновлений» (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11).

В любом случае за каждым конкретным электронным адресом стоит конкретный человек, поэтому нельзя рассматривать экстремизм в сети Интернет в отрыве от необходимости выявления каждого такого конкретного лица. Привлечение не только рядовых участников, но и организаторов такой деятельности к ответственности является мощным сдерживающим профилактическим фактором борьбы с экстремизмом в телекоммуникационных сетях и в сети Интернет, в любых его проявлениях.

В связи с этим обязательным условием эффективной борьбы с экстремизмом в телекоммуникационных сетях, в т.ч. в Интернет, является активное взаимодействие отечественных правоохранительных органов с правоохранительными органами зарубежных государств.

Наряду с деятельностью, направленной на выявление фактов экстремизма в сети Интернет, а также привлечением к ответственности лиц, ее осуществляющих, эффективным средством борьбы с экстремизмом во всех его проявлениях является активная профилактическая деятельность всех государственных органов, в орбиту которой должны попасть все слои российского

общества, особенно молодежь и подростки как наиболее уязвимые для негативного противоправного воздействия. Киберэкстремизм и кибертерроризм формируют сближение двух миров – виртуального и физического [1].

Эффективная борьба с экстремизмом возможна только при реализации комплексного подхода, который задействует весь потенциал уже имеющихся мер и разработку новых, что в совокупности позволит достичь положительных результатов в рассматриваемой сфере.

Список литературы

1. *Antonyan E.A., Grishko N.A.* New Technologies in Cyber Terrorism Countering // Proceedings of the XVII International Research-to-Practice Conference dedicated to the memory of M.I. Kovalyov (ICK 2020). P. 28-31. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/ick-20/125937316>

Баранова Марина Александровна

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

**ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ
МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
КОМПРОМИССНОЕ НАЧАЛО**

Аннотация. *В статье исследуется практика избрания и применения мер пресечения, предусмотренных ст. 98 УПК РФ, среди которых наиболее часто применяется заключение под стражу, такой подход признается неприемлемым. Рассматривается идея процессуального конструктора, в соответствии с которой правоприменитель наделяется правом подбора в каждой конкретной ситуации персонального набора ограничений, предусмотренных УПК РФ, целесообразных и достаточных для обеспечения законопослушного поведения подозреваемого, обвиняемого. Доказывается, что данная идея частично воспринята законодателем с введением в 2018 г. такой меры пресечения, как запрет определенных действий. Анализируются трудности, возникшие в связи с этим, и высказываются авторская позиция о возможных путях их преодоления.*

Ключевые слова: *уголовный процесс, меры пресечения, основания, процессуальный конструктор, целесообразность, запрет определенных действий.*

Baranova Marina Aleksandrovna

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal Procedure,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
marina2008-78@mail.ru*

**PROCEDURAL ALTERNATIVE IN THE APPLICATION
OF PREVENTIVE MEASURES IN CRIMINAL PROCEEDINGS:
A COMPROMISE BEGINNING**

Abstract. *The article examines the practice of choosing and applying preventive measures under Art. 98 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, among which detention is most often used,*

this approach is recognized as unacceptable. The idea of a procedural constructor is considered, in accordance with which the law enforcement officer is endowed with the right to select in each specific situation a personal set of restrictions provided for by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, reasonable and sufficient to ensure the law-abiding behavior of the suspect, the accused. It is proved that this idea was partially accepted by the legislator with the introduction in 2018 of such a preventive measure as the prohibition of certain actions. The difficulties that have arisen in connection with this are analyzed, and the author's position on possible ways to overcome them is expressed.

Keywords: *criminal procedure, preventive measures, grounds, procedural constructor, expediency, prohibition of certain actions.*

Традиционным средством обеспечения нормального хода уголовного судопроизводства, носящим одновременно пресекательный и предупредительный характер, являются меры пресечения, предусмотренные гл. 13 УПК РФ¹. Их перечень, содержащийся в ст. 98 УПК РФ, включает в себя 8 видов и является исчерпывающим. Предполагается, что правоприменитель должен использовать все 8 мер пресечения, учитывая различный характер ограничений, налагаемых каждой из них, дополнительные условия избрания отдельных мер пресечения, а также процессуальные особенности каждой конкретной практической ситуации – исходя из соображений наиболее оптимального построения хода уголовного судопроизводства и необходимости сочетания физического, имущественного или психологического характера средств процессуального воздействия.

Из предусмотренных законодательно мер пресечения заключение под стражу – самая строгая, но наиболее активно используемая в правоприменительной практике. Так, по данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, в 2017 г. было рассмотрено 126 тыс. ходатайств о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу, в 2018 г. – 114 тыс.², в 2019 г. – 105,8 тыс.³

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.1996 № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Шелухина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 4.

² Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2018 году. М., 2019. С. 12 // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/Obzor_sudebnoy_statistiki_2018.pdf (дата обращения: 13.08.2020).

³ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году. М., 2020. С. 14 // Официальный сайт

Что касается других мер пресечения, избираемых по судебному решению, то о применении домашнего ареста в 2017 г. в суд было заявлено 7,3 тыс. ходатайств, в 2018 г. – 7,2 тыс., в 2019 г. – 7 тыс. Количество ходатайств об избрании залога несравнимо меньше по отношению к двум ранее обозначенным мерам пресечения: 163 – в 2017 г., 122 – в 2018 г., 86 – в 2019 г. Мера пресечения в виде запрета определенных действий введена в уголовное судопроизводство федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ¹. Согласно статистическим сведениям, в 2019 г. было заявлено 930 ходатайств о применении запрета определенных действий, из которых 430 удовлетворено². Но данных по одному году о применении вновь введенной меры пресечения явно недостаточно для того, чтобы сделать однозначный вывод о ее востребованности и эффективности.

По несудебным мерам пресечения официальная статистика не ведется. Однако авторы, занимающиеся исследованием вопросов уголовно-процессуального принуждения, указывают на отсутствие практики активного применения таких мер пресечения, как личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым и оживленное применение подписки о невыезде и надлежащем поведении [7, с. 9; 8, с. 34-36], в связи с чем предлагают изменить содержание и порядок избрания не востребовавшихся практикой мер пресечения в целях их актуализации [1, с. 23-25; 7, с. 9].

Приведенные данные позволяют сделать вывод о чрезмерном увлечении правоохранительными и судебными органами такой мерой пресечения, как заключение под стражу. В связи с этим Президент РФ В.В. Путин в выступлении на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ 19 марта 2019 г. указал, что «...избрание такой меры пресечения, как содержание под стражей, (должно – М.Б.) соответствовать тяжести предъявляе-

Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_sudov_obshchey_yurisdiksi_i_mirovih_sudey_v_2019_godu.pdf (дата обращения: 13.08.2020).

¹ Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Рос. газета. 2018. 20 апр.

² Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. Рассмотрение ходатайств при следственных действиях. URL: <http://stat.api-прещ.пф/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 15.01.2020).

мого обвинения, а не просто делать это для создания условий, как полагают некоторые работники следствия, для более качественного, как им кажется, расследования»¹. В свою очередь Европейский Суд по правам человека неоднократно высказывался о допустимых чрезмерных ограничениях, нарушениях при избрании и продлении сроков применения меры пресечения – заключения под стражу в Российской Федерации и необходимости судам внимательно и тщательно подходить к решению вопроса о взятии обвиняемого (подозреваемого) под арест². Верховный Суд РФ в постановлении Пленума «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» указал, что «ограничения прав и свобод могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей... С учетом этого меры пресечения, ограничивающие свободу, – заключение под стражу и домашний арест – применяются исключительно по судебному решению и только в том случае, когда применение более мягкой меры пресечения невозможно»³.

Однако практика преимущественного применения заключения под стражу настолько устоялась, что даже разъяснения высших судебных инстанций не могут ее существенным образом изменить.

Обращаясь к вопросам результативности применения мер пресечения, отдельные ученые-процессуалисты высказывают мнение о том, что для полноценного, эффективного и регулярно применения всех без исключения мер пресечения правоприменитель должен быть наделен правом их конструирования, т.е. выбора отдельных, необходимых в конкретном случае ограниче-

¹ Выступление В. Путина на заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ 19 марта 2019 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60100> (дата обращения: 10.04.2019).

² Постановление Европейского Суда по жалобам № 35919/05 и № 3346/06 «Бирулев и Шишкин против России» от 14.06.2016 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. 2017. № 4; Постановление Европейского Суда по жалобе № 32013/07 «Попов против России» от 19.07.2016 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. 2017. № 4.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (с изм. и доп. от 11 июня 2020 г., № 7) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Рос. газета. 2013. 27 дек.

ний, предусмотренных различными мерами пресечения [4, с. 36]. Как следствие, безусловным результатом такого конструирования станет принципиальное отсутствие необходимости в разветвленной системе мер пресечения и достаточность одной, предлагающей набор различных по своему содержанию превенций и ограничений, что не всеми поддерживается [6, с. 147]. Другие авторы предлагают дополнить существующий перечень мер пресечения новыми, такими как процессуальный надзор полиции, отобрание вида на жительство, определяя процессуальный порядок их применения [3, с. 65].

По нашему мнению, налицо кризис правоприменения мер уголовно-процессуального пресечения, поскольку законодательно закрепленная альтернатива ст. 97, 98 УПК РФ в выборе меры пресечения на настоящий момент полноценно не реализуется. Активно применяется заключение под стражу, следственные изоляторы переполнены, подписка о невыезде и надлежащем поведении используется в ситуации, когда оснований для применения мер пресечения вообще не выявлено. Об этом свидетельствуют формулировки, используемые практическими работниками в обоснование ее применения [10, с. 8]. Остальные меры пресечения или не применяются вовсе, или применяются в незначительном числе случаев.

Между тем о наличии процессуальной альтернативы, заложенной законодателем, свидетельствует единство оснований применения всех без исключения мер пресечения (ст. 97 УПК РФ), одинаковый перечень обстоятельств, учитываемых при их избрании (ст. 99 УПК РФ), и специальное условие, закрепленное в ч. 1 ст. 108 УПК РФ, о допустимости применения заключения под стражу только при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения.

Конституционный Суд РФ в своих постановлениях неоднократно указывал на необходимость соблюдения баланса между необходимостью достижения охраняемых законом интересов и целей уголовного судопроизводства, и соразмерностью ограничения конституционных прав и свобод участников уголовного процесса¹. Верховный Суд РФ в постановлении Пленума № 41 ука-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 4; Постановление Конституцион-

зал, что право личности на свободу является не менее значимой ценностью, чем защита публичных интересов государства в деле борьбы с преступностью. Таким образом, применение конкретной меры пресечения можно назвать эффективным только в том случае, если оно сопровождается наименьшим ограничением конституционных прав и свобод личности. Однако данное правило при сложившейся в РФ практике поголовного применения заключения под стражу во всех без исключения случаях, к сожалению, не действует.

Очередным шагом законодателя на пути модернизации системы мер пресечения стал уже упомянутый федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ, который ввел новую меру пресечения – запрет определенных действий. В нем в определенной мере воплотилась идея «процессуального конструктора», согласно которой суд вправе выбирать индивидуальный набор ограничений из предложенных законодателем в отношении конкретного подозреваемого, обвиняемого лица. В ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ были определены следующие возможные ограничения: 1) выходить в четко обозначенные периоды времени за пределы того жилого помещения, в котором он проживает на законных основаниях; 2) находиться в определенных местах либо ближе установленному судом расстояния до отдельных объектов, посещать обозначенные в судебном решении мероприятия и участвовать в них; 3) общаться с конкретными лицами; 4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; 5) использовать различные средства связи и информационно-телекоммуникационные сети; 6) управлять автомобилем, иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Полагаем, что при формировании определенного набора ограничений в каждом конкретном случае суд должен руководствоваться основанием применения запрета определенных действий, условиями, перечисленными в ст. 99 УПК РФ, и конкретными обстоятельствами совершения преступления. При этом

ного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.

судья должен руководствоваться собственными представлениями о справедливости [5, с. 573], поскольку лишь справедливое решение вызывает у населения доверие не только к фигуре конкретного правоприменителя, но и к системе правоохранительных органов в целом, а в итоге и к уголовно-процессуальному закону России.

В связи с введением новой меры пресечения – запрета определенных действий – в постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41 были внесены изменения (п. 51.1), согласно которым каждый раз, разрешая вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, суд должен рассмотреть возможность приоритетного применения запрета определенных действий. В случае же невозможности его применения суд должен отразить и мотивировать данное обстоятельство в принимаемом решении, руководствуясь при этом положением о соразмерности запретов и преследуемых органами охраны правопорядка целей. Таким образом, Верховный Суд РФ вновь обратил внимание правоприменителя на наличие процессуальной альтернативы при принятии судебного решения об избрании меры пресечения и рекомендовал нижестоящим судам ее соблюдать.

Кроме того, в тексте ст. 97 УПК РФ в редакции, сформулированной законодателем в связи с введением запрета определенных действий, появилось внутреннее противоречие. Если ч. 1 указанной статьи закрепляет правило об избрании обвиняемому (подозреваемому) только одной меры пресечения из перечня, предусмотренного ст. 98 УПК РФ, то вновь введенная ч. 1.1 закрепляет возможность при избрании меры пресечения в виде залога или домашнего ареста дополнительно возложить на лицо ряд запретов, сформулированных законодателем применительно к запрету определенных действий, юридически эту меру не избирая. Причем дополнительно к залогу законодатель позволил применить все запреты, допустимые при запрете определенных действий, в т.ч. запрет выходить в определенные периоды времени из жилого помещения, которое занимает на законных основаниях, а дополнительно к домашнему аресту – только п. 2-6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Такое решение в отношении домашнего ареста вполне понятно и логично, ведь сама его суть заключается в постоянном нахождении арестованного в помещении, которое он законно занимает, поэтому дополнительно налагать запрет

аналогичного содержания, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, нецелесообразно.

В итоге получается, что, избирая юридически одну меру пресечения – залог или домашний арест, суд фактически избирает две, и свободен в конструировании запретов, предусмотренных второй из мер – запретом определенных действий.

Таким образом, законодатель де-факто отказался от идеи обеспечения надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого) одной мерой пресечения, но де-юре этого не признал, так как в ч. 1.1 ст. 97, ч. 8.1 ст. 106, ч. 7 ст. 107 УПК РФ указывается на избрание только одной меры пресечения с наложением дополнительных запретов. Полагаем, что подобная неопределенность в законодательном регулировании только ухудшит правоприменительную практику, т.к. суды будут с опаской относиться к возможности применения дополнительных запретов, и идея «процессуального конструктора» потерпит крах.

Кроме того, текстуальное разделение ч. 1 и 2 ст. 97 УПК РФ вновь введенной в 2018 г. частью 1.1 создает предпосылки к возобновлению давнего процессуального спора о допустимости отнесения к числу самостоятельных оснований избрания мер пресечения обстоятельств, поименованных в ч. 2 данной статьи [2, с. 122; 9, с. 141-149]. Поскольку ч. 2 указанной статьи законодателем сформулирована через словосочетание «может избираться для...» обеспечения исполнения приговора либо обеспечения возможной выдачи лица в порядке ст. 466 УПК РФ, текстуально она выглядит не как основание, а как цель избрания меры пресечения. Конституционный Суд РФ также «подлил масла в огонь» данного спора в пункте 2.3 определения от 18 июля 2017 г. № 1541-О указав, что необходимость исполнения приговора до его постановления не может служить единственным основанием избрания меры пресечения¹.

Необходимо понимать, что разрешение данного спора имеет не только теоретическую, но и важную практическую составля-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2017 г. № 1541-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бочарова Олега Севастьяновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 17, частью второй статьи 195, частью первой статьи 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 751 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision290260.pdf> (дата обращения: 10.10.2020).

ющую: если законодатель все же не относит перечисленные в ч. 2 ст. 97 УПК РФ обстоятельства к числу оснований избрания мер пресечения, значит только ими нельзя обосновывать соответствующие решения. Но последнее из обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 97 УПК РФ, – обеспечение возможной выдачи лица – весьма специфично по своей правовой природе. Его особенность заключается в том, что на момент избрания меры пресечения у России нет уголовно-правовых претензий к выдаваемому лицу, на территории нашего государства преступление не совершалось, и уголовное преследование субъекта не осуществляется. Поэтому искусственно искать в ситуации выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора какие-либо иные основания для избрания меры пресечения. Недопустимо по той причине, что уголовно-правовые притязания к выдаваемому лицу у РФ отсутствуют.

Для того чтобы прекратить дискуссию о правовой природе обстоятельств, перечисленных в ч. 2 ст. 97 УПК РФ, законодателю необходимо, по нашему мнению: 1) исключить из ст. 97 УПК РФ ч. 1.1 как не соответствующую содержанию данной статьи. Тем более что текстуально она повторяется в статьях, посвященных залого и домашнему аресту соответственно; 2) ч. 2 ст. 97 УПК РФ изложить в следующей редакции: «основанием для избрания меры пресечения также может выступать необходимость обеспечения исполнения приговора, запрос иностранного государства о выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора».

Подводя итог, укажем, что законодатель в 2018 г. воспринял идею процессуального конструктора, закрепив возможность конструирования при избрании залога и домашнего ареста. Эта идея требует переосмысления оснований и условий избрания мер пресечения, а также их системы в целом, чего сделано не было. Половинчатое, неоднозначное законотворчество не приведет, по нашему мнению, к полноценной реализации идеи процессуальной альтернативы при избрании мер пресечения и какому-либо существенному изменению правоприменительной практики в данной части.

Список литературы

1. Апостолова Н.Н. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 23-25.

2. *Вершинина С.И.* О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 115-125.

3. *Даровских С.М., Даровских О.И.* Система мер принуждения в уголовном судопроизводстве России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 1 (79). С. 61-65.

4. *Деришев Ю.В., Земляницин Е.И.* Запрет определенных действий – новая старая мера пресечения // Законность. 2019. № 6. С. 33-38.

5. *Манова Н.С., Баранова М.А.* Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 45. С. 564-593.

6. *Стельмах В.Ю.* Виды, ограничений, применяемых в рамках мер пресечения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 202. № 1(13). С. 145-154.

7. *Тимохин Ю.А.* Значение подписки о невыезде и надлежащем поведении как меры пресечения, препятствующей уклонению обвиняемого от явки к следователю // Российский следователь. 2012. № 10. С. 9-11.

8. *Удовиченко В.С.* Актуальные проблемы применения подписки о невыезде и надлежащем поведении в современном уголовном процессе // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2013. № 2 (25). С. 34-36.

9. *Филатьев С.А.* Решение о заключении под стражу как часть приговора: мера пресечения или обращение наказания к исполнению // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 2. С. 141-149.

10. *Цоколова О.И.* Подписка о невыезде как ограничение прав личности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 1. С. 6-9.

Батчаева Аминат Алхазовна
*Старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Северо-Кавказская государственная академия,
Россия, Черкесск*

НЕКОТОРЫЕ СУЖДЕНИЯ О ПРИМИРИТЕЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ПРОИЗВОДСТВ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ РАЗДЕЛОМ X УПК РФ

Аннотация. В статье рассматриваются условия уголовно-процессуального примирения, предусмотренные ст. 25 УПК РФ. Акцентируется внимание на таком условии примирения сторон, как заглаживание причиненного преступлением вреда. Исследуется практика возмещения вреда, причиненного преступлением, при применении особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного главами 40 и 40.1 УПК РФ. Формулируется вывод о том, что законодательная регламентация и практика применения положений раздела X УПК РФ не обеспечивает право потерпевшего на возмещение причиненного преступлением вреда. Формулируются предложения по дополнению соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в соответствующей части.

Ключевые слова: уголовный процесс, примирение, заглаживание вреда, особый порядок судебного разбирательства, интересы потерпевшего.

Batcheva Aminat Alhazova

*Senior lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines,
North-Caucasian State Academy, Russia, Cherkessk
a.batcheva@mail.ru*

SOME JUDGMENTS ON THE CONCILIATORY NATURE OF THE PROCEEDINGS PROVIDED FOR IN SECTION X OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article deals with the elements of criminal procedure reconciliation provided for in Article 25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Attention is focused on such a condition of reconciliation of the parties as making amends for the damage caused by

the crime. Examines the practice of compensation for damage caused by the offence, when applying the special procedure of judicial proceedings under sec. 40 and 40.1 of the code of criminal procedure. The conclusion is formulated that they completely do not take into account such a significant element of reconciliation of the parties as recognition and compensation for the damage caused by the crime, which cannot be recognized as correct from the position of the private interests of the victim. Proposals are formulated to supplement the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in the relevant part.

Keywords: *criminal procedure, reconciliation, compensation for harm, special procedure of judicial proceedings, interests of the victim.*

Одной из тенденций развития уголовно-процессуальной формы в Российской Федерации является стремление к экономии временных и процессуальных ресурсов, упрощение некоторых процедурных правил. Об этом, в частности, свидетельствуют процедуры, поименованные в УПК РФ как особые порядки судебного разбирательства (главы 40 и 40.1) [2, 3]. Особенности процедурного характера присущи рассматриваемым производствам и в досудебных стадиях процесса (ст. 315, 317.1-317.5 УПК РФ), но законодатель ОСОБЫЙ порядок связывает именно с основной судебной стадией процесса – стадией судебного разбирательства. Эта специфика с позиции законодательной техники выражена однотипно, а именно: в ч. 1 ст. 316 и ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ указано, что применяются общие правила судебного разбирательства, предусмотренные главами 35, 36, 38 и 39 УПК РФ с учетом тех особенностей, которые закреплены применительно к каждому из производств в главах 40 и 40.1 УПК РФ соответственно.

Кроме того, в общем порядке уголовного судопроизводства предусмотрен институт прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, носящий межотраслевой и межстадийный характер (его правовое регулирование осуществляется ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ). Законодатель предусматривает возможность прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, при наличии к тому соответствующего основания и при соблюдении ряда условий.

Основанием выступает заявление обеих сторон конфликта о примирении, а в качестве условий прекращения предусмотрены небольшая или средняя тяжесть преступления, совершение преступления впервые и заглаживание причиненного вреда. При

этом заглаживание вреда должно быть произведено реально, только лишь обещания возместить вред, причиненный преступлением, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, не могут повлечь освобождение от уголовной ответственности¹.

Очевидно, что в нормативном регулировании и практике применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон, в первую очередь, реализуется согласительное начало, выражающееся в ряде конклюдентных действий со стороны лица, привлекаемого к уголовной ответственности. В частности, лицо должно полностью заглаживать причиненный преступлением вред, хотя, по сути, его вина в совершении данного уголовно-наказуемого деяния еще не установлена. И совершая действия по возмещению причиненного преступлением вреда, лицо фактически признает свою причастность к его совершению.

Близкие по правовой природе действия осуществляют обвиняемые по уголовным делам, расследуемым и рассматриваемым в порядках, предусмотренных главами 40 и 40.1 УПК РФ. В качестве согласительных элементов допустимости данных процедур ст. 316 УПК РФ указывает на согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, что, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, должно включать в себя согласие с юридической квалификацией содеянного, а также с характером и размером причиненного вреда².

Аналогичное правило применительно к особому порядку судебного разбирательства, регламентированному главой 40.1 УПК РФ, содержится в ст. 317.7 УПК РФ, ч. 3.1 которой требует от судьи опросить подсудимого о его согласии с предъявленным обвинением. При этом Пленум Верховного Суда РФ категорически требует от судов в ситуациях, когда подсудимый не выразит в ходе судебного заседания согласия с предъявленным обвинением, прекращения особого порядка и перехода в общий порядок судебного разбирательства со всеми вытекающими уголовно-правовыми и процессуальными последствиями³.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (с изм. и доп. от 29 ноября 2016 г., № 56) // БВС РФ. 2013. № 8.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (с изм. и доп. от 22 декабря 2015 г., № 59) // БВС РФ. 2007. № 2.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства

Однако практика рассмотрения уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства свидетельствует о том, что признание подсудимым характера и размера причиненного преступлением вреда отнюдь не означает удовлетворения соответствующих требований потерпевшего в полном объеме. Так, обобщение практики применения особого порядка судебного разбирательства в Промышленном районном суде г. Оренбурга показало, что заявленные потерпевшими исковые требования нередко удовлетворялись лишь частично; по ряду уголовных дел были приняты решения об отказе в удовлетворении заявленных требований¹.

По уголовному делу, рассмотренному 29 мая 2020 г. Приморско-Ахтарским районным судом Краснодарского края в особом порядке, подсудимая Н. ущерб, причиненный преступлением потерпевшей, не возместила, что не помешало суду постановить приговор по правилам ст. 316 УПК РФ².

В приговоре Советского районного суда г. Самары от 22 мая 2020 г., постановленном в особом порядке судебного разбирательства, в качестве обстоятельства, смягчающего наказание подсудимого Т., было указано на возмещение им вреда, причиненного преступлением. Одновременно суд рассмотрел гражданский иск потерпевшего на сумму 25000 руб. и по мотивам того, что суду не предоставлено достаточных доказательств для удовлетворения иска, основываясь на позиции подсудимого, не признававшего заявленные требования, отказался его разрешать, приняв решение о «признании за потерпевшим права на предъявление иска о возмещении вреда в порядке гражданского судопроизводства»³.

По уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве согласие с предъявленным обвинением зачастую судом

уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // ВВС РФ. 2012. № 9.

¹ Обобщение судебной практики по рассмотрению уголовных дел в особом порядке, причин отмен и изменений приговоров в особом порядке // Официальный сайт Промышленного районного суда г. Оренбурга. URL: http://promyshleny.orb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=363 (дата обращения: 01.12.2020).

² Приговор Приморско-Ахтарского районного суда Краснодарского края от 29 мая 2020 г. по уголовному делу № 1-107/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: [//sudact.ru/regular/doc/waubzzegtJNP/](https://sudact.ru/regular/doc/waubzzegtJNP/) (дата обращения: 20.11.2020).

³ Приговор Советского районного суда г. Самары от 22 мая 2020 г. по уголовному делу № 1-178/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: [//sudact.ru/regular/doc/412QlssCSxNa/](https://sudact.ru/regular/doc/412QlssCSxNa/) (дата обращения: 10.10.2020).

исследуется только с позиции согласия с формулировкой и юридической оценкой преступного деяния. Имущественная же сторона преступления не принимается во внимание. Так, в приговоре Миасского городского суда Челябинской области от 21 мая 2020 г. Г. признан выполнившим условия досудебного соглашения о сотрудничестве по 16 эпизодам преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. По ряду эпизодов потерпевшие заявили гражданский иск о компенсации причиненного преступлением материального и морального вреда. Г. часть заявленных требований не признал. Суд, тем не менее, постановил обвинительный приговор по правилам ст. 316 и 317. 7 УПК РФ, частично удовлетворив ряд требований потерпевших и отказав в удовлетворении другой части таких требований¹.

Курганский городской суд Курганской области, рассматривая в особом порядке судебного разбирательства уголовное дело по обвинению П., заключившей досудебное соглашение о сотрудничестве, по ч. 4 ст. 159.2 УК РФ, позицию подсудимой по заявленному отделением Пенсионного фонда РФ по Ханты-Мансийскому АО гражданскому иску на сумму 3 352 441 рубль 22 копейки не выяснял, и по итогам судебного разбирательства – оставил его без рассмотрения, мотивируя свое решение тем, что уголовные дела в отношении остальных соучастников преступления еще не рассмотрены по существу².

Таким образом, предусмотренная ныне законодательная регламентация, равно как и практика реализации примирительных процедур, предусмотренных разделом X УПК РФ, не предусматривают обязательного возмещения имущественного или морального вреда, причиненного преступлением [1, 4, 5]. Позиция подсудимого, который может признать или не признать причиненный преступлением вред, может полностью или частично его возместить либо не возмещать вовсе, на применение особого порядка судебного разбирательства никак не влияет. Суд при наличии соответствующего основания и соблюдении всех условий, предусмотренных нормами УПК РФ, в любом случае реализует данный порядок.

¹ Приговор Миасского городского суда Челябинской области от 21 мая 2020 г. по уголовному делу № 1-201/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YjMP9kAynIbC/> (дата обращения: 10.10.2020).

² Приговор Курганского городского суда Курганской обл. от 20 мая 2020 г. по уголовному делу № 1-101/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jg10W8XWknNX/> (дата обращения: 10.10.2020).

В особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением могут рассматриваться дела не только публичного, но и частного и частно-публичного характера, а в особом порядке судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве – дела частно-публичного обвинения, где должны учитываться в первую очередь не государственные и общественные интересы, а интересы потерпевших от преступления. И если при особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, в вопросе о возможности его применения закон предусматривает учет процессуальной позиции потерпевшего лица (ч. 2 ст. 314 УПК РФ), то в порядке, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ, позиция потерпевшего не имеет никакого процессуального значения.

Таким образом, в разновидностях примирительных процедур, предусмотренных разделом X УПК РФ, далеко не всегда гарантирована реализация такого признака (условия) уголовно-процессуального примирения, как заглаживание вреда, причиненного преступлением.

Поскольку в силу прямого разъяснения ч. 10 ст. 316 УПК РФ (в ред. федерального закона от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ¹) в особом порядке судебного разбирательства невозможно прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), единственно возможная форма достижения некоего компромисса с потерпевшим по уголовному делу, рассматриваемому в особом порядке судебного разбирательства, – это закрепление примирительных элементов в самих процедурных правилах, предусмотренных соответственно ст. 316 и 317.7 УПК РФ. Ныне же очевидно, что законодатель о частных интересах потерпевшего при разработке таких процедурных правил порой предпочитал забывать. В частности, ни на уровне закона, ни на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ не урегулирован вопрос возмещения имущественного и морального вреда причиненного преступлением. Полагаем, что в условиях невозможности применения положений о примирении сторон по уголовному делу, поступившему в суд для рассмотрения в особом порядке судебного разбирательства, такое условие примирения сторон, как заглаживание причиненного преступлением вреда, должно

¹ Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Рос. газета. 2020. 24 июля.

быть полноценно реализовано до принятия итогового судебного решения по уголовному делу.

В связи с этим считаем необходимым включить в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 60 указание на обязательное заглаживание причиненного преступлением вреда в качестве условия допустимости рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства. Аналогичное разъяснение необходимо включить также в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16, указав, что подсудимый должен быть не только согласен с предъявленным обвинением (что предполагает согласие с характером и размером причиненного преступлением вреда), но и предпринять действия по возмещению причиненного вреда.

Наличие таких разъяснений высшей судебной инстанции РФ позволит переориентировать судебную практику в направлении реальной защиты прав и законных интересов потерпевших, которые смогут получить возмещение причиненного им вреда.

Список литературы

1. *Копылов А.В.* Нравственные основы осуществления особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020.

2. *Манова Н.С.* Нравственные аспекты и проблемы законодательной регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 102-107.

3. *Пилюк А.В.* Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2017.

4. *Тишин Р.В.* Обеспечение конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию при реализации положений досудебного соглашения о сотрудничестве // Мировой судья. 2011. № 8. С. 6-9.

5. *Саюшкина Е.В.* Реализация прав и законных интересов участников при особом порядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2017.

УДК 343.2

Бекмагамбетов Алимжан Бауржанович

*К.ю.н., ассоциированный профессор, профессор кафедры
«Национальное и международное право»,
Университет «Туран-Астана»,
Республика Казахстан, Нур-Султан*

Кандалина Елена Михайловна

*К. пед. н., и.о. начальника отдела международного
сотрудничества и рекрутинга иностранных студентов,
Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова,
Республика Казахстан, Костанай*

**ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ,
ЭКОНОМИЧЕСКОМ И ИТ-ОБРАЗОВАНИИ
И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(ОПЫТ КГУ ИМ.А.БАЙТУРСЫНОВА
И УНИВЕРСИТЕТА «ТУРАН-АСТАНА»)**

Аннотация. В статье сделан акцент на вопросах потребностей правоохранительной практики в условиях повышения технической оснащенности новейшей преступности. На основе личных эмпирических исследований выделяются три аспекта: подготовка специалистов в области цифровой экономики, цифрового права, институциональные реформы правоохранительного блока государственного аппарата, а также первые результаты участия в международном проекте Erasmus+ ELVA «Создание учебных и исследовательских центров и разработка курсов по интеллектуальному анализу больших данных в Центральной Азии». Уз-координатор – Университет Сантьяго де Компостелла (Испания). Цифровая экономика и другие сферы характеризуются оперированием огромными объемами информации, которые требуют совершенно новых технологий для ее обработки. К числу таковых относятся современные интеллектуальные системы анализа больших данных (IBDA/ИАБД) с использованием искусственного интеллекта. На данном этапе внедрение такой технологии ограничено отсутствием программ подготовки специалистов по уровням бакалавриата и магистратуры, недостаточно гибким реагированием вузов на изменяющиеся потребности экономики и социума,

малоинформированностью населения. Представлены результаты анкетирования стейкхолдеров относительно необходимых компетенций для специалистов в сфере ИБДА. Правоохранительная деятельность все активнее внедряет цифровые технологии, включая повсеместную видеофиксацию органами правопорядка, Smart-аналитику и др.

Ключевые слова: противодействие преступности, подготовка кадров цифровизация, интеллектуальный анализ больших данных.

Bekmagambetov Alimzhan Baurzhanovich

*Candidate of Law, Associate Professor, Professor
of the Department of National and International Law,
Turan-Astana University, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan
adilet1979@mail.ru*

Kandalina Yelena Mikhailovna

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Head of International Cooperation
and International Students Recruitment Office,
Baitursynova Kostanay Regional University,
Republic of Kazakhstan, Kostanay*

DIGITAL TECHNOLOGIES IN LEGAL, ECONOMIC AND IT-EDUCATION AND INTERDISCIPLINARY RESEARCH ACTIVITIES (EXPERIENCE OF A.BAITURSYNOV KRU AND UNIVERSITY «TURAN-ASTANA»)

Abstract. *The article focuses on the needs of law enforcement practice in the context of increasing the technical equipment of the latest crime. Based on personal empirical studies, the authors identified three aspects: the training of specialists in the field of digital economy, digital law, institutional reforms of the law enforcement unit of the state apparatus, as well as the first results of participation in the international project Erasmus + ELBA «Creation of training and research centers and the development of courses on the intellectual analysis of big data in Central Asia» University Coordinator – University of Santiago de Compostella (Spain). The digital economy and other spheres are characterized by the operation of huge volumes of information, which require completely new technologies for its processing. These include modern intelligent big data analysis systems (IBDA/IABD) using artificial intelligence. At this stage, the introduction of such technology is limited by the lack of training programs for specialists in undergraduate and graduate levels, the insufficiently flexible response of universities to the changing needs of the economy and society, and the lack of awareness of the population. The article presents the results of the questionnaire of stakeholders*

regarding the necessary competencies for specialists in the field of IBDA. Law enforcement is increasingly introducing digital technologies, including widespread video recording by law enforcement agencies, Smart analytics, etc.

Keywords: *countering crime, training digitalization, intelligent analysis of big data.*

*Кадровый аспект цифровизации
в свете европейских подходов*

Модернизация политики противодействия преступности как ответ на современные вызовы включает в себя множество составляющих. Эксперты акцентируют внимание на том, что «четвертая промышленная революция окажет кардинальное влияние на всю структуру мировой экономики, и если мы хотим быть среди ее лидеров, мы должны понимать, в каком направлении будет происходить технологическое развитие в ближайшие годы, и какие прорывные инновации ожидают нас в будущем» [7, с. 8].

Одним из основных инновационных направлений экономического развития является концепция цифровой экономики, которая в настоящее время широко реализуется. Причем, как отмечают специалисты, «цифровизация – образное выражение, охватывающее комплекс решений, связанных с использованием современных информационно-коммуникационных технологий» (интернет, мобильная связь, обработка больших массивов информации, искусственный интеллект и т.п.) преимущественно в цифровой форме» [4, с. 62]. Об особенностях цифровизации в РК нами был посвящен ряд научных работ [2; 3].

Цифровая экономика опирается на огромные объемы информации, которые требуют совершенно новых технологий для ее обработки. Они основаны на современных интеллектуальных системах анализа больших данных (IBDA/ИАБД) с использованием искусственного интеллекта. Внедрение таких технологий ограничено отсутствием квалифицированных специалистов в этой области, ИАБД не включаются ни в программы бакалавриата, ни в программы магистратуры.

Другая проблема заключается в недостаточно гибком реагировании вузов на изменяющиеся потребности индустриального сегмента экономики, недостаточном взаимодействии с ними. В программах бакалавриата и магистратуры вузов отсутствует подготовка отраслевых специалистов по инновационным направ-

лениям экономики, в частности по ИАБД. Кроме того, существует проблема недостаточной осведомленности общества в целом.

Исходя из этого, вузы нуждаются в поддержке проекта повышения потенциала высшего образования посредством разработки и реализации современных европейских стандартных учебных программ и обучающих модулей по интеллектуальному анализу больших данных по программам бакалавриата и магистратуры, в проведении тренингов для специалистов отрасли, в организации деятельности соответствующих научно-исследовательских и учебных центров, а также сети Ассоциации специалистов по сертификации стран-партнеров Центральной Азии.

По справедливому мнению специалистов, «ключевым фактором успешности цифровых преобразований в экономике Республики Казахстан, может стать комплексное исследование вопросов экономической безопасности государства» [6, с. 179].

Институциональные аспекты модернизации правоохранительной деятельности

Гарантирование, охрана прав и свобод человека во всех сферах жизнедеятельности – важнейшая задача государственной политики в контексте обеспечения соблюдения конституционной законности, перманентных судебно-правовых реформ, совершенствования антикриминального законодательства, усиления роли общественного мониторинга и контроля.

Реализация Плана Нации «100 конкретных шагов», Концепции правовой политики, Концепции «слышащего государства», Плана реформ Верховного Суда «Семь камней правосудия», государственной программы «Цифровой Казахстан» дала ощутимые результаты, касающиеся повышения профессионального уровня в рамках сервисной модели и цифровизации правоохранительной сферы.

В то же время деятельность Конституционного совета, Комиссии по правам человека при Президенте РК, Уполномоченного по правам человека, институтов общественного контроля, научно-экспертные наработки показывают, что механизм защиты прав человека нуждается в дальнейшем совершенствовании.

В связи с этим своевременны и актуальны обозначенные на ближайшее время задачи:

- обеспечение четкого разделения полномочий правоохранительных органов;

- переориентация деятельности прокуратуры на защиту прав граждан;
- внедрение принципа «полиции шаговой доступности» для оперативного реагирования на обращения граждан;
- улучшение материально-технического оснащения местной полиции;
- обеспечение повсеместной видеофиксации в работе полиции;
- привлечение новых профессиональных кадров в судебную систему;
- изменение порядка отбора кандидатов в присяжные заседатели;
- облегчение труда судей посредством внедрения «судебной смарт-аналитики»;
- расширение практики досудебного урегулирования конфликтов.

В ближайшее время будет внедрена «сервисная» модель работы в органах полиции и прокуратуры. Руководители МВД, Генеральной прокуратуры, их территориальных подразделений будут ежегодно проводить отчетные встречи, выстраивая открытый диалог с населением.

Разделение полномочий правоохранительных органов предусмотрено по следующему принципу: полиция выявляет преступления – прокурор принимает следственные решения и даёт правовую оценку – суд осуществляет правосудие.

В работу местной полицейской службы будет внедрен принцип «полиции шаговой доступности». Участковые полицейские будут освобождены от несвойственных им функций.

Все помещения пенитенциарных учреждений и полиции будут оснащены видеонаблюдением, а сотрудники – видеорегистраторами. За намеренное отключение видеонаблюдения и видеорегистраторов сотрудники будут привлекаться к ответственности. В уголовно-исполнительной системе будут повсеместно внедряться видеосвидания для осужденных, электронные магазины, терминалы для подачи жалоб в прокуратуру, суды и в антикоррупционную службу.

В целях приближения пенитенциарной системы к международным стандартам продолжится реконструкция исправительных учреждений, изменение условий содержания и труда осужденных.

Для обеспечения безопасности граждан продолжится внедрение системы видеонаблюдения в крупных населенных пунктах, а также приняты меры по привлечению общественности к охране правопорядка. Граждане смогут оперативно контактировать с органами полиции, прокуратуры и судами через мобильные приложения и чат-боты. Будет внедрен независимый аудит правоохранительных услуг.

Продолжится реализация системы «Судебная смарт-аналитика», внедрение искусственного интеллекта в работу судей. В связи с этим актуальны слова Х.Д. Аликперова о том, что «одним из правовых механизмов, способных...разрубить существующий гордиев узел современного правосудия по уголовным делам, может стать электронная система определения оптимальной меры наказания..., которая представляет собой достаточно сложную и многофункциональную технологию с искусственным интеллектом» [1, с. 95].

В целом, как верно заметили А.С. Овчинский и С.О. Чеботарева, «эпоха информационных технологий дает реальный шанс практической реализации многих идей, будоражащих криминологическую мысль на протяжении нескольких поколений» [5, с. 13].

*Первые результаты пилотного проекта
по подготовке специалистов в сфере интеллектуального
анализа больших данных*

Проект направлен на создание возможностей для подготовки высококвалифицированных специалистов в области интеллектуального анализа больших данных (IBDA) с различным междисциплинарным опытом и обеспечения доступа к высокоэффективным современным инструментам IBDA, основанным на опыте и технологиях ЕС, которые будут способствовать устойчивому развитию образовательных учреждений, местных предприятий и общества в целом, включая сферу предупреждения преступности.

Первая конкретная задача по разработке мультидисциплинарного пакета модульных курсов по ИАБД для бакалавриата и магистратуры вузов-партнеров и для отраслевых компаний в Центральной Азии к июлю 2021 г. решает проблему нехватки квалифицированных специалистов по инновационным направлениям, в частности по ИАБД, в экономиках стран-партнеров Центральной Азии. Поддержка в решении этой проблемы будет оказана вузами-партнерами в результате внедрения разработан-

ных курсов по ИАБД в учебные планы действующих программ бакалавриата и магистратуры. Разрабатываемые комплексные курсы будут способствовать модернизации существующих учебных планов за счет внедрения новых, инновационных дисциплин на ИАБД. Эти курсы будут способствовать более гибкому удовлетворению потребностей экономики в квалифицированных специалистах и укреплению сотрудничества между вузами и промышленностью.

Вторая конкретная задача по созданию центров ИАБД и академической и профессиональной сети специалистов ИАБД вузов-партнеров Центральной Азии к октябрю 2020 г. направлена на решение проблемы недостаточной информированности общественности и органов принятия решений по инновационным технологиям, а точнее по ИАБД. Эта сеть будет способствовать как более эффективному сотрудничеству между партнерами консорциума, так и, после ее расширения, дальнейшему сотрудничеству между Центральноазиатскими специалистами в области анализа больших данных.

В ходе проекта будет создана Академическая и профессиональная сеть по IBDA, основанная на веб-сайте проекта. Сеть объединит всех сотрудников проекта, связанных с IBDA, из вузов Центральной Азии, и укрепит сотрудничество между партнерами консорциума во время реализации проекта. В сеть также войдут специалисты отрасли, прошедшие обучение на разработанных курсах IBDA. Эта сеть будет учитывать потребности целевых групп вузов и промышленности в расширении сотрудничества между вузами-партнерами и отраслевыми компаниями. Для устойчивости проекта важно, чтобы к такому сотрудничеству были привлечены не только местные участники, но и академические, исследовательские и профессиональные специалисты по IBDA со всего региона получили возможность для сотрудничества и взаимодействия между ними.

Результатами этого этапа являются: создание центров IBDA, поддерживаемых аппаратными и программными решениями в каждом вузе-партнере Центральной Азии; создание профессиональной и академической сети IBDA между партнерами проекта. Научно-исследовательские и учебные центры IBDA станут базой для внедрения новых курсов IBDA, обеспечив их соответствующим оборудованием и литературой. В этом случае центры IBDA будут непосредственно поддерживать достижение целей дея-

тельности по наращиванию потенциала в области высшего образования по совершенствованию и разработке новых, инновационных программ. В свою очередь, сеть IBDA специалистов IBDA из вузов-партнеров и региональных отраслевых специалистов, разработанная в сотрудничестве и под наблюдением экспертов-партнеров ЕС, будет решать задачи наращивания потенциала действий в области высшего образования по сотрудничеству между ЕС и странами-партнерами.

Результаты и качество реализации международного проекта обеспечиваются мерами своевременного мониторинга, контроля и оценки с помощью внедренной облачной платформы управления.

Чтобы определить важность анализа больших данных с точки зрения работодателей, были отправлены запросы компаниям в Казахстане и проанализированы отзывы от них. Двенадцать компаний ответили на онлайн-анкету, и восемь компаний прислали письменные отзывы о том, насколько важна Data Science.

На онлайн-анкету ответили, действительно, ведущие компании Казахстана, такие как Kaspi Bank, Home Credit Bank, METRO, Kcell Telecommunications Company, Incom, Tesla, Pm Lucas, школа Pifagor и др. Представители этих компаний дали ответы на вопросы о навыках, ключевых компетенциях будущих сотрудников, требованиях к экономической и математической компетенции, которые должны быть сформированы у специалистов в области Data Mining, и какие трудности могут возникнуть в этой области.

Результаты опроса позволили обнаружить, что аналитикам больших данных необходимы базовые математические навыки, теория вероятностей и математическая статистика, язык структурированных запросов и язык программирования Python в качестве основного инструмента для начала работы в этой области. Кроме того, сотрудники отметили, что работа в качестве стажера в компаниях, работающих в той же области, будет очень полезна для студентов и молодых специалистов по Big Data.

Лидеры по внедрению автоматизированных услуг с элементами анализа данных и искусственного интеллекта для среднего и крупного бизнеса, таких как «Re: point», «Колеса», «Каспи Банк», Халыкбанк, а также в таких отраслях, как фармацевтика, телекоммуникации, банковские и другие сектора указывают на необходимость анализа больших данных и нехватку квалифицированных кадров на рынке труда Республики Казахстан, а также

утверждают, что сегодня многим компаниям нужны специалисты по информационным технологиям, которые обладают не только методологическими навыками для реализации современных технологий в производстве, но и имеют исследовательские навыки, которые помогают оставаться на переднем крае развития информационных технологий. Кроме того, некоторые компании указали, что необходимы специалисты в области машинного обучения, когнитивных наук, больших данных, программирования на Python, бизнес-аналитики, компьютерного зрения, естественных наук.

Костанайский региональный университет им. Байтурсынова провел опрос следующих компаний: АО «Кегос», АО «Соколовско-Сарбайское горно-обогачительное производственное объединение», ТОО «PROFI SOFT», ТОО «САРЫАРКАВТОПРОМ», РГКП «Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан» Филиал Академии по Костанайской области, АО «НСК», ТОО «Стомед и К», ТОО «КАС консалтинг», ТОО «ITL KZ». Представители этих компаний ответили на вопросы о требованиях к экономической и математической компетенции, которые должны быть сформированы у специалистов в области Big Data, ключевых компетенций будущих сотрудников, а также ответили на вопросы о том, какие трудности могут возникнуть в этой области, и какая материальная база имеется для работы с технологиями больших данных.

Результаты опроса позволили обнаружить, что аналитикам больших данных необходимы: базовые математические навыки, теория вероятностей и математическая статистика, опыт в программировании на Java, C++, Delphi, работа с СУБД, знание SQL, понимание построения и принципов работы вычислительных сетей, сетевого оборудования.

Среди прочих полезных компетенций, качеств и умений, которые напрямую не относятся к предметной области, респонденты отметили: стрессоустойчивость; системное управление; оперативность; стратегическое мышление; аналитический склад ума; упорство; умение работать в команде; хорошая концентрация; усидчивость; алгоритмизированный подход; знание иностранных языков. К ключевым видам деятельности, относящимся к анализу Big Data, респонденты относят: разработка алгоритмов; работа с массивами данных; прогнозирование, оптимизация и «прокачка» сценариев в бизнес-моделях для увеличения эффек-

тивности деятельности; совместная деятельность программиста, математика и исследователя; экономический анализ продаж и сокращения расходов; работа с нейросетями, искусственный интеллект. 8 из 9 опрошенных компаний считает, что в их работе найдутся задачи, которые можно было бы решить с помощью технологий Big Data, столько же компаний рассматривает в будущем возможность для своих сотрудников обучаться или преподавать на учебных курсах по интеллектуальному анализу Big Data. В Университете «Туран-Астана» для студентов бакалавриата преподается дисциплина «Большие данные», ведется работа по ее расширению за счет использования потенциала сетевого взаимодействия с ВУЗами и стейкхолдерами, в частности с Международным финансовым центром «Астана».

Костанайский региональный университет им. Байтурсынова планирует внедрение модулей следующим образом:

1) на образовательные программы бакалавриата и магистратуры кафедр-участников проекта (см. таблицу ниже);

2) модуль ИАБД (интеллектуальный анализ больших данных) как майнор (minor) для обучающихся бакалавриата по направлениям: экономика, машиностроение, юриспруденция;

3) модуль ИАБД (интеллектуальный анализ больших данных) для предприятий через курсы повышения квалификации.

Внедрение следующих дисциплин в рамках модуля по интеллектуальному анализу больших данных:

Образовательная программа	Уровень	Количество ECTS Модуля по ИАБД	Модуль ИАБД (интеллектуальный анализ больших данных)
Информационные технологии и робототехника	бакалавриат	10	Программирование на языке R
Информационные технологии и робототехника	магистратура	10	Аналитика больших данных

Математика и статистика	бакалавриат	10	Дисциплины модуля: – Методы и системы обработки больших данных 5 ECTS; – Системы интеллектуального анализа данных-5 ECTS
Математика	магистратура	10	Дисциплины модуля: – Искусственный интеллект 5 ECTS; – Нейронные сети 5 ECTS

Дальнейшие перспективы политики противодействия преступности в свете цифровой эпохи в значительной мере должны быть связаны с созданием необходимых организационно-технических условий, повышением уровня квалификации действующих, а также подготовкой совершенно новых специалистов на основе междисциплинарного подхода.

Список литературы

1. *Аликперов Х.Д.* Электронная технология определения меры наказания (электронные весы правосудия) / предисл. А.И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2020.

2. *Алауханов Е.О., Бекмагамбетов А.Б., Аскаргов Е.Х.* Юридическая, в том числе уголовная, ответственность через призму футурологии // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. IV всерос. науч.-практ. конф. (30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Изд-во СГЮА, 2019. С. 12-15;

3. *Бекмагамбетов А.Б.* Права человека в цифровую эпоху и национальная кибербезопасность (глава 9) // Права человека в механизме национальной безопасности: доктрина права и правовая жизнь: монография / под общ. ред. Р.В. Пузикова, Я. Зелинского. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2019. С. 168-194.

4. *Бодрунов С.Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации: монография. М.: ИНИР; Культурная революция, 2020.

5. *Овчинский А.С., Чеботарева С.О.* Матрица преступности: монография / под науч. ред. В.С. Овчинского. М.: Норма, 2017.

6. Турдалы А.Н., Турдалы Ж.Н. Обеспечение экономической безопасности в условиях цифровой экономики // Финансовые технологии в цифровой экономике: проблемы и перспективы развития в мире и России: матер. междунар. круглого стола. М: РУДН, 2019. С. 177-180.

7. Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М.: Изд-во «Э», 2018. 208 с.

УДК 343.9

Варыгин Александр Николаевич

*Д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой
прокурорского надзора и криминологии,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

Ефремова Ирина Алексеевна

*Д.ю.н., доцент, профессор кафедры
прокурорского надзора и криминологии,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА: ЗНАЧЕНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена особенностям духовно-нравственной сферы личности преступника. Обосновывается, что личность преступника – это многогранная, многоаспектная категория, изучение которой имеет важное превентивное значение, ибо в ее основе заложены причины индивидуального преступного поведения. Рассмотрены различные подходы ученых к определению личности преступника, нравственности. Констатируется, что в первую очередь именно недостатки духовно-нравственной сферы личности влияют на ее преступное поведение и во многом определяют характер такого поведения; в целях предупреждения преступлений индивидуально-профилактическое воздействие на личность должно быть направлено на ее духовно-нравственную сферу; именно позитивные изменения духовно-нравственной сферы личности преступника позволят говорить об исправлении преступника и возможности предупреждения совершения им новых преступлений.*

Ключевые слова: *личность преступника, духовно-нравственная сфера, структура личности преступника, качества и свойства личности преступника.*

Varygin Alexander Nikolaevich

*Doctor of Law, Professor, Head of the Department
of Prosecutor's Supervision and Criminology,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov*

Efremova Irina Alekseevna

*Doctor of Law, Professor of the Department
of Prosecutor's Supervision and Criminology,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
van808@yandex.ru
efremova005@yandex.ru*

SPIRITUAL AND MORAL SPHERE OF THE CRIMINAL'S PERSONALITY: MEANING AND DIRECTION OF STUDY

Abstract. *The article is devoted to the peculiarities of the spiritual and moral sphere of the criminal's personality. It is substantiated that the personality of a criminal is a multifaceted, multidimensional category, the study of which is of great preventive value, because it is based on the causes of individual criminal behavior. Various approaches of scientists to the definition of a criminal's personality and morality are considered. It is stated that, first of all, it is the shortcomings of the spiritual and moral sphere of the individual that affect his criminal behavior and largely determine the nature of such behavior; in order to prevent crimes, individual preventive influence on a person should be directed to his spiritual and moral sphere; it is the positive changes in the spiritual and moral sphere of the criminal's personality that will make it possible to talk about the correction of the criminal and the possibility of preventing him from committing new crimes.*

Keywords: *personality of the criminal, spiritual and moral sphere, structure of the criminal's personality.*

Личность преступника всегда привлекала, привлекает и будет привлекать внимание представителей научного сообщества, ученых из различных отраслей российской науки, ибо личность выступает многоаспектной, междисциплинарной категорией, имеющей философское, психологическое, социальное, уголовно-правовое и криминологическое значение [5, с. 245]. Причины индивидуального преступного поведения во многом обусловлены личностными особенностями преступника, ибо личность преступника – носитель причин ее поведения, в частности преступного. Личность преступника выступает ключевым элементом всего механизма преступного поведения [1, с. 8].

Выявление причин индивидуального преступного поведения преступника, в основе которых заложены индивидуальные особенности его личности, будет во многом способствовать предупреждению противоправных деяний.

Вопросы личности преступника относятся к числу приоритетных, ведущих вопросов криминологии, но вместе с тем и к одним из самых сложных, ибо до настоящего времени наличествуют теоретически неразработанные моменты понятия «личность преступника». По мере осмысления сущности личности преступника, ее особенностей в социологии, психологии, философии, криминологии были сформулированы различные ее дефиниции. Так, в социологии под личностью понимаются социальные свойства человека, явившиеся следствием его общественного развития и включения его в систему социальных отношений [12, с. 33]. Л.Г. Голубкова и В.М. Розин пишут, что личность – это человек, который сам вправе решать, как выстраивать ему свою жизнь. Для этого он должен обладать необходимыми способностями и телесными структурами [9, с. 35].

В психологии под личностью, как правило, понимаются социально-значимые психические свойства и качества человека, которые образуют совокупность, возникшую в ходе онтогенеза, и которые определяют его поведение как сознательного субъекта деятельности и общения [16, с. 233].

В философии личность – это «сверхиндивидуальное, системное качество человека, возникающее у него в результате его вхождения в общество и принятия на себя работы по решению проблем этого общества» [3, с. 7].

В настоящее время в криминологии наличествует значительное число дефиниций понятия «личность преступника». В частности, личность преступника представляет собой совокупность социально значимых негативных качеств и свойств человека, образовавшихся в ходе различных взаимодействий человека с иными людьми [2, с. 136]. А.Б. Сахаров, В.Д. Малков предлагают понимать под личностью преступника такое лицо, которое совершило преступное посягательство, в сознании которого наличествует антисоциальная направленность, содержащая негативные социально значимые качества личности. По мнению данных ученых, такие негативные социально значимые качества личности в сочетании с внешними обстоятельствами порождают преступное поведение личности [21, с. 5; 13, с. 8]. Подобное суждение наличествует и у иных ученых.

По мнению А.И. Долговой, именно личность выступает элементом, который активным образом взаимодействует с внешним миром. Исходя из этого, за личностью можно узреть криминоген-

ные факторы среды, на которые необходимо первостепенно воздействовать для предупреждения совершения преступных посягательств [10, с. 92].

Личность преступника – многоаспектная, многогранная, междисциплинарная категория, включающая «индивидуальное выражение социально значимых свойств, индивидуальную форму бытия, меру социальности человека» [6, с. 89-90], имеющая определенную структуру, в которой заложены социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые свойства и качества. Данные качества и свойства не являются разрозненными, они взаимосвязаны, имеют устойчивую корреляционную связь [6, с. 90].

Нравственно-психологические качества и свойства личности преступника представляют наибольший интерес, ибо лицо совершает преступление, исходя из психологических и нравственных предпосылок. Формирующиеся в данной сфере деформации влекут к образованию преступной личности [24, с. 192].

Нравственность – это такие качества человека, личности, которые были основаны на таких добродетелях, как доброта, справедливость, долг и на иных добродетелях, которые проявляются в отношении как людей, так и природы, а также нравственность – это не только определенные качества человека, личности, но и их поведение и нормы, которые базируются на таких качествах [11, с. 561]. В психологии под нравственными понимают такие качества и свойства, которые являются основополагающими качествами и свойствами, определяющими сознание личности, ибо именно они определяют отношение личности к миру, другим людям, самому себе [4, с. 132].

Нравственность сопровождает человека на протяжении всего его существования. В настоящее время нравственность зачастую отождествляют с моралью, разнятся они лишь тем, что нравственность связана непосредственно с поведением личности [14, с. 71]. Нравственность выступает именно субъективной категорией, определяющейся уровнем, степенью, развития личности, ее сознания [18, с. 215].

Нравственность также рассматривается как учение о добре и зле, учение о возможностях по формированию у личности духовных и социальных качеств и свойств, основанных на идеях свободы, равенства, справедливости, позволяющих ему удовлетворять свои интересы без ограничений прав, интересов друг лю-

дей, общества и государства [8, с. 7]. Стержнем нравственности, его базисом выступает добро, данное обстоятельство никоим образом не исключает зло, напротив, зло в данном случае подчеркивает ценность добра [17, с. 119].

Нравственность непосредственно связана с духовностью и составляет духовно-нравственную сферу личности преступника, которая наличествует и формируется посредством внутренних убеждений, совести конкретного человека. Духовность представляет собой такую сущность человека, обладающую духовной, интеллектуальной природой, которая тем или иным образом противопоставляется физической сущности человека; стремление человека к совершенствованию, высоте духа [11, с. 215]; в иной трактовке дефиниции духовности, последняя представляет собой такое состояние души человека, личности, в которой над материальными интересами человека превалируют его духовные и нравственные интересы [15, с. 126].

По мере осмысления сущности духовности были предложены различные ее дефиниции. Одни ученые сводили духовность к имманентному характеру ее природы, в связи с чем к источникам духовной рефлексии они относили веру, разум, волю; систему ценностей; сознание, мышление, чувства; образ жизни субъекта [19, с. 50; 22, с. 127; 20, с. 5]. Другие ученые полагали, что источниками духовности выступают Бог, Дух, Абсолют, Идея, Творец; сверхчувствительное, мистическое, бестелесное в мире [25, с. 6; 23, с. 40]. Духовность непосредственно связана с внутренним миром человека и является состоянием внутренней субъективности, позволяющей личности поддерживать постоянную связь с духовной реальностью. Нравственность вкупе с религией выступают общественными регуляторами, влияющими как на развитие и нормальное функционирование общества в целом, так и на существование конкретной личности, в т.ч. личности преступника.

Это делает понятным частое употребление понятия духовно-нравственной сферы личности, в частности личности преступника. Указанная сфера личности формируется посредством не только авторитета и силы общественного мнения, но и посредством сознания самой конкретной личности, ее представлений о нравственном или безнравственном, добре и зле, преступном или не преступном поведении.

Ослабление нравственных и духовных ценностей личности может быть обусловлено различными политическими, экономическими и социальными детерминантами, в частности экономическим и политическим кризисом, расслоением общества, ростом преступных посягательств и т.д.

Все изложенное позволяет говорить о том, что именно духовно-нравственные свойства и качества являются основными определяющими факторами поведения личности. В полной мере сказанное относится и к личности преступника. Зная духовно-нравственную «составляющую» личности, в итоге можно понять, почему один человек совершил кражу, другой – убийство, третий – иное преступление. Чем ниже духовно-нравственный уровень той или иной личности, тем более риск нарушения ею закона, в т.ч. уголовного. Неслучайно многочисленные криминологические исследования фиксируют наличие у преступников всевозможные искажения в указанной сфере. Например, часто преступники отличаются от законопослушных граждан негативным содержанием ценностно-нормативной системы и устойчивыми психологическими особенностями, сочетание которых имеет криминогенное значение [1, с. 67].

Другие ученые отмечают, что многие преступники до совершения уголовно-наказуемого деяния злоупотребляли спиртными напитками или наркотиками, совершали административные правонарушения, отрицательно характеризовались по месту работы или жительства [7, с. 57-58].

Из сказанного напрашивается очевидный вывод о том, что:

- в первую очередь, именно недостатки духовно-нравственной сферы личности влияют на ее преступное поведение и во многом определяют характер такого поведения;
- в целях предупреждения преступлений индивидуально-профилактическое воздействие должно быть направлено на духовно-нравственную сферу личности;
- чтобы такое воздействие было эффективным, необходимо предварительное изучение духовно-нравственных свойств и качеств профилактируемой личности;
- именно позитивные изменения духовно-нравственной сферы личности преступника позволят нам говорить об исправлении преступника и возможности предупреждения совершения им новых преступлений.

Список литературы

1. *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступления и наказания. М.: Научная литература, 2000.
2. *Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е.* Личность преступника. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
3. *Баранов В.Е.* Философия личности Л.П. Карсавина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 10. С. 7-16.
4. *Братусь Б.С.* Смысловая сфера личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2001.
5. *Варданян А.В.* Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 2. С. 244-251.
6. *Варыгин А.Н., Громов В.Г., Шляпникова О.В.* Основы криминологии и профилактики преступлений: учеб. пособие для бакалавриата и специалитета / под ред. А.Н. Варыгина. М.: Юрайт, 2019.
7. *Варыгин А.Н., Яковлев Д.Ю.* Преступления против жизни, совершаемые женщинами: криминологическая характеристика, особенности мотивации и предупреждения. М.: Юрлитинформ, 2017.
8. *Герасимов А.М.* Нравственность в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
9. *Голубкова Л.Г., Розин В.М.* Философия управления: монография. Йошкар-Ола: Мар. гос. техн. ун-т, 2010.
10. *Долгова А.И.* Криминологическое изучение личности преступника // Советское государство и право. 1973. № 4. С. 92-95.
11. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: в 2 т. М.: Рус. язык, 2000.
12. *Зиновьева Т.В.* Основные социологические термины: учебное пособие. Челябинск, 2006.
13. Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Д. Малкова. М: Юстицинформ, 2006. 528 с.
14. *Лукашева Е.А.* Право, мораль, личность. М.: Наука, 1986. 262 с.
15. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М., 1991.
16. Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мецеракова. М., 1999. 811 с.

17. *Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права Российской Федерации. Саратов, 1994.

18. *Разгильдиев Б.Т., Насиров Н.И.* Достоинство и честь человека и их уголовно – правовая охрана // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 119-125.

19. *Руткевич Е.Д.* «Социология духовности»: проблемы становления // Вестник Института социологии. 2014. № 2 (09). С. 50-53.

20. *Руткевич Е.Д.* От «религиозности» к «духовности»: Европейский контекст // Вестник РУДН. 2014. Вып. 1. С. 5-25.

21. *Сахаров А.Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. М.: Госюриздат, 1961. 279 с.

22. *Степанова Е.А.* Новая духовность и старые религии // Религиоведение. 2011. № 1. С. 127-134.

23. *Сунцова Я.С.* Понятие духовности в философии и психологии // Вестник Удмуртского университета. 2009. № 3-2. С. 39-60.

24. *Шатилов А.В.* Нравственно-психологические характеристики личности мошенника – участника организованной преступной группы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6. С. 192-200.

25. *Штумпф С.П.* Категория «духовность» в понимании современных исследователей: философско-аналитический обзор // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 6-10.

УДК 343.8

Желудков Михаил Александрович

*Д.ю.н., доцент, профессор кафедры
уголовного права и прикладной информатики в юриспруденции,
Тамбовский государственный технический университет,
Россия, Тамбов*

**ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
НА ДЕТЕРМИНАЦИЮ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ
(ТЕХНОЛОГИЯ DEERFAKE)**

Аннотация. *В современном цифровом пространстве происходит бурное развитие новых технологий, которые также способны повлиять на уровень новых возможностей преступников извлекать преступную прибыль при совершении мошеннических действий. Рост числа преступлений в сети «Интернет», в т.ч. мошеннических действий, напрямую зависит от появления новых технологических способов обмана и введения в заблуждение граждан независимо от их интеллектуального уровня или социального положения. Обоснована слабая защищенность населения и общества от мошенничества, совершаемого с использованием новейших достижений технического прогресса для реализации преступных намерений. Существенно усиливает опасность совершения таких преступлений появление нового технологического продукта искусственного интеллекта, а именно метода подмены лиц – дипфейк. В статье изучены технологии интеграции цифровых инструментов в мошенническую деятельность и предложены меры по предупреждению преступности, где также выявлены существующие проблемы полноценного контроля общества и его граждан за процессом реагирования на использование новых технологических решений. Выдвигается тезис о необходимости создания в России особой системы цифровых и правовых форм защиты от технологии дипфейков.*

Ключевые слова: *цифровая экономика, новые технологии, предупреждение преступности, системы искусственного интеллекта, Deepfake (дипфейк).*

Zheludkov Mikhail Aleksandrovich

*Doctor of Law, Professor of the Department
of Criminal Law and Applied Informatics in Law,
Tambov State Technical University, Russia, Tambov
kandydat1@yandex.ru*

EXPLORING THE IMPACT OF NEW DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE DETERMINATION OF ADVANCED ACTION (DEEPFAKE TECHNOLOGY)

Abstract. *In the modern digital space, there is a rapid development of new technologies that can also affect the level of new opportunities for criminals to extract criminal profits when committing fraudulent activities. The growth in the number of crimes on the Internet, incl. fraudulent actions directly depends on the emergence of new technological methods of deception and misleading citizens, regardless of their intellectual level or social status. The weak protection of the population and society from fraud committed with the use of the latest technological advances for the implementation of criminal intentions has been substantiated. The danger of committing such crimes is significantly increased by the emergence of a new technological product of artificial intelligence, namely, the method of replacing faces – a deepfake. The article examines the technologies for integrating digital tools into fraudulent activities and proposes measures to prevent crime, which also reveals the existing problems of full control of society and its citizens over the process of responding to the use of new technological solutions. The thesis is put forward about the need to create in Russia a special system of digital and legal forms of protection against deepfake technology.*

Keywords: *digital economy, new technologies, crime prevention, artificial intelligence systems, deepfake.*

Современная концепция по предупреждению преступности основывается на принципиальных положениях охраны государственной и общественной безопасности, собственности, где основное внимание уделяется различным видам и формам воздействия на причины и условия совершения конкретных преступлений для их устранения и минимизации последующих преступных последствий. Практика подобной деятельности явно свидетельствует о существенных проблемах при реагировании на возникающие опасности без задействования системных основ профилактики, без изучения особенностей причин и условий отдельных видов преступлений и использования новых цифровых средств защиты объектов от преступного посягательства» [1, с. 72].

Новые цифровые средства обеспечения безопасности личности, общества и государства находят свое развитие в различных правовых и информационных системах. Например, «в рамках реализации Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О наци-

ональных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в т.ч. с целью решения задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, Правительством РФ на базе программы «Цифровая экономика Российской Федерации» сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7»¹. Реализация подобной программы направлена на разработку различных цифровых платформ экономического и социального развития, а также на использование результатов интеллектуальной деятельности в этой сфере. Однако развитие подобных новых цифровых технологий является не только благом для всего общества, но и потенциальной возможностью для мошенников минимизировать риски при реализации своих преступных намерений и свети к минимуму контакты с жертвами мошеннических деяний.

Попробуем обосновать приведенные аргументы на примерах и данных правоохранительной статистики. По статистике МВД России, «в 2019 году было зарегистрировано более 2000000 преступлений. Половину всех зарегистрированных преступлений составляют хищения чужого имущества, совершённые путём: кражи, мошенничества, грабежа, разбоя. Среди них было зарегистрировано более 294 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что почти на 70 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Половина таких преступлений совершается с использованием сети «Интернет», а более трети – средств мобильной связи»².

Рост числа преступлений в сети «Интернет», в т.ч. мошеннических действий, напрямую зависит от появления новых технологических способов обмана и введения в заблуждение граждан независимо от их интеллектуального уровня или социального положения. В качестве примера приведем сведения Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки

¹ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 14.08.2020).

² Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 14.08.2020).

в кредитно-финансовой сфере Банка России (ФинЦЕРТ). Данная организация выявила «новый способ хищения средств со счетов клиентов в банке с использованием Системы быстрых платежей (СБП). При установке в мобильном банке одной из кредитных организаций возможности переводов по СБП была оставлена уязвимость, связанная с открытым API-интерфейсом. Через нее мошенники смогли подменять счета отправителя. Эксперты отмечают, что это первый случай использования СБП в схеме успешной хакерской атаки на банк. ФинЦЕРТ разослал в банки бюллетень с описанием новой схемы хищения. Злоумышленник через уязвимость в одной из банковских систем получил данные счетов клиентов. Затем он запустил мобильное приложение в режиме отладки, авторизовавшись как реальный клиент, отправил запрос на перевод средств в другой банк, но перед совершением перевода вместо своего счета отправителя средств указал номер счета другого клиента этого банка. ДБО, не проверив, принадлежит ли указанный счет отправителю, направило в СБП команду на перевод средств, который она и осуществила. Так мошенники отправляли себе деньги с чужих счетов. Номера счетов жертв были получены перебором в ходе успешной атаки по использованию недокументированной возможности API (программного интерфейса приложения) дистанционного банковского обслуживания (ДБО)»¹.

Как видим, в этом примере потенциальная жертва даже не догадывалась о хищении ее денежных средств, но существует возможность их возврата и пресечения преступного деяния. Однако в своем развитии новые цифровые технологии не стоят на месте и появляются такие интеллектуальные решения, где без правового обеспечения безопасности уже не обойтись. Решение проблемы должно сочетать не только устранение технической уязвимости, но и правовые возможности предупреждения мошеннических действий.

В рамках данной статьи были изучены технологии интеграции цифровых инструментов в мошенническую деятельность и предложены меры по предупреждению преступности, где также выявлены существующие проблемы полноценного контроля общества и его граждан за процессом реагирования на использование новых технологических решений. Современное Ин-

¹ Буйлов М. Система хитрых платежей. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4465889> (дата обращения: 14.08.2020).

тернет-пространство, особенно социальные сети, переживает бурное развитие с точки зрения наполнения их фотографиями и видеороликами простых людей, политиков, блогеров, узнаваемых персон. Создать такой контент и поместить его в сети может любой человек с первичными навыками обращения с компьютером. В сети создается своеобразная база фото- и видеоматериалов, которая может быть использована мошенниками в своих преступных деяниях. Существенно усиливает опасность совершения таких преступлений появление нового технологического продукта искусственного интеллекта, а именно метода подмены лиц – дипфейк.

«Deepfake (дипфейк) – конкатенация слов «глубинное обучение» (англ. Deep learning) и «подделка» (англ. Fake)¹, методика синтеза изображения, основанная на искусственном интеллекте. Она используется для соединения и наложения существующих изображений и видео на исходные изображения или видеоролики. В подавляющем большинстве случаев для создания таких видео используют генеративно-состязательные нейросети (GAN). Одна часть алгоритма учится на реальных фотографиях определенного объекта и создает изображение, буквально «состязаясь» со второй частью алгоритма, пока та не начнет путать копию с оригиналом^{2»}³.

С одной стороны, подобная технология позволяет развивать системы искусственного интеллекта, в частности при реализации программы «Безопасный город» при распознавании личности. С другой стороны, использование биометрических данных в этой методике, а именно голоса и лица человека позволяет преступникам понизить уровень защищенности населения перед угрозой подмены их фото и видеоизображений при незаконном получении кредитов, переоформлении недвижимости, дискредитации любого юридического и физического лица. Технология развивается настолько быстро, что уже сегодня простому человеку сложно различать подлинность обработанных фотографий и видеофайлов.

¹ Brandon J. Terrifying high-tech porn: Creepy 'deepfake' videos are on the rise (англ.), Fox News (16 February 2018). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Deepfake#mw-head> (дата обращения: 14.08.2020).

² Созанкова Е. Дипфейки: как нейросети копируют реальность. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Deepfake#mw-head> (дата обращения: 14.08.2020).

³ Материал из «Википедии – свободной энциклопедии» «Deepfake». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Deepfake#mw-head> (дата обращения: 14.08.2020).

Причем методики искусственного интеллекта используют как простые, так и сложные алгоритмы генерации файлов. Например, «весной 2019 года в Сети было опубликовано дипфейк-видео со спикером палаты представителей конгресса США Нэнси Пелоси. Автор ролика с помощью искусственного интеллекта (ИИ) изменил речь Пелоси так, что она плохо выговаривала слова, и пользователи, посмотревшие видео, посчитали, что политик пьяна. Ситуация вылилась в громкий скандал, и лишь спустя некоторое время было доказано, что речь Пелоси была сгенерирована ИИ. Этот дипфейк был сделан достаточно просто. Но есть и сложные алгоритмы. Они не просто меняют тембр голоса или замедляют речь, а генерируют такие видео, на которых человек делает то, чего никогда не совершал, или говорит то, чего никогда не говорил. Уже сейчас технология претендует на то, чтобы влиять на политику, а в дальнейшем такие видео и вовсе смогут стать угрозой национальной и даже международной безопасности»¹.

Отметим существенный зарубежный опыт в направлении формирования дипфейков, где показанная технология не только получила бурное развитие, но и создала технические возможности для их реализации, где отдельные дипфейки сегодня практически невозможно распознать. В частности, с 3 марта по 12 июня 2020 г. проходил конкурс «Deepfake Detection Challenge (DFDC)», который объявили компании «Майкрософт», «Фейсбук» и «Амазон». Его задачей было обнаружение дипфейков (идентификация видео с помощью голосовых или лицевых манипуляций). «В течение 3,5 месяцев в нем поучаствовали 2 114 участников, которые представили в DFDC более 35 000 моделей. Были объявлены победители и сделаны выводы о том, что ни одна организация или отдельный человек не могут решить проблему deepfakes самостоятельно. Только открытые и совместные усилия позволили нам работать вместе, ускорить прогресс и, в конечном счете, как мы надеемся, помогут предотвратить обман людей изображениями и видео, которые они видят в интернете. Методы Deepfake, которые представляют собой реалистичные видео, созданные искусственным интеллектом, на которых люди делают и говорят

¹ Харисов И.Ф. Что такое дипфейк и чем он грозит пользователям Интернета и финансовых услуг? URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5c190956ea7bd400aa31f9f5/chto-takoe-dipfeik-i-chem-on-grozit-polzovateliam-interneta-i-finansovyh-uslug-5de39c847_ccba00b1_c2dcb3 (дата обращения: 14.08.2020).

вымышленные вещи, потенциально могут оказать значительное влияние на то, как люди определяют законность информации, представленной в интернете. Эти технологии генерации и модификации контента могут повлиять на качество публичного дискурса и защиту прав человека – особенно с учетом того, что deepfakes могут злонамеренно использоваться в качестве источника дезинформации, манипулирования, преследования и убеждения. Идентификация манипулируемых медиа – это технически сложная и быстро развивающаяся задача, требующая сотрудничества во всей технологической индустрии и за ее пределами»¹.

Подобный вывод, сделанный в результате конкурса, позволяет утверждать, что показанная проблема из потенциальных угроз национальной и общественной безопасности России приобрела очертания реальной опасности и требует государственного системного подхода к ее решению. Развитие технологии дипфейка вызывает серьезную озабоченность при обеспечении безопасности в любой сфере жизнедеятельности, где используются биометрические данные для идентификации личности. В краткосрочной перспективе технология дипфейка может поменять отношение не только к проверке конкретного человека при оформлении товарно-денежных отношений, но и критически поменять отношение к видео- и фотодоказательствам совершения преступного деяния.

Причем обоснованно предполагаем, что технология дипфейков будет постоянно совершенствоваться, и на определенном этапе будет создана программа с открытым кодом, что полностью нивелирует подлинность всех видео- и аудиороликов в интернете. Для копирования голоса достаточно 20 минут записанного разговора человека. Представим себе ситуацию, где руководитель предприятия по телефону требует от главного бухгалтера перевести деньги определенному контрагенту или физическое лицо по телефону соглашается на получение кредитной карточки с ее пересылкой по другому адресу. Или ситуацию, где руководство или менеджмент определенного банка либо руководство надзорного ведомства выступает в социальных сетях с информацией о том, что у банка будет отозвана лицензия или существу-

¹ Конкурс «Deepfake Detection Challenge (DFDC)». URL: <https://www.kaggle.com/c/deepfake-detection-challenge/overview/description> (дата обращения: 14.08.2020).

ют иные проблемы с ликвидностью. Клиенты видят данное выступление и срочно обращаются в офис банка, где уже находятся сотни и тысячи других людей. Информация уже от них начинает распространяться в социальных сетях. Массовое закрытие счетов и изъятие вкладчиками денежных средств может привести к закрытию данного банка и его разорению.

Учитывая, что процессы цифровизации охватили сегодня все сферы общественных отношений (государственные и муниципальные услуги, медицину, ЖКХ, финансы и др.), утрата или подделка биометрии конкретного человека может привести к неустранимым последствиям. Современные технологии позволяют генерировать голос, копировать и приклеивать отпечатки пальцев, рисунок сетчатки глаза переводить на линзы. Предполагаем, что на данный момент единственным доказательством идентичности человека остается генетический код и отдельные биометрические данные (глазное дно, сканирование рисунка вен на руках и др.).

Причем нельзя только созданием одной программы в одной сфере общественных отношений решить данную проблему. Обеспечение безопасности личности, общества и государства в этом вопросе должно представлять собой не отдельную функцию, а системный качественный процесс по применению технологий защиты от дипфейков. Например, при расследовании преступлений считаем необходимым внести изменение в процесс доказывания, где к недопустимым доказательствам должны относиться сведения, полученные из аудио-, фото- и видеофайлов, которые не имеют экспертного подтверждения подлинности и идентификации. Предлагаем в уголовно-процессуальном законодательстве изменить положения ч. 2 ст. 75 УПК РФ, включив в нее подпункт 2.4 в следующей редакции:

«2. К недопустимым доказательствам относятся:

2.4) видео, фото и аудио файлы без проведения криминалистической экспертизы по установлению идентичности объектов представленных на них и отсутствия внешнего воздействия на их содержание».

Таким образом, в России необходимо создание особой системы цифровых и правовых форм защиты от технологии дипфейков. Подобная трансформация потребует не только внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, но и полноценной ревизии всех нормативных актов, регулирующих испол-

зование биометрических данных человека. Изменения должны проходить не после создания объекта защиты, а в процессе его создания, где в защищаемый объект уже закладываются правовые процессы защищенности от дипфейков.

Список литературы

1. *Александрова И.А., Желудков М.А.* Особенности использования современных цифровых средств идентификации для воздействия на детерминанты краж в сфере животноводства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 71-76.

Зайцева Олеся Викторовна

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ¹

Аннотация. *В статье впервые в отечественной криминологии рассмотрен динамический аспект правоотношений в сфере профилактики преступлений и правонарушений. На базе анализа отечественного законодательства о противодействии преступности выявлены юридические факты, которые служат основанием для возникновения, изменения и прекращения профилактических правоотношений. Делается вывод, что в основе механизма правового регулирования рассматриваемой группы общественных отношений лежат три группы факторов: юридические деяния, юридические события и факты-состояния, которые в совокупности образуют фактический состав превентивного правоотношения. Выделены обязательные и факультативные основания движения правоотношений, возникающих в связи с осуществлением превентивной деятельности государства в правоохранительной сфере. К числу обязательных оснований отнесены юридические акты, издаваемые субъектами профилактики, и юридически значимые деяния профилактируемых лиц (действия или бездействие). Факультативные юридические факты представлены юридическими поступками третьих лиц, фактами-состояниями и юридическими событиями, среди которых особое место занимают сроки. Подробно описываются правообразующие, правоизменяющие и правопрекращающие обстоятельства (условия, ситуации), которые служат основанием профилактических правоотношений.*

Ключевые слова: *юридический факт, правоотношение, профилактика, правовое регулирование, правонарушение.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00194 «Теоретико-методологическая модель профилактического права, как новой отрасли законодательства».

Zaitseva Olesya Viktorovna

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
zaitseva.o @bk.ru*

LEGAL FACTS IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF PREVENTIVE LEGAL RELATIONS

Abstract. *For the first time in Russian criminology, the article considers the dynamic aspect of legal relations in the field of crime and crime prevention. Based on the analysis of domestic legislation on combating crime, legal facts have been identified that serve as the basis for the emergence, change and termination of preventive legal relationships. It is concluded that the mechanism of legal regulation of the considered group of public relations is based on three groups of factors: legal acts, legal events and facts-states, which together form the actual composition of the preventive legal relationship. The compulsory and optional grounds for the movement of legal relations arising in connection with the implementation of the state's preventive activities in the law enforcement sphere are highlighted. The obligatory grounds include legal acts issued by the subjects of prevention, and legally significant acts of the persons being prevented (actions or inaction). Optional legal facts are represented by legal acts of third parties, facts-states and legal events, among which timing is of particular importance. The law-forming, law-changing and law-terminating circumstances (conditions, situations), which serve as the basis for preventive legal relations, are described in detail.*

Keywords: *legal fact, legal relationship, prevention, legal regulation, offense.*

Одним из трендов современной юридической доктрины является стремление к изучению права в динамике, в действии, а не в абстрактно-общей форме. Наиболее продуктивно в этом плане, на наш взгляд, исследование механизма регулятивного воздействия права на социальные отношения, изучение способов и оснований возникновения и существования конкретных правовых отношений в различных сферах жизнедеятельности общества.

Важную роль в их установлении и развитии играют юридические факты, с которыми закон связывает действие норм права в пределах системы конкретного правоотношения [5, с. 153]. Именно юридические факты, будучи *de jure* предпосылками

правовых отношений, отвечают за правопорождающий, правоизменяющий и правопрекращающий результат действия норм права.

В этом плане правовые отношения в сфере профилактики правонарушений не являются исключением. В их основе также лежат юридические факты, определяющие темпоральные границы правового регулирования превентивной деятельности государства в правоохранительной сфере.

Многообразие фактических обстоятельств (условий, ситуаций), которые служат основанием профилактических правоотношений, обуславливает необходимость их систематизации. В юридической литературе предложены различные критерии дифференциации фактов: по характеру последствий, которые они вызывают (правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие); по гносеологической природе (события, действия и состояния); по структуре (простые и сложные (фактический состав)); по срокам существования (краткосрочные и длящиеся); по выполняемой роли (правопорождающие и правопрепятствующие) и др.

Анализ действующего законодательства, регулирующего деятельность в сфере предупреждения совершения преступлений и административных правонарушений, показал, что в основе механизма правового регулирования рассматриваемой группы общественных отношений лежат три группы факторов: юридические деяния, юридические события и факты-состояния. Однако в зависимости от характера наступающих последствий фактический состав данных обстоятельств может различаться. Так, юридическая формула возникновения превентивных правоотношений, на наш взгляд, включает в себя ряд обязательных и факультативных факторов. В качестве обязательных правообразующих фактов выступают: неправомерные деяния (действия или бездействие) лиц, в отношении которых осуществляется предупредительное воздействие, с одной стороны, и правомерные юридические действия субъектов профилактики – с другой.

В частности, в соответствии с федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» основаниями для проведения индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними являются: а) совершение несовершеннолетним антиобщественных действий (подп. 2, 4 п. 1 ст. 5); б) совершение им правонарушения

(подп. 5, 6 п. 1 ст. 5); в) совершение преступления (подп. 7-9, 13, 14 п. 1 ст. 5)¹.

Одни и те же обстоятельства могут служить основанием как возникновения, так и прекращения правоотношений в сфере противодействия делинквентности. Например, совершение преступления, будучи базовым условием для принятия превентивных мер по недопущению рецидива преступления, в то же время представляет собой одно из правопрекращающих оснований предупреждения первичных правонарушений, поскольку в этом случае требуется применение уже не профилактических, а уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер реагирования.

Помимо правонарушающих действий юридически значимое поведение, лежащее в основе профилактических правоотношений, может проявляться в виде неправомерного бездействия, т.е. невыполнения профилактируемыми лицами установленных для них обязанностей. Так, непосещение или систематический пропуск без уважительных причин учебных занятий в образовательных учреждениях является основанием для постановки на внутришкольный профилактический учет несовершеннолетних.

Правомерные действия, с которыми законодатель связывает возникновение профилактических правоотношений, обусловлены, прежде всего, волевым поведением должностных лиц. Они находят свое выражение в виде юридических актов, отражающих соответствующее решение субъекта специальной превенции. Указанные факты-действия сотрудников специально уполномоченных органов являются обязательным элементом любого юридического состава предупредительного правоотношения. Для возникновения профилактического отношения недостаточно, например, реального правонарушающего поведенческого акта со стороны профилактируемого лица, помимо этого требуется документальное установление участковым инспектором полиции факта совершения административного проступка.

В качестве факультативных оснований начала криминологической профилактики могут служить правомерные юридические поступки иных участников данных правоотношений (например, сообщение о совершении преступления, жалоба на противоправное поведение соседей и других жильцов и т.п.).

¹ Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изм. и доп. от 24 апреля 2020 г., № 147-ФЗ) // Рос. газета. 1999. 28 июня.

Кроме того, к числу правообразующих фактов превентивного права относятся юридические события – это конкретные жизненные обстоятельства, не зависящие от воли и сознания участников правоотношения. В юридической литературе принято факты-события делить на абсолютные и относительные [4, с. 360; 6, с. 523-528]. Критерием дифференциации в данном случае выступает отсутствие или наличие деятельности людей, влияющей на возникновение этих явлений.

Правовой основой профилактических правоотношений абсолютные факты являются крайне редко, гораздо чаще катализатором служат относительные юридические события (освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности вследствие акта об амнистии, освобождение от наказания в связи с изменением обстановки, освобождение опасного рецидивиста из мест лишения свободы и т.п.).

По мнению ряда авторов, помимо действий и событий в систему юридических фактов необходимо включать факты-состояния [5, с. 30]. Нормы законодательства о противодействии преступности к числу таких состояний относят явления, которые способны вызывать нежелательные социальные последствия, в частности «безнадзорность», «беспризорность», «социально опасное положение», «нахождение несовершеннолетнего в обстановке, представляющей опасность для его жизни или здоровья» и т.д.

В качестве правовых оснований прекращения отношений по профилактике правонарушений выступают правомерные юридические деяния. Прежде всего, это позитивное изменение поведения профилактируемого лица, которое с позиции юриспруденции выражается в виде правомерного бездействия (несовершение в течение длительного времени преступлений, правонарушений или антиобщественных действий; неупотребление алкогольных и спиртосодержащих напитков, наркотических и психотропных веществ; непосещение определенных мест, на нахождение в которых установлен запрет по решению суда, и т.п.).

Также требуется положительное волеизъявление (действие) со стороны субъекта профилактики – принятие юридического акта, утверждающего решение о прекращении превентивной деятельности (постановление о снятии с профилактического учета, решение о досрочном прекращении административного надзора и т.п.).

Например, правовые отношения по административному надзору за лицом, освобожденным из мест лишения свободы, могут быть прекращены при наличии совокупности следующих фактических обстоятельств: а) волеизъявления поднадзорного лица или органа внутренних дел, выраженного в административном исковом заявлении; б) правовых оснований для досрочного прекращения административного надзора (поднадзорное лицо добросовестно соблюдает административные ограничения, выполняет возложенные на него обязанности и положительно характеризуется по месту работы и (или) месту жительства, пребывания или фактического нахождения); в) юридического события – истечения не менее половины установленного судом срока административного надзора; г) юридического акта – решения суда о досрочном прекращении административного надзора¹.

К числу факультативных оснований прекращения профилактических правоотношений относятся юридические события и факты-состояния. В криминологическом законодательстве предусмотрены такие правопрекращающие юридические события, как: смерть, достижение совершеннолетия (абсолютные юридические события), погашение или снятие судимости; осуждение лица к лишению свободы; прекращение применения принудительных мер медицинского характера; окончание государственного образовательного учреждения; заболевание, препятствующее содержанию и обучению несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, и др. (относительные юридические события).

Особое значение в праве противодействия преступности имеют сроки. Так, индивидуальная профилактическая работа в отношении несовершеннолетних проводится не менее чем в течение шести месяцев с момента постановки на профилактический учет². Снятие с профилактического учета в органах внутренних дел граждан, допускающих правонарушения в семейно-бытовой

¹ Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (с изм. и доп. от 01 октября 2019 г., № 331-ФЗ) // Рос. газета. 2011. 8 апр.

² Инструкция по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утв. приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 (с изм. и доп. от 31 декабря 2018 г., № 898) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.

сфере, возможно не ранее чем по истечении одного года с момента постановки на профилактический учет¹.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в некоторых случаях имеет место расплывчатость формулировок при установлении сроков профилактического воздействия. Так, в соответствии со ст. 7 федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» «индивидуальная профилактическая работа в отношении несовершеннолетних, их родителей или иных законных представителей проводится в сроки, необходимые для оказания социальной и иной помощи несовершеннолетним, или до устранения причин и условий, способствовавших безнадзорности, беспризорности, правонарушениям или антиобщественным действиям несовершеннолетних ...». Временные границы периода, необходимого для оказания социальной или иной помощи несовершеннолетнему, в данном случае явно размыты, а их установление полностью зависит от субъективной оценки правоприменителя, который наделен в этой связи дискреционными полномочиями.

Третья группа юридических фактов – правоизменяющие основания профилактических отношений – наименее разработана как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях. Практически не затрагивается проблема динамики рассматриваемых правоотношений и в юридической литературе. Имеются лишь отдельные криминологические публикации, где профилактические правоотношения изучаются в обобщенном виде и, как правило, в статике, т.е. когда все элементы правоотношения находятся в неизменном состоянии [3, с. 23-24].

Теория государства и права связывает изменение правоотношений с трансформацией характеристик субъекта или содержания (времени, места, способа, количества исполнения) [1, с. 246; 7, с. 6]. Поскольку деятельность по индивидуальной профилактике правонарушений строго персонифицирована и правопреемство не предусмотрено, преобразование правоотношений в данной сфере возможно лишь по линии модификации их содержания, т.е. изменения субъективных прав и юридических обязанностей его

¹ Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. Дата опубликования: 04.07.2019.

участников. Например, федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» предусматривает возможность частичной отмены ограничений, устанавливаемых при административном надзоре, по решению суда на основании совокупности следующих фактических обстоятельств: а) наличие заявления органа внутренних дел или поднадзорного лица либо его представителя; б) позитивное противоправное поведение поднадзорного лица.

Следует отметить, что содержание правоотношения по предотвращению совершения противоправных деяний подлежит коррекции лишь в особых, чрезвычайных ситуациях, когда у субъекта профилактики исчерпан имеющийся потенциал средств воздействия на правонарушителя. Так, должностные лица специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа в исключительных случаях, когда иные меры не дали результата, в течение минимально необходимого времени наделяются правом на применение физической силы (физического сдерживания) в пределах, не унижающих человеческого достоинства, в целях пресечения совершения несовершеннолетними общественно опасных деяний или причинения ущерба своей жизни или здоровью либо для устранения иной опасности, непосредственно угрожающей охраняемым законом интересам других лиц или государства (Ч. 10 ст. 15 федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»).

Таким образом, анализ механизма правового регулирования профилактических правоотношений показал, что данные отношения, в отличие от, например, уголовно-правовых, характеризуются большим многообразием юридических фактов, выступающих основаниями для их возникновения, изменения и прекращения. При этом для превентивного права характерно использование сложной конструкции фактического состава, который включает в себя не единичные конкретные юридические факты, а их совокупность. Причем юридические факты различных категорий по-разному влияют на динамику субъективных прав и обязанностей.

Список литературы

1. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1.

2. *Куракин А.В., Поникарова Т.В., Поникаров В.А., Павлова Л.В.* Юридические факты в административно-правоохранительной деятельности сотрудников органов внутренних дел (полиции) // Государство и право. 2019. № 4. С. 104-111.

3. *Орлов В.Н.* Криминологическое право: понятие, предмет, метод и система // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. матер. V междунар. науч.-практ. конф. (4-6 апреля 2018 г.). Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 22-27.

4. *Протасов В.Н., Протасова Н.В.* Лекции по общей теории права и теории государства. М., 2010.

5. *Рябов А.Е.* Юридические факты в механизме правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.

6. Теория государства и права: учеб. для бакалавров / под ред. В.К. Бабаева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

7. *Черепяхин Б.Б.* Правопреемство по советскому гражданскому праву. М., 1962.

УДК 343.1

Исмагулова Айгуль Турехановна*К.ю.н., Университет Туран-Астана,
Республика Казахстан, Нур-Султан***АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы применения цифровых технологий в адвокатской деятельности в Республике Казахстан, в частности возможности применения информационных сервисов «Судебный кабинет», «egov.kz», участия адвоката в качестве защитника по уголовным делам, проводимым в электронном формате, использования адвокатами возможностей Интернет-ресурсов в маркетинговых целях. Проанализированы нормы ст. 42-1, 219 УПК РК по вопросам применения электронного формата ведения уголовных дел, приведены преимущества использования информационного сервиса «Судебный кабинет», такие как подача исковых заявлений, ходатайств, жалоб. Посредством системы «egov.kz» также могут быть поданы адвокатские запросы, любые иные обращения в государственные и иные органы Республики Казахстан. Приведены мнения ученых по активному внедрению цифровизации в профессиональную деятельность юристов, рассмотрены возможности применения искусственного интеллекта в праве. В частности, для современной правоприменительной практики представляют интерес вопросы применения специальных компьютерных программ определения меры наказания или т.н. «Электронные весы правосудия». Сделаны выводы о необходимости активного применения и использования цифровизации в профессиональной юридической деятельности.

Ключевые слова: адвокатура, цифровые технологии, судебный кабинет, онлайн-общение, электронное правительство.

Ismagulova Aigul Turehanovna*Candidate of Law, Turan-Astana University,
Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan
7aigul7@mail.ru*

TOPICAL ISSUES OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES IN ADVOCACY IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. *The article discusses the issues of using digital technologies in advocacy in the Republic of Kazakhstan, in particular, the possibility of using the information services "Judicial Office", "egov.kz", the participation of a lawyer as a defender in criminal cases conducted in electronic format, the use of Internet opportunities by lawyers. resources for marketing purposes. The norms of Art. 42-1, 219 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan on the use of the electronic format for conducting criminal cases, the advantages of using the information service "Judicial Cabinet" are given, such as filing claims, petitions, complaints. Through the "egov.kz" system, lawyer requests, any other appeals to state and other bodies of the Republic of Kazakhstan can also be submitted. The opinions of scientists on the active implementation of digitalization in the professional activities of lawyers are given, the possibilities of using artificial intelligence in law are considered. In particular, for modern law enforcement practice, the issues of using special computer programs for determining the measure of punishment or the so-called "Electronic scales of justice". Conclusions are made about the need for active application and use of digitalization in professional legal activity.*

Keywords: *advocacy, digital technologies, judicial office, online-communication, e-government.*

В современном мире в условиях глобализации и интеграции все большую актуальность приобретает применение цифровых технологий в самых различных сферах общественной жизни. Казахстанская адвокатура в соответствии с велениями времени активно внедряет применение цифровых технологий, особенно в период пандемии, в условиях перехода всего мира на онлайн-общение.

Соглашусь с Президентом Совета адвокатских палат и юридических обществ Европы (ССВЕ, Совет) Ранко Пеликарич, который 21 сентября 2020 г. на международной конференции, посвященной будущему юридической профессии, сообщил, что внедрение цифровых технологий позволило сохранить доступ к правосудию в условиях пандемии. В то же время он обратил внимание на возникшие риски, связанные с качеством судебного процесса в режиме онлайн, и подчеркнул, что основная задача адвокатуры – пользоваться преимуществами цифровизации, минимизируя

при этом ее недостатки и риски¹. В 2014 г. в Республике Казахстан впервые заработал информационный сервис «Судебный кабинет», что дало возможности гражданам, представителям, адвокатам подавать в суд различные документы (исковые заявления, возражения, апелляционные жалобы, ходатайства и т.д.).

Также благодаря этому сервису стали доступны такие операции, как оплата госпошлины онлайн, проверка документов по делу, изучение материалов дела, включая протоколы судебных заседаний. Более того, с каждым разом информационный сервис «Судебный кабинет» улучшал свою работу, сейчас можно даже оформить электронную доверенность, изучить практику по конкретному вопросу. Все это, несомненно, способствует качественному отправлению правосудия, дисциплинирует всех участников процесса, ведь теперь все стало прозрачно и гласно.

Мой приход в адвокатуру в 2015 г. произошел в период апробации нововведений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе, и применение сервиса «Судебного кабинета» значительно облегчило мои задачи как представителя и защитника. Представитель может, не выходя из дома или офиса, в любое время суток подать исковое заявление, тут же оплатить госпошлину, приложить все необходимые к иску документы и, подписав их своей электронной цифровой подписью, отправить в суд. Защитник может отправить любое ходатайство или заявление, подать жалобу, ознакомиться с протоколами судебных заседаний. Сам гражданин также в случае самостоятельного отстаивания своих интересов может найти на сервисе «Судебного кабинета» даже готовые образцы несложных исковых заявлений, например таких, как расторжение брака, определение места жительства детей, взыскание задолженности, восстановление на работе и т.д.

Кроме информационного сервиса адвокаты активно используют платформу электронного правительства Республики Казахстан, особенно при подаче адвокатских запросов, заявлений, жалоб, иных видов обращений. Сервис «egov.kz» действует 15 лет, начиная с 12 апреля 2006 г. Граждане могут получить более 235 видов услуг и сервисов, что, конечно, способствует улучшению работы государственных органов, сокращает бюрократизм,

¹ Цифровые технологии в работе адвокатов и юристов. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/tsifrovyye-tekhnologii-v-rabote-advokatov-i-yuristov/> (дата обращения: 10.10.2020).

экономит время, расходы, связанные с поездками, и исключает коррупционные риски, а в условиях пандемии способствует сохранению здоровья граждан. По Индексу развития электронного правительства во Всемирном рейтинге ООН Казахстан занимает в настоящее время 33-ю позицию и 7-е место среди стран Азии¹.

С момента выхода Указа Президента РК от 15 марта 2020 г. «О введении чрезвычайного положения в Республике Казахстан»² практически вся жизнь людей перешла в формат онлайн-общения и онлайн-получения услуг. Если с начала введения жесткого карантина суды приостанавливали дела, надеясь на скорое возобновление обычной жизни, то вскоре вынуждены были перейти на онлайн рассмотрение дел.

На сегодняшний день судебная система практически полностью перешла на онлайн проведение процессов, за исключением рассмотрения особо сложных многоэпизодных преступлений. Конечно, в проведении онлайн процессов есть свои плюсы и минусы. По моему мнению, достоинствами применения онлайн-заседаний являются:

- 1) возможность участия в судебных заседаниях, находясь в офисе, дома;
- 2) экономия средств бюджета на поездку на судебное заседание, особенно если это поездка в другой регион страны или область;
- 3) снижение конфликтных ситуаций среди участников процесса, ведь не секрет, что на процессах иногда эмоции зашкаливают, в т.ч. негативные.

К минусам онлайн-заседаний относятся:

- 1) отсутствие живого общения в суде, лучше выступать, глядя в лицо собеседнику или оппоненту, «офлайн-речь» лица, владеющего ораторским мастерством, может изменить позицию суда, ведь не зря современные юристы вспоминают судебные речи великих адвокатов Ф.Н. Плевако, А.Ф. Кони;
- 2) иногда бывают сбои в Интернет-системе, такие как плохая слышимость речи участников процесса во время онлайн-заседаний, срывы Интернет-соединений, неготовность Интернет-провайдера к такому количеству одновременных соединений и т.д.;

¹ Порталу eGov.kz – 12 лет. URL: https://egov.kz/cms/ru/news/news_egov12 (дата обращения: 10.10.2020).

² URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32648341 (дата обращения: 10.10.2020).

3) слабая адаптивность некоторых адвокатов к применению цифровых технологий в профессиональной деятельности.

Что касается возможностей применения цифровых технологий в досудебном производстве, то с 2017 г. в нашем государстве были внесены изменения в УПК РК, позволяющие расследовать уголовные дела в электронном формате. Согласно статье 42-1 УПК РК, уголовное судопроизводство в Республике Казахстан ведется в бумажном и (или) электронном форматах. Лицо, ведущее уголовный процесс, с учетом мнения участников уголовного процесса и технических возможностей вправе вести уголовное судопроизводство в электронном формате, о чем выносит мотивированное постановление. В моей практической деятельности встречались уголовные дела, которые велись в электронном формате. Все протоколы следственных действий подписывались с помощью планшета. Рассмотрение электронного дела, а именно уголовного проступка было реализовано в суде в сокращенные сроки, что повышает оперативность досудебного производства.

Помимо электронного формата ведения уголовного дела следственные органы практикуют проведение видео-допросов или очных ставок. Ст. 219 УПК РК гласит, что по решению следователя, а также по просьбе обвиняемого, подозреваемого, свидетеля или потерпевшего при допросе может быть применена звуко- и видеозапись. Следователь принимает решение о звуко- и видеозаписи и уведомляет об этом допрашиваемого до начала допроса. Звуко- и видеозапись должны отражать весь ход допроса и содержать полностью показания допрашиваемых лиц. Звуко- и видеозапись части допроса, а также повторение специально для записи показаний, данных в ходе того же допроса, не допускаются. По окончании допроса звуко- и видеозапись полностью воспроизводится допрашиваемому. Дополнения к звуко- и видеозаписи показаний, сделанные допрашиваемым, также заносятся на фонограмму и видеограмму. Звуко- и видеозапись заканчивается заявлением допрашиваемого, удостоверяющим ее правильность. Положительные изменения современного уголовного процесса, связанные с цифровизацией, несомненно, скажутся на качестве расследования уголовных дел, позволят не нарушать права лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, снизят излишний бюрократизм, волокиту, минимизируют коррупционные риски при расследовании.

Однако имеются и некоторые несовершенства, связанные с хранением такого объема информации. Верно отмечает В.А. Задорожная, что сегодня нельзя прочесть информацию, записанную в электронном формате 20 лет назад, не имея компьютера, снабженного дисководом для считывания дискеты, и программного обеспечения, позволяющего распознать текст, выполненный в давно не актуальном текстовом редакторе. «Нет ничего более эфемерного, чем долговременные носители информации. Мы все еще можем прочитать текст, напечатанный пять веков назад. Однако мы не можем посмотреть видеокассету или CD-ROM, которому всего несколько лет» [2, с. 70-75]. Вопросы хранения уголовных дел в электронном формате все-таки необходимо более четко проработать и, возможно, принять нормативные акты в данной сфере.

Если мыслить глобально, то многие ученые дискутируют относительно того, что цифровизация права повлияет на позицию юриста как профессионала в целом. На Петербургском юридическом форуме 2017 г. велась активная дискуссия о будущем юридической профессии в цифровую эпоху. Можно ли заменить живого юриста искусственным интеллектом, который будет оценивать ситуацию и принимать правовые решения? Пока большинство склоняется к тому, что ряд юридических функций не может быть автоматизирован, я тоже склоняюсь к этому мнению. Опытный адвокат или юрист выступает не только как правозащитник, но и как психолог, особенно, к примеру, в бракоразводных ситуациях. При подготовке к судебным заседаниям важно настроить клиента, выслушать его и т.д.

Существуют и иные заслуживающие внимания позиции по вопросу применения искусственного интеллекта в праве. Так, Х.Д. Аликерпов пишет, что одним из правовых механизмов, способных решить проблему качественного отправления правосудия по уголовным делам, является применение электронной системы определения оптимальной меры наказания (сокращенно «Электронные весы правосудия»), которая предназначена для оказания помощи судье при выборе наиболее оптимального вида наказания подсудимому из числа предусмотренных в УК за совершенное преступление, и определении его сроков или размеров, которые были бы не только законными и обоснованными, но и соразмерными как общественной опасности совершенного преступления, так и личности виновного [1, с. 28-29].

Сегодня Интернет активно используется адвокатами в рекламных целях. Абсолютно солидарна с Л. Скабелиной в том, что Интернет предоставил новые возможности для продвижения личного бренда адвоката, повышения его узнаваемости, лояльности к нему аудитории. Действительно, в современных условиях адвокаты активно используют такие ресурсы, как Facebook, Instagram, YouTube, для взаимодействия с потенциальной аудиторией и коллегами [3]. Практикуются онлайн-консультации, которые можно проводить, не ограничиваясь территориальными границами, временем и не привязываясь к офису, что позволило представителям юридических профессий вести консультации из дома.

В заключение отмечу, что мир не стоит на месте, и, как бы мы ни сопротивлялись, движение в эпоху цифровизации происходит семимильными шагами.

Список литературы

1. *Аликперов Х.Д.* Компьютерная программа определения меры наказания (материалы доклада, сделанного на международной презентации «Электронных весов правосудия» в Баку 14 мая 2019 г.) Изд. 2-е, доп. Баку, 2019.
2. *Задорожная В.А.* Производство по уголовному делу в электронном формате по законодательству Республики Казахстан // Правопорядок, история, теория, практика. 2018. № 4(19). С. 70-75.
3. *Скабелина Л.* Влияние цифровизации на профессиональную коммуникацию адвоката // Доклад для международной научно-практической онлайн-конференции «Формирование цифровой экосистемы адвокатуры в Азербайджанской Республике, Республике Беларусь и Российской Федерации» (18 мая 2020 г.) URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/vliyanie-tsifrovizatsii-na-professionalnuyu-kommunikatsiyu-advokata/> (дата обращения: 11.10.2020).
4. *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5-17.

Комиссаренко Екатерина Сергеевна

*К.ю.н., доцент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ СЛЕДСТВЕННОГО ИЗОЛЯТОРА

Аннотация. *Статья посвящена некоторым проблемам осуществления профилактики правонарушений в условиях следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы. Данное направление деятельности следственных изоляторов является значимым, поскольку основной их функцией является изоляция лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, представляющих особую общественную опасность, а кроме того, данные учреждения выполняют функции исправительных учреждений в отношении ряда категорий осужденных. При этом главной их особенностью является то, что в одном учреждении содержатся одновременно разные категории спецконтингента – от ранее не судимых лиц до криминальных авторитетов; от совершивших преступления небольшой тяжести до совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления при особо опасном рецидиве преступлений; от осужденных к небольшим срокам лишения свободы до пожизненно осужденных, что, безусловно, создает дополнительные трудности обеспечения надлежащей профилактической работы. Назревшим проблемным вопросом на практике остается необходимость оказания воспитательного воздействия как на подозреваемых и обвиняемых, так и на осужденных различных категорий, содержащихся в следственных изоляторах, что связано с несовершенством законодательства, а также иными обстоятельствами, исследуемыми в статье. Рассматриваются вопросы повышения эффективности воспитательного воздействия на подконтрольных лиц в целях недопущения совершения ими правонарушений, снижения пенитенциарной преступности и обеспечения необходимого уровня правопорядка и безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, что позволит не допустить распространение криминальной субкультуры среди спецконтингента, повысит вероятность возвращения в общество полноценных его членов, приблизит достижение целей уголовно-исполнительного законодательства.*

Ключевые слова: профилактика преступлений и правонарушений, уголовно-исполнительное право, осужденные, подследственные, следственные изоляторы, лишение свободы, исполнение уголовного наказания, отбывание уголовного наказания.

Komissarenko Ekaterina Sergeevna

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
komissarenkoekaterina@mail.ru*

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF PREVENTIVE WORK IN THE CONDITIONS OF A PRE-TRIAL DETENTION CENTER

Abstract. *The article is devoted to some problems of the implementation of the prevention of offenses in the conditions of pre-trial detention centers of the penal system. This area of activity of pre-trial detention centers is significant, since their main function is to isolate persons suspected or accused of committing crimes that pose a particular public danger, and in addition, these institutions perform the functions of correctional institutions in relation to a number of categories of convicts. At the same time, their main feature is that one institution simultaneously contains different categories of the special contingent – from persons who have not been previously convicted to criminal authorities; from those who have committed minor crimes to those who have committed grave and especially grave crimes with especially dangerous recidivism of crimes: from convicts to short sentences of imprisonment to life-sentenced prisoners, which undoubtedly creates additional difficulties in ensuring proper preventive work. An urgent problematic issue in practice remains the need to provide educational influence both on suspects and accused and on convicts of various categories held in pre-trial detention centers, which is associated with imperfect legislation, as well as other circumstances investigated in the article. The article considers the issues of increasing the effectiveness of the educational impact on controlled persons in order to prevent them from committing offenses, reduce penitentiary crime and ensure the necessary level of law and order and security in the institutions of the penal system, which will prevent the spread of the criminal subculture among the special contingent, increase the likelihood of its full-fledged return to society. members, will bring the achievement of the goals of the penal legislation closer.*

Keywords: *prevention of crimes and offenses, criminal enforcement law, convicted persons, remand prisoners, pre-trial detention centers, deprivation of liberty, execution of criminal punishment, serving of criminal punishment.*

Одним из главных факторов обеспечения правопорядка, законности и безопасности в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы выступает надлежащая организация профилактики преступлений и иных правонарушений, а также антиобщественного поведения со стороны содержащихся в них лиц.

В научной литературе совокупность мер по недопущению совершения преступлений чаще именуется как «профилактика», «предотвращение», «предупреждение», «пресечение». Различно понимание сущности и соотношения данных понятий: существуют мнения об их тождественности [6, с. 12–13], взаимозаменяемости [5, с. 185], а также о принципиальном различии [7, с. 112–114; 9, с. 25]. Не углубляясь в изучение криминологического аспекта указанных терминов, отметим, что наиболее предпочтительным представляется позиционирование в качестве основополагающего и охватывающего собой как профилактику преступлений, так и предотвращение готовящихся преступлений, понятия «предупреждение», входящего в состав понятия «борьба с преступностью». У подобной позиции также имеется ряд приверженцев [1, с. 63; 2, с. 87]. Понятие «предупреждение» включает в свое содержание ранее указанные понятия и соотносится с ними как целое и его части, поэтому понимание их в качестве самостоятельных не состоятельно.

Если обратиться к буквальному смысловому толкованию понятия «профилактика», то оно означает совокупность мер предупреждающего и предохраняющего характера. Это позволяет утверждать, что термины «профилактика» и «предупреждение» в определенном смысле взаимозаменяемы, чем мы и будем руководствоваться при рассмотрении проблем профилактической работы в условиях следственного изолятора.

Общие подходы к деятельности по недопущению правонарушений в Российской Федерации обозначил закон, определивший основы системы профилактики правонарушений в РФ¹. Не вдаваясь в перманентно развивающуюся в научных кругах дискуссию о формировании новой отрасли уголовно-превентивного права [3, с. 51], единого права противодействия преступности [10, с. 16], профилактического права [8, с. 23–25], отметим, что данный закон

¹ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26, ч. 1, ст. 3851.

разъяснил вопросы, касающиеся понятия профилактики, проводимой с целью выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушений (относя к ним и преступления) или антиобщественному поведению, оказания воспитательного воздействия на лиц в целях их недопущения (ст. 2); полномочия, права и обязанности субъектов профилактической работы, а также лиц в ней участвующих; основные направления (в т.ч. предупреждение правонарушений) и виды профилактики, а также формы профилактического воздействия.

Выделяя помимо общей профилактики также индивидуальную, направленную на оказание воспитательного воздействия, законодатель не разъясняет его содержания, а использует термин профилактическое воздействие, указывая его формы. При этом искусственно сужено применение воспитательного воздействия до круга лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, к которым необходимо применение мер социальной адаптации (ч. 2 ст. 15, ч. 2 ст. 24), отдельно выделив в перечне лиц, отбывающих уголовное наказание, не связанное с лишением свободы, и не упомянув лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Такое положение можно считать недоработкой законодателя, возможно причисляющего лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, к указанным в перечне «другим категориям лиц, предусмотренных законодательством РФ», либо «к лицам, не способным самостоятельно обеспечить свою безопасность» (п. 6 ч. 2 ст. 24). Не разъясняет данный закон и понятие специальных мер профилактики правонарушений, посредством применения которых, в т.ч. органами уголовно-исполнительной системы (далее УИС), также может осуществляться индивидуальная профилактика правонарушений, отсылая к административному, уголовному, уголовно-процессуальному, уголовно-исполнительному и оперативно-разыскному законодательству РФ (п. 9 ч. 2 ст. 6).

Пределы и специфика профилактической деятельности в пенитенциарной системе в период до принятия указанного закона определялись ведомственными правовыми актами, корректирование которых после его принятия если и необходимо, то несущественное.

В следственных изоляторах (СИЗО) профилактическая работа основывается прежде всего на Инструкции по профилактике

правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС¹, которая регламентирует порядок реализации как общей (выявление и устранение причин совершения правонарушений и условий, им способствующих, путем обеспечения надлежащей охраны и изоляции содержащихся в учреждениях лиц, а также надзора за ними и размещения в соответствии с законом), так и индивидуальной профилактики правонарушений (постановка на профилактический учет лиц, склонных к противоправным действиям либо имеющих намерение их совершить, и оказание на данных лиц необходимого воздействия путем принятия различных мер превентивного характера с целью не допустить совершения правонарушения).

Особенности профилактической работы в следственных изоляторах УИС прежде всего связаны со спецификой содержащихся в них лиц. Основное их предназначение – обеспечение уголовного судопроизводства, а именно содержание (изоляция) подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в соответствии со ст. 8 федерального закона о содержании под стражей² (при этом наименование обвиняемого, при назначении в отношении него судебного разбирательства, подсудимым согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ, в данном законе не используется в отличие от утратившего силу Положения о следственном изоляторе УИС МЮ РФ³). Содержание данной категории лиц регулируется также законом об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы⁴, Правилами внутреннего распорядка следственных изоляторов УИС⁵.

¹ Приказ Министерства юстиции РФ от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» (с изм. и доп. от 2 ноября 2018 г., № 229) // Рос. газета. 2013. 5 июня.

² Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (с изм. и доп. от 27 декабря 2019 г., № 520-ФЗ) // СЗ РФ. 1995. № 29, ст. 2759.

³ Приказ Министерства юстиции РФ от 25 января 1999 г. № 20 «Об утверждении Положения о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» (с изм. и доп. от 05 марта 2004 г.) (утратило силу) // Рос. газета. 1999. 18 мар.

⁴ Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (с изм. и доп. от 27 декабря 2019 г., № 487-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2964.

⁵ Приказ Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнитель-

Кроме того, следственный изолятор исполняет уголовное наказание в виде лишения свободы в отношении осужденных, исчерпывающий перечень которых дан в ч. 1 ст. 74 УИК РФ, их содержание регулируется Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее ИУ)¹. Количество данной категории спецконтингента достаточно велико (в 2019 г. оно составило 67042 чел., исходя из статистических данных ФСИН России за указанный период, согласно которым в СИЗО (209 шт.) и тюрьмах (8 шт.) содержалось 99948 чел., из них на тюремном режиме – 942 чел., подследственных – 31964 чел.²), и продолжает увеличиваться. Так, по состоянию на 1 декабря 2020 г. в 209 следственных изоляторах и 91 помещении, функционирующих в режиме следственного изолятора (далее ПФРСИ), содержалось 104118 осужденных и подследственных (+6 337 чел. по сравнению с АППГ)³.

Лицам, прибывшим в СИЗО, разъясняются их права и обязанности, распорядок дня, требования режима содержания под стражей, порядок получения психологической помощи, возможность обращения с жалобами, заявлениями и предложениями. При размещении по камерам учитываются требования отдельного содержания. В отношении подозреваемых и обвиняемых, а также лиц, имеющих статус осужденных, за исключением осужденных отряда хозяйственного обслуживания, профилактическое воздействие, как правило, сводится к проведению профилактических бесед сотрудниками оперативных и режимных подразделений, решению вопроса о необходимости постановки конкретных лиц на профилактический учет. Дальнейшая профилактическая работа проводится в основном с лицами, стоящими на профучете. При этом воспитательное воздействие, которое на должном уровне могут оказать лишь сотрудники отделов воспитательной работы с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными (далее ОВРСПОО), как правило, не осуществляется в связи с недостаточной их штатной численностью (так, в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России

ной системы» (с изм. и доп. от 31 мая 2018 г., № 96) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 46.

¹ Приказ Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» (с изм. и доп. 24 декабря 2020 г., № 327) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. Дата опубликования: 27.12.2016.

² Официальный сайт ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20CIZOiT/> (дата обращения: 25.12.2020).

³ Официальный сайт ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 25.12.2020).

по Саратовской обл. лимит наполнения в настоящее время составляет 1016 чел., штатная численность отряда хозяйственного обслуживания – 106 чел., при этом штатная численность ОВРсПОО составляет всего 4 ед.). По сути, обязанности данных сотрудников сводятся лишь к предоставлению характеристик на указанных лиц при сборе материалов для привлечения к дисциплинарной ответственности, составляемых лишь по результатам изучения материалов личных дел.

При этом отметим, что Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС адаптирована для ИУ и совсем не подходит для СИЗО. Так, порядок постановки лиц на профилактический учет не отвечает особенностям организации работы в следственных изоляторах. Согласно п.п. 29, 31 Инструкции, документы, подтверждающие целесообразность постановки лица на профилактический учет, передаются в воспитательную службу, и начальник отряда (воспитатель) готовит соответствующий материал для рассмотрения на очередном заседании комиссии учреждения, включающий справку по личному делу, объяснения подозреваемого, обвиняемого и осужденного и иных лиц по поводу ранее совершенных правонарушений, заключение служебной проверки по факту допущенного правонарушения и иные материалы, характеризующие подозреваемого, обвиняемого и осужденного. В последующем указанные сотрудники готовят материалы и на заседания комиссии учреждения о продолжении профилактической работы либо снятия лиц с учета. Однако в условиях СИЗО начальник отряда только один – начальник отряда хозяйственного обслуживания, и такой объем работы явно превышает его возможности даже при содействии воспитателя и сотрудников других подразделений и служб. Поэтому целесообразно в отношении подозреваемых и обвиняемых, а также осужденных, не входящих в состав отряда хозяйственного обслуживания, обязанность сбора указанных материалов законодательно закрепить за сотрудниками подразделений, являющимися инициаторами постановки лица на профучет согласно их направлениям работы. Например, лиц, склонных к совершению суицида и членовредительству, выявляют сотрудники психологических служб, лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности, склонных к совершению преступлений террористического характера и экстремистской направленности, – оперативные подразделения, склонных к систематическому нарушению правил

внутреннего распорядка – сотрудники режима и надзора (безопасности) и т.д. Сотрудники ОВРСПОО в СИЗО должны заниматься сбором материалов для постановки на профучет только в отношении осужденных отряда по хозяйственному обслуживанию, что необходимо закрепить на законодательном уровне.

Отдельно в особую категорию выделяют несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, как правило, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления, поскольку они заключены под стражу. Законодательно регламентировано лишь создание улучшенных условий содержания, условий для самообразования, оказание помощи в получении общего образования (ст. 31 федерального закона № 103-ФЗ). Однако сотрудникам ОВРСПОО вменяется в обязанность проведение с данной категорией лиц полного комплекса воспитательных мероприятий, особое внимание уделяется профилактике распространения криминальной субкультуры в их среде, и, в частности, движению АУЕ. Данную аббревиатуру можно расшифровать как «арестантский уклад един» или «арестантское уркаганское единство», достигшему в настоящее время пугающих масштабов. При этом это направление работы с указанной категорией спецконтингента нигде законодательно не регламентировано, что является существенным пробелом.

Особую обеспокоенность вызывает фактическое отсутствие на практике воспитательного воздействия на осужденных, представляющих повышенную общественную опасность, в отношении которых приговор суда вступил в законную силу и которые подлежат направлению для отбывания наказания в ИУ по решению федерального органа УИС в соответствии с ч. 4 ст. 73 УИК РФ. Несмотря на установленный в законе 10-дневный срок направления таких осужденных в ИУ после получения извещения о вступлении приговора суда в законную силу администрацией СИЗО, данная категория лиц содержится в СИЗО вплоть до поступления соответствующего решения, получение которого занимает гораздо более длительный срок. Недостаточное воспитательное воздействие оказывается и в отношении осужденных, участвующих в следственных действиях или судебном разбирательстве, осужденных на срок не свыше шести месяцев, оставленных в следственном изоляторе с их согласия.

О проведении надлежащей профилактической работы в полной мере можно говорить лишь при выполнении следственным изолятором функций исправительного учреждения в отношении

осужденных отряда хозяйственного обслуживания. Однако последние находятся в достаточно специфических условиях. На них действуют все нормативно-правовые акты об исполнении (отбывании) лишения свободы (помимо вышеперечисленных сюда можно отнести и Положение об отряде осужденных ИУ ФСИН¹), но в них фактически нет указаний на особенности исполнения лишения свободы в СИЗО, на что справедливо указывают некоторые авторы [4, с. 30-34]. Действительно, данная категория осужденных находится в двояком положении, при котором им необходимо исполнять и требования для колоний общего режима, и требования для СИЗО, которые кардинально отличаются от исправительных колоний. Возможно, было бы целесообразно предусмотреть в Положении об отряде осужденных в ИУ особенности отрядов осужденных по хозяйственному обслуживанию в СИЗО и тюрьмах.

Немаловажным фактором, влияющим на эффективность профилактической работы, является состояние взаимодействия между подразделениями и службами учреждения при ее проведении. В Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, предусмотрена лишь необходимость тесного взаимодействия всех подразделений учреждения между собой, а также с другими организациями по месту дислокации учреждения, и указываются в общих чертах обязанности подразделений по данному направлению деятельности. Существенной недоработкой законодателя является отсутствие отдельной статьи, регламентирующей порядок организации взаимодействия при реализации воспитательного воздействия на подозреваемых, обвиняемых и осужденных, не входящих в состав отряда хозяйственного обслуживания. Данное направление работы, относящееся к индивидуальной профилактике правонарушений, не указано в перечне обязанностей ни одного подразделения. Воспитательное воздействие предусматривает изучение личности, что невозможно без проведения мероприятий по формированию у сотрудников СИЗО умений и навыков оказания воспитательного воздействия. Представляется необходимым на законодательном уровне закрепить оказание воспитательного воздействия в обязанности всех подразделений, осуществляющих

¹ Приказ Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 259 «Об утверждении Положения об отряде осужденных исправительного учреждения Федеральной службы исполнения наказаний» (с изм. и доп. от 15 августа 2016 г., № 186) // Рос. газета. 2006. 2 мар.

работу со спецконтингентом, раскрыть его содержание и механизм осуществления.

Очевидно, что эффективно проводимая работа по профилактике правонарушений со спецконтингентом, содержащимся в СИЗО, оказывает позитивное влияние на состояние как пени-тенциарной преступности, так и преступности в целом. В связи с этим профилактическая деятельность как самостоятельное направление оперативно-служебной деятельности УИС должно развиваться, укрепляться и быть надлежаще закреплено на законодательном уровне.

Список литературы

1. *Аванесов Г.А.* Криминология. М.: Изд-во Акад. МВД, 1984.
2. *Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я.* Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М.: Юнити, 2001.
3. *Гончаров Д.Ю.* Законодательство о предупреждении преступлений // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1 (28). С. 51-57.
4. *Жилко И.А.* Некоторые проблемы правового регулирования исполнения лишения свободы в отношении осужденных, оставленных в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14 (1-4). № 1. С. 30-34.
5. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лу-неева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. 640 с.
6. *Михайленко П.П., Гельфанд И.А.* Предупреждение преступлений – основа борьбы за искоренение преступности. М., 1964.
7. *Савченко А.А., Буганова М.А.* Соотношение понятий профилактики преступлений и предупреждения преступлений в современной юридической доктрине // Современное право. 2010. № 3. С. 112-114.
8. *Титушкина Е.Ю.* Новый этап формирования «профилактического права» // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4 (40). С. 23-26.
9. *Шабанов В.Б., Красиков В.С.* Теоретико-правовые аспекты в сфере предупреждения преступлений // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 22-25.
10. *Шестаков Д.А.* О проекте Кодекса предупреждения преступлений и мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1 (48). С. 13-20.

Лавнов Михаил Александрович
*К.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА*

Аннотация. Развитие цифровых технологий существенным образом сказывается на всех сферах общественной жизни, в т.ч. на уголовном судопроизводстве. При всех благах, которые цифровизация может принести уголовному судопроизводству, присутствуют и аспекты крайне деликатные, если не сказать опасные для базовых ценностей правового государства. В статье рассматриваются наиболее острые аспекты цифровизации уголовного судопроизводства с позиции конституционного права, уголовно-процессуального права, а также теоретических основ организации деятельности органов прокуратуры.

Ключевые слова: доступ к правосудию, прокурор, цифровые технологии, цифровизация, уголовное преследование, защита прав человека.

Lavnov Mikhail Aleksandrovich
*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal Procedure,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
m-lavnov@rambler.ru*

THE LEGAL MODEL OF PROSECUTORS IN THE DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEDURE

Abstract. The development of digital technology has a significant impact on all areas of public life, including criminal justice. Although digitization can bring various benefits to criminal proceedings, there are also some extremely sensitive aspects, in addition to posing a threat to the basic values of a country ruled by law. The article deals with the most acute

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00887 «Правовая модель деятельности прокурора как основа стратегии реформы уголовного процесса».

aspects of digitalization of criminal proceedings from the perspective of constitutional law, criminal procedure law, and the theoretical foundations of the organization of the Prosecutor's office.

Keywords: *access to justice, prosecutors, digital technology, digitization, prosecution, protection of human rights.*

Накопленные уголовно-процессуальной наукой теоретические знания о сущности судопроизводства, его фундаментальных основах и закономерностях развития позволяют взглянуть на бурное развитие цифровых технологий и перспективы их внедрения в правовое поле осмысленно и критически, решив тем самым задачи, имеющие существенное значение для развития современного правосудия по уголовным делам, отвечающего международным стандартам. Крайне значимым на этом пути является правильное позиционирование прокурора как центральной фигуры, отвечающей за уголовное преследование – законное, обоснованное и справедливое. Следует согласиться с А.Ю. Чуриковой, отмечающей, что суть уголовного преследования заключается «не в изобличении лица любыми средствами и способами, а в привлечении к уголовной ответственности действительно виновного, используя исключительно законные методы с должным обоснованием такого вывода» [9, с. 74-78].

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе изучения российского опыта, достижений юридической науки в различных ее сферах раскрыть ключевые элементы правовой модели деятельности прокурора при внедрении цифровых технологий в уголовное судопроизводство. Достижение поставленной цели не представляется возможным без решения конкретных исследовательских задач, среди которых можно выделить следующие: 1) определить наиболее существенные сферы уголовного судопроизводства, которые затрагиваются при развитии науки и техники (в т.ч. цифровых технологий); 2) установить зависимость и совместимость между цифровизацией уголовного процесса и существующей правовой моделью деятельности прокурора; 3) выявить такие формы развития цифровых технологий, которые существенным образом могут затронуть фундаментальные основы построения всего уголовного судопроизводства и органов прокуратуры в частности, а также разграничить их с такими изменениями, которые носят технический (оптимизационный) характер; 4) сформулировать выводы относительно качества со-

временной правовой модели деятельности прокурора и ее значении на пути внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство.

Вопросы внедрения достижений научно-технического прогресса в сферу уголовного судопроизводства всегда представляли особый исследовательский интерес. В XXI в. всеобщая цифровизация общественных отношений является преобладающим трендом, а на страницах юридической литературы постоянно говорится о «цифровизации права», связанных с этим проблемах и перспективах. Реализация внутренней и внешней политики России в сфере цифровых технологий осуществляется в соответствии со Стратегией развития информационного общества Российской Федерации на 2017-2030 годы¹, которая закрепляет, что цифровые технологии стали частью современных управленческих систем по всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. Кроме того, в подп. «б» и «в» п. 29 Стратегии указано, что для устойчивого функционирования информационной инфраструктуры РФ необходимо обеспечить поэтапный переход государственных органов к использованию инфраструктуры электронного правительства, а также обеспечить использование российских средств шифрования для электронного взаимодействия государственных органов между собой, а также с гражданами и организациями. Представленная Стратегия позволяет взглянуть по-новому на все сферы государственной деятельности, включая уголовное судопроизводство, а также на цифровую трансформацию всего общества. Тем не менее, если посмотреть на историю научно-технической революции начала-середины XX в. через призму их влияния на уголовный процесс, то можно заметить достаточно сдержанные преобразования законодательства в сфере производства по уголовным делам, а также спокойное отношение ученых-правоведов к таким изменениям окружающей действительности. Несомненным преимуществом советского периода развития отечественной уголовно-процессуальной науки можно считать то, что бурно развивающиеся технологии правильно понимались в свете уже имеющейся уголовно-процессуальной теории и не противопоставлялись фундаментальным

¹ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Рос. газета. 2017. 15 мая.

началам уголовного судопроизводства. В этом смысле совершенно правильная характеристика соотношения «технической революции и уголовного процесса» дана Л.В Головки, отмечающим, что речь шла о локальной оптимизации процессуальной формы, которая способствовала развитию классической системы правосудия, но не представляла для нее никакой угрозы, в т.ч. с точки зрения доктринальных начал [4, с. 15-25].

На современном этапе развития уголовно-процессуальной науки достаточно часто встречаются радикальные суждения о том, что мы стоим на пути нового уголовного процесса постсостязательного типа, в котором не будет места традиционной процессуальной форме [8, с. 95-102]. С другой стороны, совершенно обоснованной выглядит позиция Л.А. Воскобитовой о том, что только взвешенный и осторожный подход к внедрению цифровых технологий позволит не навредить, а усовершенствовать уголовное судопроизводство, сохранив при этом достигнутый уровень гарантий прав человека [3, с. 104].

Рассмотрим сферы уголовного судопроизводства, в наибольшей степени подверженные влиянию «цифровой революции».

1. Уход от традиционных бумажных носителей информации и перевод уголовного дела в электронную (цифровую) плоскость. Процесс перехода на электронный документооборот (электронное уголовное дело) представляет собой непростую задачу, которая требует многогранного и поэтапного внедрения, включающего в себя техническое переустройство правоохранительных органов и форм их взаимодействия, а также правовое сопровождение таких изменений. При этом в юридической литературе отмечается, что изменение законодательства не может затрагивать лишь технические аспекты введения производства по уголовным делам в электронной форме, а должны предусматривать новую модель досудебного производства, развивающую идеи состязательности и равноправия сторон [2, с. 728-751]. Реалии современной действительности, тем не менее, свидетельствуют о том, что полный отказ от «физической модели» уголовного дела едва ли возможен. Перевод процессуальных документов в цифровую среду, с одной стороны, никак не влияет на их правовую природу, а с другой – не сказывается на их законности, обоснованности, мотивированности и объективности. На практике же это приведет к тому, что производство по уголовному делу будет осуществляться в двух форматах: цифровом и физическом.

2. Цифровизация общественной жизни приведет к тому, что потребуются создание уголовного судопроизводства, отвечающего новым реалиям. Выводы о необходимости изменений подобного рода подкрепляются неочевидными аргументами о том, что человек в XXI в. оставляет много следов в цифровом пространстве, число различного рода средств слежения и фиксации возрастает из года в год многократно, искусственный интеллект позволяет распознавать и идентифицировать личность преступника [1, с. 130-139]. Преимущества цифровых технологий, их доступность для людей являются очевидными и бесспорными. Не вызывает никаких возражений тот факт, что такие инструменты существенно помогают расследованию, раскрытию и разрешению уголовных дел. Но говорить о том, что они позволяют нам сделать «большой скачок» и перейти к уголовному процессу нового типа явно преждевременно. Научно-техническое развитие в таком направлении следует оценивать сдержанно и критически, поскольку такие изменения общественной жизни, при всей их значимости, не затрагивают сущностного содержания уголовного судопроизводства. Такие изменения не влияют на статус участников уголовного процесса, не снижают значимости фигуры следователя, прокурора, судьи, не создают новую систему принципов и не определяют новое назначение всей уголовно-процессуальной деятельности.

3. Доступ к правосудию является одним из основных прав личности в современном государстве и требует особого научного осмысления в условиях быстрого развития науки и техники [6, с. 70-87]. Цифровизация общественной жизни в первую очередь отражается на способах коммуникации людей между собой, а также формах взаимодействия между личностью и государством.

Прокурор, являясь одним из важнейших участников всего уголовного судопроизводства, при этом не определяется законодателем как субъект, отвечающий за качественную реализацию права граждан на доступ к правосудию [7, с. 51-57]. Содержание процессуальной деятельности прокурора, его функциональное назначение и полномочия явно указывают на то, что обеспечение доступа к правосудию является одной из ключевых обязанностей органов прокуратуры в целом. В соответствии с действующей правовой регламентацией прокурор наделен возможностью осуществления надзора при приеме и регистрации сообщений о преступлении, а также надзора за процессуальной деятельностью

органов дознания и предварительного следствия в стадии возбуждения уголовного дела. Кроме того, осуществление функции уголовного преследования в органической связи с правозащитной функцией позволяют прокурору непосредственным образом влиять на обеспечение гражданам, которые не могут по различным причинам отстаивать свои интересы самостоятельно, возможности получить доступ к правосудию и возбуждение уголовного дела в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ.

В настоящее время уголовно-процессуальный закон не предусматривает электронную процедуру подачи и регистрации сообщений о преступлении. В то же время на официальных сайтах Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, Следственного комитета РФ и ряда других органов государственной власти действуют т.н. «интернет-приемные» или подобного рода формы обращения граждан. Правоотношения, связанные с реализацией гражданином права на обращение, в органах прокуратуры регулируются федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹, а также Инструкцией о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации².

С принятием конституционных поправок в 2020 г. закрепились ведущая роль прокурора в организации уголовного преследования, а следовательно и в обеспечении доступа к правосудию на начальном этапе производства по уголовному делу. Цифровизация уголовного судопроизводства в данном направлении представляется перспективной только в том случае, если будет качественно проработана правовая модель деятельности прокурора, позволяющая эффективно управлять деятельностью органов предварительного расследования по изобличению подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления. Реализация Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года³ предполагает разработку

¹ Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (с изм. и доп. от 27 декабря 2018 г., № 528-ФЗ) // Рос. газета. 2006. 5 мая.

² Приказ Генерального прокурора РФ от 30 января 2013 г. № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» (с изм. и доп. от 2 декабря 2020 г., № 668) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Приказ Генерального прокурора РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (вместе с «Концепцией цифровой трансформации ор-

и внедрение единой платформы, обеспечивающей единую систему межведомственного электронного взаимодействия в целях ускорения и автоматизации соответствующих процессов.

Подводя итоги, следует отметить, что перспективу цифровизации уголовного процесса невозможно представить без преобразования существующей правовой модели деятельности прокурора, прежде всего в досудебном производстве. При этом не следует переоценивать значимость развития цифровых технологий и их влияние на фундаментальные основы построения российского уголовного судопроизводства. Концепция введения в правовое поле и соответствующую правоприменительную практику электронного уголовного дела требует понимания и принятия следующих идей. Первое – электронные документы (протоколы следственных действий или процессуальные решения) новой уголовно-процессуальной сущности не приобретают, а способ изготовления того или иного процессуального акта не должен влиять на его законность, обоснованность, мотивированность и достоверность. Второе – особенности уголовно-процессуального познания обстоятельств совершенного преступления полностью невозможно производить на основе «цифровых» данных. В связи с этим говорить о том, что «электронное уголовное дело» – это революция, которая способна решить все наболевшие проблемы досудебного и судебного производства, по меньшей мере преждевременно.

С другой стороны, позитивную сторону цифровизации материалов уголовного дела можно обнаружить, если посмотреть на это честно и с позиции переосмысления модели деятельности прокурора в досудебном производстве. Ретроспективный взгляд на роль прокуратуры в уголовном судопроизводстве позволяет увидеть, что метод постоянного наблюдения за следствием и дознанием исторически свойственен отечественной модели уголовного судопроизводства [5, с. 20]. Следовательно, прокурор должен рассматриваться как полноценный руководитель уголовного преследования, который будет обладать возможностями доступа к материалам электронного уголовного дела в режиме онлайн. Это даст возможность прокурору на качественно новом уровне реализовывать возложенные на него полномочия, связанные как с уголовным преследованием и контролем за деятель-

ганов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года») // СПС «КонсультантПлюс».

ностью органов предварительного расследования, так и более эффективно реализовывать правозащитную функцию в случаях работы с жалобами и обращениями граждан, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность.

Список литературы

1. *Александров А.С.* Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 130-139.

2. *Вилкова Т.Ю., Масленникова Л.Н.* Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов – к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 728-751.

3. *Воскобитова Л.А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 91-104.

4. *Головки Л.В.* Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15-25.

5. *Грачева О.А.* Проверка исполнения закона как основная форма надзора прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018.

6. *Масленникова Л.Н.* К вопросу о первых результатах реализации научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 1. С. 70-87.

7. *Масленникова Л.Н., Таболина К.А.* Роль прокурора в обеспечении доступа к правосудию // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3 (77). С. 51-57.

8. *Смирнов А.В.* 2050 год: постсостязательный процесс? // Уголовная юстиция: связь времен: избр. матер. междунар. науч. конф. (СПб., 6-8 октября 2010 г.) / сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калининский. М.: ЗАО «Актион-Медиа», 2012. С. 95-102.

9. *Чурикова А.Ю.* Осуществление прокурором уголовного преследования в досудебном производстве // Юридическая наука. 2019. № 9. С. 74-78.

Маркунин Роман Сергеевич

*К.ю.н., доцент кафедры теории государства и права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

СИСТЕМА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВА ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ¹

Аннотация. *Статья рассматривает значение и роль системы юридической ответственности органов публичной власти и должностных лиц в процессе борьбы с коррупционными правонарушениями. В процессе анализа юридической ответственности устанавливаются структурные элементы ее системы, которые необходимы для достижения цели обеспечения высокого уровня эффективности работы должностных лиц органов власти. Доказывается уникальность системы юридической ответственности органов власти за коррупционные правонарушения, обусловленная своеобразием властных субъектов. Предлагаются конкретные варианты совершенствования каждого элемента системы и способы его отражения в действующем законодательстве. Особое внимание уделяется нехватке процессуальных норм по вопросам регламентации деятельности должностных лиц, существующей в действующем законодательстве, что приводит к увеличению доли коррупционной составляющей в работе органов власти. В связи с этим делается вывод о необходимости закрепления процессуальных оснований деятельности компетентных лиц, принимающих участие в реализации функций публичных органов власти. Обосновывается позиция, согласно которой выстраивание полноценной системы юридической ответственности публичных органов является одним из эффективных направлений правовой политики, способствующим борьбе с проявлением коррупции в публичной сфере осуществления власти.*

Ключевые слова: *юридическая ответственность, государственный служащий, коррупция, мониторинг, орган власти, дискреционные полномочия.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

Markunin Roman Sergeevich

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Theory State and Law,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
markunin88@yahoo.com*

THE SYSTEM OF LEGAL RESPONSIBILITY OF PUBLIC AUTHORITIES FOR CORRUPTION OFFENSES AND THE PROSPECT OF ITS IMPROVEMENT

Abstract. *The article examines the significance and role of the system of legal responsibility of public authorities and officials in the process of combating corruption offenses. In the process of analyzing legal responsibility, the structural elements of its system are established, which are necessary to achieve the goal of ensuring a high level of efficiency in the work of government officials. The author proves the uniqueness of the system of legal responsibility of the authorities for corruption offenses, due to the originality of the authorities. Specific options for improving each element of the system and ways of its reflection in the current legislation are proposed. Particular attention is paid to the lack of procedural rules on the regulation of the activities of officials, which exists in the current legislation, which leads to an increase in the share of the corruption component in the work of government bodies. In this regard, it is concluded that it is necessary to consolidate the procedural grounds for the activities of competent persons taking part in the implementation of the functions of public authorities. The position is substantiated according to which building a full-fledged system of legal responsibility of public authorities is one of the effective directions of legal policy, contributing to the fight against corruption in the public sphere of power.*

Keywords: *legal responsibility, civil servant, corruption, monitoring, authority, discretionary powers.*

Государственное управление часто характеризуется в виде непрерывного и циклического процесса, который должен проходить с соблюдением всех требований законодательства. В связи с этим важнейшей задачей выступает обеспечение высокого уровня эффективности и законности этого процесса. Одной из главных проблем, которая препятствует выстраиванию результативной деятельности государственного и муниципального управления, является коррупция. Должностные лица в таких случаях совершают действия, не входящие в круг их полномочий, в т.ч. за дополнительное материальное вознаграждение. Подоб-

ные случаи подрывают доверие к работе органов публичной власти в глазах населения, в результате чего растет уровень правового нигилизма среди обычных граждан.

Государственную службу можно характеризовать как специфическую трудовую деятельность, которая связана с рядом ограничений гражданских прав субъектов. Установленные нормативно-правовыми актами запреты призваны выполнять ряд функций, в числе которых выступает ориентация государственного служащего на дисциплинированное и добросовестное осуществление своих прямых обязанностей. Насажение подобных ценностей способствует борьбе с коррупционной деятельностью в рамках работы органов власти. Такие ограничения формируют полноценную систему, которая получает свое отражение в действующем законодательстве. Запреты, связанные с осуществлением государственных функций, в частности, закреплены в федеральных законах «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹ и «О противодействии коррупции»². Среди них можно выделить: обязательное отсутствие близкого родства или свойства (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с гражданским служащим, если замещение должности гражданской службы связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому; отсутствие заболеваний, препятствующих поступлению на гражданскую службу или ее прохождению и подтвержденного заключением медицинской организации; недопустимость гражданства иного государства; открытие счетов в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации и т.д.

Названные запреты носят исключительно императивный характер и служат гарантией надлежащего поведения государственного служащего при осуществлении им своих полномочий. Свое согласие с подобными ограничениями лицо дает добровольно, благодаря чему приходит понимание всей полноты ответственности, лежащей на его плечах. В данном случае ответственность проявляет себя в позитивном аспекте, что связывается

¹ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (от 8 декабря 2020 г., № 429-ФЗ) // Рос. газета. 2004. 31 июля.

² Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (от 31 июля 2020 г., № 259-ФЗ) // Рос. газета. 2008. 30 дек.

с осознанием компетентными лицами необходимости выполнять свои обязанности на должном уровне, ограничивая себя в ряде гражданских прав. В результате с уверенностью можно говорить, что правовой статус государственного служащего неразрывно связан с внушительным перечнем различных запретов и ограничений.

Методы борьбы с коррупцией представляют собой различные средства, в числе которых можно назвать контроль за соответствием расходов и доходов государственных служащих, постоянные проверки и мониторинги их деятельности, в т.ч. с участием институтов гражданского общества, и т.д. Новые способы противодействия коррупционной деятельности в сфере государственной службы связываются с расширением перечня всевозможных ограничений в деятельности не только непосредственно государственного служащего, но и членов его семей. Ряд авторов высказывает мнение об обоснованности запрета родственникам государственного служащего заниматься предпринимательской деятельностью в непосредственно подконтрольной ему сфере. Целью таких запретов является недопустимость создания «семейного бизнеса», выстроенного лишь благодаря использованию государственного ресурса, сосредоточенного в руках должностного лица [4, с. 49]. Подобный административный ресурс может проявляться в различных формах.

Однако помимо ответственности в ее позитивном аспекте особенности правового статуса публичного органа и его должностных лиц неразрывно связываются с наличием мер ответственности в виде неблагоприятных последствий, заключающихся в претерпевании различного рода лишений.

Названные два аспекта юридической ответственности образуют полноценную систему, в которую включаются структурные элементы. Данные части системы взаимосвязаны между собой и представлены в виде субъекта ответственности, меры, основания применения этой меры и процедуры ее реализации.

Коррупционные правонарушения со стороны представителей публичной власти в силу своей специфики придают своеобразие и системе ответственности, которая должна им противостоять. Помимо имеющихся запретов и ограничений у государственных служащих следует подчеркнуть уникальность мер ответственности. К примеру, существование особого реестра лиц, в который включаются сведения граждан, уволенных в связи с утратой до-

верия [2, с. 24]. Такие меры позволяют более эффективно подходить к отбору кандидатов на замещение вакантных должностей государственной и муниципальной службы и отсеивать тех, кто был уличен ранее в коррупционной деятельности. Помимо этого меры ответственности могут способствовать решению ряда иных проблем. В частности, Минфин России выступил инициатором поправок в законодательство, которые позволяли бы осуществлять перечисления в Пенсионный фонд денежных средств граждан, источники получения которых остались неустановленными¹.

Также публичная сфера работы субъектов власти создает необходимость дифференциации применяемых мер ответственности в зависимости от их места в механизме управления [1, с. 35]. В науке вводится понятие «коррупциогенность», которое отражает степень губительных последствий конкретных должностных лиц в случае совершения ими правонарушений коррупционной направленности. Наибольшую опасность составляют правонарушения, совершаемые сотрудниками правоохранительных органов, в обязанность которых входит борьба с коррупционными правонарушениями [3, с. 32]. Подобные примеры отрицательным образом сказываются на уровне законности и приводят к целому перечню дополнительных негативных последствий (рост нигилизма, снижение эффективности работы, подрыв авторитета публичной власти в глазах граждан и т.д.). Все эти действия порочат облик должностного лица, снижают уровень его чести и достоинства в обществе.

Недостаточная проработанность процессуального элемента системы юридической ответственности выступает серьезным недостатком, влияющим на эффективность работы системного явления в целом. Отсутствие необходимых процессуальных норм в работе органов публичной власти дает возможность руководящему звену использовать предоставленные ему полномочия для удовлетворения своих личных целей и различных корпоративных интересов.

Недостаток четких нормативных предписаний в процессе правоприменительной деятельности создают опасность того, что должностное лицо способно исходить из различных мотивов,

¹ «Известия»: Минфин предложил перечислять конфискованные средства в ПФП. URL: <https://ria.ru/20200728/1575017373.html> (дата обращения: 28.07.2020).

которые могут быть не связаны с защитой законности и поддержанием правопорядка. Примером служит ч. 2 ст. 13 Федерального закона «О противодействии коррупции», в которой закреплена мера ответственности лица в виде лишения права занимать определенный перечень должностей государственной и муниципальной служб. Однако этот запрет закрепляется законодательством в диспозитивном виде, не обязывая, а предоставляя лишь право суду применить данный вид уголовного наказания в отношении лица, совершившего коррупционное правонарушение. Считаем, что подобная мера наказания должна применяться в отношении описанных субъектов в обязательном порядке. Наличие в законодательстве четкой регламентации действий государственных органов в лице должностных лиц способствует уменьшению количества правонарушений коррупционной направленности.

Очередной проблемой процедурного элемента системы юридической ответственности можно назвать излишнюю концентрацию должностных полномочий в руках непосредственного начальства. Особая опасность прослеживается в вопросах проведения различных проверок в отношении подчиненных лиц и привлечения их к мерам юридической ответственности. К примеру, исходя из процедуры проведения служебных проверок, закрепленной в ст. 59 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», руководитель обладает широкими полномочиями, которые способны непосредственным образом влиять на ход проведения подобных контрольных мероприятий. Обширные полномочия руководителя имеются в ходе формирования комиссии, действующей во время проведения служебной проверки. При этом комиссия образуется из числа работников того же органа, в котором осуществляет трудовую деятельность проверяемый сотрудник. Подобные процедуры с уверенностью можно считать неэффективными и создающими обоснованное сомнение в объективности и беспристрастности работы названных комиссий.

Ряд научных работ связывает развитие коррупции в нашей стране исключительно с политическими причинами. Подобная проблема не может быть решена до момента установления в государстве подлинного демократического режима и институтов народовластия и политической конкуренции. Эпизодические случаи успехов в антикоррупционной деятельности уполномо-

ченных на это государственных органов не способны существенно изменить сложившуюся практику коррупционной деятельности, которая давно устоялась на различных уровнях публичной власти [4, с. 50].

Весьма продуктивным выглядит анализ опыта зарубежных стран и их успехов по внедрению новых методов противодействия коррупции. В частности интересен пример Швеции, где долгое время функционирует общественный институт по противодействию взяткам. Его целью является предупреждение коррупционного поведения со стороны работников органов публичной власти в процессе взаимодействия как с различными бизнес-структурами, так и с иными властными органами. Однако практика свидетельствует, что ощутимые результаты в рамках борьбы с коррупцией достижимы лишь в случае верного подхода к правовому регулированию института иммунитета должностных лиц. Ярким примером, демонстрирующим подобный довод, выступает законодательство Сингапура, в котором устанавливается, что причастность должностного лица к коррупционной деятельности подтверждается лишь фактом несоответствия между его доходами и расходами за определенный период. Также в ходе борьбы с коррупционной составляющей в зарубежных странах принимаются различные этические кодексы государственных служащих, в которых регламентированы вопросы поведения субъектов при возникновении конфликта между их личными и служебными интересами [5, с. 39].

Подводя итог, можно утверждать, что система юридической ответственности органов власти за коррупционные правонарушения в нашей стране находится на стадии развития. Для повышения уровня ее эффективности многие методы и средства, установленные в зарубежном законодательстве, могут быть использованы в рамках отечественной правовой системы.

Список литературы

1. *Братановский С.Н., Зеленов М.Ф.* Виды и особенности мер по противодействию коррупции на государственной и муниципальной службе // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 2. С. 34-39.
2. *Маркунин Р.С.* Система юридической ответственности государственных гражданских служащих // Государственная служба. 2019. № 6. С. 22-26.

3. *Мельникова Н.А., Крижановский С.В.* Конфликт интересов в системе мер профилактики коррупции на правоохранительной службе // *Российский следователь*. 2015. № 23. С. 30-33.

4. *Покровский О.В.* Административно-правовые средства противодействия коррупции в системе государственной гражданской службы // *Российская юстиция*. 2018. № 3. С. 48-52.

5. *Степанов О.А.* О мерах противодействия коррупции уголовно-правовыми и иными средствами в России и за рубежом // *Международное публичное и частное право*. 2018. № 2. С. 38-40.

Мироненко Сергей Юрьевич

*К.ю.н., доцент, заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии,
Донбасская юридическая академия,
Донецкая Народная Республика, Донецк*

ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ ЗА ПРЕСТУПНОСТЬЮ (ВОПРОСЫ ТЕОРИИ)

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы противодействия преступности, формирование стратегических направлений и средств государственного контроля за преступностью в период проведения экономических, социальных и правовых реформ в государстве. Сделана попытка определить составляющие теоретической модели контроля за преступностью в современных условиях.*

Ключевые слова: *преступность, контроль за преступностью, предупреждение преступлений, криминологическая политика.*

Mironenko Sergey Yurievich

*Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law and Criminology
Donbass Law Academy, Donetskaya Narodnaya Respublika, Donetsk
mironenko-2009@mail.ru*

CRIME CONTROL PROBLEMS (THEORETICAL QUESTIONS)

Abstract. *The article examines the issues of combating crime, the formation of strategic directions and means of state control over crime during the period of economic, social and legal reforms in the state. An attempt is made to determine the components of the theoretical model of crime control in modern conditions.*

Keywords: *crime, crime control, crime prevention, criminological policy.*

В любом обществе существует два барьера росту преступности, используя которые государство осуществляет антикриминальную деятельность:

1) социальный прогресс, т.е. экономическое, научно-техническое и духовное развитие страны;

2) целенаправленное противодействие преступности, традиционно называемое борьбой с преступностью.

Соотношение между этими двумя факторами и их составляющими является непростым и порой противоречивым. Далеко не всегда экономическое благополучие страны сопровождается расцветом культуры и духовности ее населения, а усиление социального контроля зачастую не способствует экономическому и научно-техническому прогрессу и преодолению коррупции чиновников.

Отставание духовного развития от научно-технического прогресса и материального уровня жизни отмечают выдающиеся ученые и писатели. Лауреат Нобелевской премии А.И. Солженицын отмечает, что надежды человечества на то, что экономический прогресс приведет к гуманизации обычаев, не оправдались: «Нравы наши не смягчились с Прогрессом, как было обещано... От этого всего судорожного темпа технологического прогресса и от океана поверхностной информации и низкопробных зрелищ душа человеческая не растет, только мельчает, духовная жизнь снижается, соответственно блекнет наша культура, как ни старается перекричать свое падение опустошительными новинками. Все больше комфорта – и все ниже духовное развитие на среднем уровне» [5, с. 15].

Самым распространенным определением государственных усилий по сдерживанию роста преступности и снижению ее уровня остается «борьба с преступностью». Этот термин официально утвержден в законах, ведомственных актах и названиях подразделений. Однако давно отмечался слишком воинственный характер звучания этих слов. Российский криминалист Л.Е. Владимиров по этому поводу писал: «нельзя провозглашать целью правосудия борьбу с преступностью. И на самом деле, наиболее удобно и успешно борьба могла бы вестись, если бы преступников физически уничтожали. Но государство не воюет с больными и невоспитанными» [2, с. 82].

В криминологической литературе последних лет термин «борьба» часто вытесняется словом «противодействие» и словосочетанием «контроль за преступностью». Научный журнал РАН «Государство и право» провел круглый стол на тему «Укрепление социального контроля – одна из предпосылок решения социально-экономических проблем». По мнению одного из участников дискуссии А.М. Яковлева, «социальный контроль – это контроль

над противоправным поведением, который осуществляется государственными органами и институтами гражданского общества с целью эффективного воздействия на криминогенные факторы среды». [4, с. 54-91]. На наш взгляд, это несколько узкое криминологическое толкование социального контроля за преступностью. Из него выпадает принудительное воздействие на лиц, совершивших преступления, то есть применение уголовного закона.

Социальный контроль за преступностью, который осуществляет государственная власть, реализуется в следующих формах:

- 1) создание и издание уголовного закона;
- 2) применение норм уголовного закона;
- 3) специально-криминологическое предупреждение преступности и отдельных преступлений.

Эти три формы контроля за преступностью взаимосвязаны. Уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное законодательство определяют деятельность оперативно-розыскных служб, органов дознания и досудебного следствия, регламентируют судебное рассмотрение уголовных дел, назначение и исполнение наказаний.

Специально-криминологическое предупреждение преступлений и судебно-следственная деятельность не могут быть действенными без надлежащего кадрового и материального обеспечения, а преодоление разительного имущественного расслоения современного общества будет способствовать тому, что количество мелких корыстных правонарушений, которые совершают ради выживания, будет уменьшаться.

Позитивистские теории, появившиеся в уголовном праве в конце XIX в., начали создание криминологии – науки о преступности, ее причинах, личности преступника и средствах предупреждения. Предупреждение преступлений путем устранения и нейтрализации криминогенных факторов стало рассматриваться как самостоятельное стратегическое направление преодоления преступности.

Соотношение между законодательством, карательными, административно-организационными и криминологически-предупредительными мерами с учетом экономической и социальной ситуации изучается особой наукой – уголовной политикой.

Теория уголовной политики, даже если освободить ее от идеологических наслоений, имеет внутренние логические противоречия. Ведь любая политика как искусство управления государ-

ственными делами касается массовых явлений, в данном случае сотен тысяч людей, которые попали в ловушку уголовной юстиции. Назначение и исполнение наказаний связаны со страданиями конкретных людей. Несправедливо за одни и те же проступки наказывать разными мерами в зависимости от колебаний государственной политики.

Государственная политика, как известно, планируется в соответствии с обстоятельствами. Так и должно быть применительно ко всей государственной деятельности, кроме той, которая касается неотъемлемых прав человека на жизнь, здоровье, честь, собственность и т.д.

Наряду с этим представляется научно-обоснованным и весьма актуальным выдвижение идеи и разработки основных положений «общей теории борьбы с преступностью» как нового направления уголовной политики борьбы с преступностью [3]. На наш взгляд, продолжение подобных научных поисков является крайне необходимым, поэтому была бы целесообразна разработка теоретической модели взаимодействия трех традиционных стратегий антикриминальной деятельности государства: законодательства, его применения и специально-криминологического предупреждения, с учетом криминогенной ситуации, которая сложилась исторически. Прогностическая модель государственного контроля за преступностью будет определять приоритетные направления антикриминальных средств, а также пути усовершенствования системы правозащитных учреждений и повышения ее эффективности. Такая модель особенно нужна государству в периоды больших исторических перемен, перестроек и потрясений.

В конце 80-х гг. прошлого столетия достаточно плодотворную работу в этом направлении проводили ученые Института государства и права АН СССР. Теоретическая модель комплексной программы борьбы с преступностью была адресована правительству СССР в соответствии с общественно-экономическими реалиями того времени и содержала рекомендации не только по контролю за преступностью, но и меры общесоциального характера [1, с. 13].

История, однако, распорядилась иным образом – Советский Союз развалился, и теоретическая модель С.В. Бородина не была реализована. Но методология моделирования, которая имеет предметный характер и учитывает сложившееся положение в го-

сударстве, заслуживает того, чтобы воспользоваться ею в исследовании проблемы контроля за преступностью в наше время. Теоретическая модель антикриминальной деятельности государства должна базироваться на приоритете криминологического предупреждения преступности, т.е. на замене уголовной политики криминологической политикой, которая будет опираться на криминологическое прогнозирование и планирование.

Уголовное законодательство должно быть как можно более стабильным. Только стабильный уголовный кодекс приобретет моральный авторитет, способный сдерживать от соблазна легкомысленных людей. Вместе с тем не следует отрицать возможность создания предпосылок для появления все новых общественно опасных видов корыстного, агрессивного или неосторожного поведения вследствие технологического прогресса и развития коммуникаций. Так, возникла проблема компьютерной преступности, торговли людьми, несанкционированного перемещения радиоактивных материалов и т.п. Одновременно отдельные статьи Особенной части УК теряют свою актуальность. Поэтому изменения и дополнения в законодательстве неизбежны. Но в отличие от средств предупреждения преступности уголовно-правовые меры являются мерами не наступательными, а защитными. Социологическая школа уголовного права называла наказание мерой социальной защиты, и эта терминология была законодательно утверждена советскими кодексами 20-х гг. прошлого века и кодексами некоторых других стран. Не касаясь вопроса юридического обоснования этой терминологии, хочется отметить ее бесспорно оборонительный смысл. Из этого следует, что криминализация асоциальных проявлений как средство контроля за преступностью является справедливой при таких условиях:

- общественно опасные поступки не предусмотрены действующим законодательством, или санкции явно не соответствуют вредным последствиям;
- предупредительные (профилактические) меры, в т.ч. принудительные, оказались недостаточно эффективными.

Недопустимо манипулировать санкциями статей Особенной части УК РФ по политическим или иным эгоистическим соображениям, поскольку это не способствует стабильности уголовного законодательства.

Приоритет предупреждения перед криминализацией общественно вредных поступков тоже является бесспорным. В от-

личие от уголовно-правовых мер противостояния преступности криминологическое предупреждение планируется заранее и имеет наступательный характер. Поэтому, когда обнаруживается пробел в законодательстве или неэффективность отдельных устаревших правовых норм, было бы целесообразным, на наш взгляд, сначала применить все возможные средства предупреждения нежелательных поступков и лишь потом, если этого недостаточно, принимать соответствующие законодательные решения.

Стабильной должна быть практика применения уголовно-правовых норм в дознании, оперативно-розыскной деятельности, досудебном следствии, суде и при исполнении наказания. Кроме законодательного обеспечения, осуществление правосудия требует огромных материальных затрат, соответствующего кадрового и технического потенциала. Стабильность уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства является предпосылкой его эффективности. Вместе с тем неоправданный консерватизм устаревших процессуальных процедур вредит правосудию. Однако должны быть неизменными процессуальные гарантии законных прав и интересов участников процесса и демократические устои судопроизводства. Любые колебания в этом отношении недопустимы. Судебная практика 60-80-х гг. прошлого столетия в значительной мере определялась периодическими кампаниями «усиления борьбы», со значительным усилением репрессий и введением упрощенного порядка расследования и судебного рассмотрения уголовных дел соответствующей категории. Так было во время очередных кампаний в 1966-1967 гг. борьбы с хулиганством и в 1985-1986 гг. борьбы с пьянством. Правоприменительная деятельность должна быть динамичной, а государственная реакция на изменения в криминальной ситуации не может быть стандартной. Сдерживание неблагоприятных тенденций в динамике и структуре преступности достигается ростом интенсивности розыскной и следственной работы, а также сокращением латентной (скрытой) преступности, поскольку официально зарегистрированная преступность составляет мизерную часть фактической. Латентность преступлений, особенно экономических, огромна, что порождает у злоумышленников уверенность в безнаказанности. Уменьшение удельного веса латентности означает повышение эффективности применения уголовно-правовых норм.

Таким образом, можно назвать следующие составляющие теоретической модели контроля за преступностью в современных условиях:

- 1) реальный, а не декларативный приоритет криминологической политики в системе мер по контролю за преступностью;
- 2) стратегия и тактика противостояния неблагоприятным тенденциям в динамике и структуре преступности должны планироваться в виде предупредительных мер и маневра имеющихся материальных, технических и кадровых сил и средств в раскрытии и расследовании преступлений, а также организации эффективной пенитенциарной системы;
- 3) репрессивные изменения в действующем уголовном законодательстве должны рассматриваться как вынужденная мера и вводиться после применения системы профилактических мер;
- 4) важнейшим направлением антикриминального противостояния государства должна быть защита людей от деструктивных посягательств на жизнь, здоровье и другие природные права;
- 5) обеспечение законных интересов лиц, потерпевших от преступлений;
- 6) государственный контроль за преступностью осуществляется одновременно с другими видами социального контроля и взаимодействует с ними;
- 7) эффективность противостояния растущей преступности в значительной мере зависит от проведения экономических и социальных реформ, а также от духовной консолидации общества.

Список литературы

1. *Бородин С.В.* Борьба с преступностью. Теоретическая модель комплексной программы. М.: Наука, 1990.
2. *Владимиров Л.Е.* Уголовный законодатель как воспитатель. М., 1903.
3. *Зеленецкий В.С.* Общая теория борьбы с преступностью. Концептуальные основы. Харків, 1994.
4. Контроль над преступностью в демократическом обществе: Круглый стол // Государство и право. 1993. № 10. С.54–91.
5. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1997.

УДК 343.01

Насиров Немэт Интигам оглы

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

**УНИФИКАЦИЯ
ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА
УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ**

Аннотация. Многолетний опыт исследований и богатейший арсенал научных достижений в области взаимодействия «родственных» отраслей права не снимают отдельные дискуссионные моменты на стыке уголовного и уголовно-исполнительного права. Уголовное и уголовно-исполнительное право наряду с уголовно-процессуальным правом образуют единый комплекс отраслей криминального цикла. В нем уголовному праву отводится базовое место, поскольку оно выступает материальной основой для других указанных отраслей. Находясь между собой в теснейшей связи и взаимозависимости, они призваны решать общую социальную задачу – предупреждение преступлений. Такая генетическая связь между названными отраслями свидетельствует о том, что между их нормами (положениями) по единым конкретным вопросам должна присутствовать целостность, а однородные понятия носить единую смысловую нагрузку. Однако системная ревизия текстов норм и положений УК РФ, УПК РФ и УИК РФ показывает, что между ними присутствуют коллизии, несогласованность. Такое обстоятельство не позволяет в должной мере познать законодательную логику, заложенную в основу той или иной нормы, а в конечном итоге значительно снижает эффективность правоприменительной практики в области уголовно-правовой юстиции. В статье сформулированы теоретические рекомендации и разработаны нормы-проекты, направленные на унификацию категориально-терминологического аппарата уголовного и уголовно-исполнительного законодательства России.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовно-исполнительное законодательство, унификация, предупреждение преступлений, иные меры уголовно-правового характера, наказание, условное осуждение.

Nasirov Nemet Intigam oglu

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
naymat@mail.ru*

UNIFICATION OF THE CONCEPTUAL-CATEGORICAL APPARATUS OF THE CRIMINAL AND PENITENTIARY LEGISLATION OF RUSSIA

Abstract. *Many years of research experience and the richest arsenal of scientific achievements in the field of interaction of «related» branches of law do not remove certain debatable moments at the junction of criminal and penitentiary law. Criminal and penitentiary law, along with criminal procedure law, form a single complex of branches of the criminal cycle. In it, criminal law is given a basic place, since it acts as a material basis for other specified industries. Being among themselves in the closest connection and interdependence, they are called upon to solve a common social task – crime prevention. Such a genetic connection between the named branches indicates that there should be integrity between their norms (provisions) on single specific issues, and homogeneous concepts should carry a single semantic load. However, a systematic revision of the texts of the norms and provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation shows that there is conflict and inconsistency between them. This circumstance does not allow to properly understand the legislative logic underlying this or that rule, and ultimately significantly reduces the effectiveness of law enforcement practice in the field of criminal justice. The article formulates theoretical recommendations and developed norms-projects aimed at unifying the categorical and terminological apparatus of the criminal and penitentiary legislation of Russia.*

Keywords: *criminal law, penitentiary law, unification, the prevention of crimes, other measures criminal-legal nature, punishment, conditional sentence.*

Важную роль в государственной политике России занимает борьба с преступностью, обеспечиваемая отраслями криминального цикла, который образуют уголовное право, уголовно-процессуальное право и уголовно-исполнительное право.

Названные отрасли права посредством «собственных» правовых механизмов обеспечивают общую социальную задачу – предупреждение преступлений. Это означает, что они, сохраняя

самостоятельность, тесно взаимодействуют между собой. Если *уголовное право* в большей степени ориентировано на удержание человека от совершения преступления под угрозой применения наказания [1, с. 174, 3, с. 119], то *уголовно-процессуальное право* регламентирует процессуальный аспект в части осуществления правоприменителем контроля за исполнением правоисполнителем своей уголовно-правовой обязанности по воздержанию от совершения общественно опасного деяния и уголовно-правовой оценки совершенным лицом действиям (бездействию), а *уголовно-исполнительное право* обеспечивает тот же самый результат (удержание человека от совершения преступления) посредством реализации механизма принуждения. При этом следует иметь в виду, что между уголовно-правовым и уголовно-исполнительным удержанием имеются различия. Они воздействуют на разных адресатов и реализуются посредством специфических формул. Так, уголовно-правовое удержание реализует себя через формулу «удержание человека *от перехода* на криминальный путь», а уголовно-исполнительное удержание – «удержание человека *от возврата* на криминальный путь» [2, с. 207].

Уголовное право как право материальное формирует ключевые для уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права правовые категории: преступление, уголовная ответственность, уголовное наказание, освобождение от наказания и т.д. Уголовно-исполнительное право, в свою очередь, определяет порядок исполнения назначенного судом уголовного наказания, освобождения от его отбывания и т.д.

Сказанное свидетельствует о том, что уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство между собой генетически связаны, следовательно употребляемые в их нормах (положениях) правовые понятия (категории) должны иметь однородный характер и одинаковое смысловое значение. Вместе с тем исследования показывают, что в отдельных случаях между их нормами (положениями) встречаются рассогласованность или терминологическая неопределенность.

Если с принятием в 1997 г. нового УИК РФ в нем нашли отражение порядок исполнения всех видов уголовных наказаний, перечисленных в ст. 44 УК РФ, то такого нельзя сказать относительно иных мер уголовно-правового характера, включенных в раздел

VI УК РФ. В отдельных нормах уголовно-исполнительного законодательства нормотворец оперирует категорией «иные меры уголовно-правового характера», в частности ч. 2 ст. 2 УИК РФ провозглашает: «Уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации устанавливаются общие положения и принципы исполнения наказаний, применения иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации». Вместе с тем в УИК РФ отдельный раздел или самостоятельная глава, регламентирующие порядок исполнения иных мер уголовно-правового характера, отсутствуют. Таким образом, законодатель, с одной стороны, включает указанную категорию в текст уголовно-исполнительного законодательства, а с другой – не раскрывает виды иных мер уголовно-правового характера, исполнение которых осуществляется в рамках уголовно-исполнительных правоотношений.

Такое обстоятельство создает иллюзию о том, что уголовно-исполнительное законодательство России определяет порядок исполнения всех иных мер уголовно-правового характера, перечисленных в разделе VI УК РФ, что, конечно, не отражает состояние действующего УИК РФ. Исследования показывают, что употребление понятия «иные меры уголовно-правового характера» в тексте ряда норм уголовно-исполнительного законодательства (ч. 2 ст. 2, ст. 7 УИК РФ) и в названии раздела VI уголовного закона несет в себе разную смысловую нагрузку. В частности анализ действующего УИК РФ и соответствующих ему подзаконных актов¹ позволяет к числу иных мер уголовно-правового характера, исполняемых в рамках уголовно-исполнительных правоотношений, отнести: принудительные меры медицинского характера (ст. 18 УИК РФ), отсрочку отбывания наказания (ст. 177-178.1 УИК РФ), условное осуждение (раздел VIII УИК РФ).

В случае применения в отношении обвиняемого одной из двух последних перечисленных уголовно-правовых мер назначенное судом наказание реально не отбывается, но в то же время такое лицо и не утрачивает статус «осужденного». На такого субъекта судом возлагаются другие обязанности, которые им должны неукоснительно выполняться. Так, на осужденного, в отношении которого применена отсрочка отбывания наказания, возлагается

¹ Приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества // СПС «Консультант плюс».

обязанность осуществлять воспитание и уход за своим ребенком, не достигшим возраста 14 лет. Выполнение осужденным возложенных на него судом обязанностей осуществляется под контролем уголовно-исполнительной инспекции. Таким образом, в рамках уголовно-исполнительных правоотношений адресатом воздействия иных мер уголовно-правового характера, так же, как и наказания, выступает осужденное лицо.

В целях устранения терминологической путаницы, возникающей в связи с одноименностью указанных уголовно-правовых и уголовно-исполнительных понятий, рекомендуем в нормах и положениях уголовно-исполнительного законодательства вместо категории «иная мера уголовно-правового характера» использовать термин «иная мера уголовно-правового воздействия».

Считаем также целесообразным внести изменения и дополнения в ст. 16 УИК РФ. В первую очередь необходимо изменить ее название на «Учреждения и органы, исполняющие наказания и иные меры уголовно-правового воздействия», а далее ч. 13 указанной статьи изложить в следующей редакции:

«13. Условно осужденные и осужденные, в отношении которых отбывание наказания отсрочено, находятся под контролем уголовно-исполнительных инспекций, которые также осуществляют контроль за применением принудительных мер медицинского характера, назначенных в соответствии с частью второй.1 статьи 102 Уголовного кодекса Российской Федерации, и за исполнением осужденными, указанными в части первой статьи 72.1. Уголовного кодекса Российской Федерации, обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. За условно осужденными военнослужащими контроль осуществляется командованием воинских частей».

Анализ норм (положений) УК РФ и УИК РФ, регламентирующих основания и порядок отмены условного осуждения, также показывает, что в них встречаются некоторые разногласия. Например, согласно ч. 2 ст. 74 УК РФ, «если условно осужденный уклонился от исполнения возложенных на него судом обязанностей, уклонился от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, или совершил нарушение общественного порядка, за которое он был привлечен к административной ответственности, суд по представлению органа, указанного в ч. 1 ст. 74 УК РФ, мо-

жет продлить испытательный срок, но не более чем на один год». Прочитированная уголовно-правовая норма позволяет утверждать, что при уклонении условно осужденного от соблюдения установленных законом правил или от выполнения возложенных на него судом обязанностей либо в случае нарушения им общественного порядка, за которое налагалось административное взыскание, могут наступать более строгие юридические последствия – продление испытательного срока для условно осужденного, но не более чем на один год.

При всей ясности приведенного уголовно-правового положения и очевидности законодательной логики, заложенной в его основу, в уголовно-исполнительном варианте регламентации данного вопроса имеется существенная особенность. Так, согласно ч. 1 ст. ст. 190 УИК РФ, «при уклонении условно осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей, уклонении от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, путем сокрытия имущества, доходов, уклонения от работы или иным способом либо при нарушении им общественного порядка, за которое он привлекался к административной ответственности, уголовно-исполнительная инспекция или командование воинской части предупреждает его в письменной форме о возможности отмены условного осуждения. Уклонением от возмещения вреда, причиненного преступлением, признается также невозмещение такого вреда по неважным причинам».

Как видим, изложенные обстоятельства в соответствии с уголовным законом выступают основаниями для продления испытательного срока, а в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством – основаниями для вынесения правоприменителем предупреждения в письменной форме о возможности отмены условного осуждения. Полагаем, что если в период условного осуждения возникают данные обстоятельства, правоприменитель должен руководствоваться требованиями уголовно-правовой нормы. В связи с этим считаем, что ч. 1 ст. 190 УИК РФ должна быть приведена в соответствие с ч. 2 ст. 74 УК РФ.

Список литературы

1. *Блинов А.Г.* Предупреждение преступлений и его уголовно-правовое содержание // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 1. С.171-176.

2. *Насиров Н.И.* Предупреждение совершения нового преступления и его пенитенциарно-правовое содержание // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4. С. 202-210.

3. *Разгильдиев Б.Т.* Социальная результативность уголовного законодательства России и ее виды // Право. Законодательство. Личность. 2014. № 2(19). С. 116-122.

Сидоренко Элина Леонидовна

*Д.ю.н., доцент, профессор кафедры
уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,
директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций,
Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России,
руководитель рабочей группы Госдумы РФ
по оценкам рисков оборота криптовалюты, Россия, Москва*

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВА**

Аннотация. В работе анализируются актуальные вопросы трансформации права в условиях цифровизации. Основное внимание уделяется направлениям и этапам адаптации, определению правового статуса цифровых технологий, их охраноспособности и деликтоспособности. На основе экспертных оценок определяются ключевые параметры правового регулирования цифровых технологий и их продуктов и обосновывается необходимость дополнения гражданского, финансового и информационного права новыми категориями и институтами.

Ключевые слова: цифровизация, трансформация право, авторские и смежные права, объект гражданских прав, юридическая ответственность.

Sidorenko Elina Leonidovna

*Doctor of Law, Professor of the Department
of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics,
Director of the Center for Digital Economics and Financial Innovations,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs, Head of the Working Group
of the State Duma of the Russian Federation on the Assessment
of the Risk of Turnover of Crypto-Currency, Russia, Moscow
12011979@list.ru*

**ADAPTIVE CAPABILITIES OF RUSSIAN LAW
IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION**

Abstract. The article analyzes the current issues of law transformation in the context of digitalization. The main attention is paid to the direction and stages of adaptation, the determination of the legal status of digital

technologies, their security and tort. Based on expert assessments, the key parameters of the legal regulation of digital technologies and their products are determined and the need to supplement civil, financial and information law with new categories and institutions is substantiated.

Keywords: *digitalization, transformation of law, copyright and related rights, object of civil rights, legal liability.*

В условиях активной цифровизации вопрос о трансформации права упирается в вопрос о его готовности адаптироваться к современным цифровым вызовам и реалиям. Адаптивность в большинстве научных теорий рассматривается как свойство органических и неорганических систем, определяющее успешность их существования в меняющейся окружающей действительности [40]. Применительно к праву адаптивность проявляется в его самоактуализации и самореализации. Рассматривая адаптацию права в условиях цифровизации как неизбежный процесс его развития, можно условно выделить составляющие его элементы:

- эвристический (способность конструировать и находить решения на основе детального изучения цифровых процессов и явлений, требующих регулирования);
- коммуникационный (активное взаимодействие с участниками новых правоотношений, поиск консенсуса между новыми потребностями и традиционными правовыми институтами);
- аксиологический (соответствие новых цифровых вызовов основополагающим принципам права);
- эмпирический (поиск наиболее приемлемых моделей регулирования через формирование новой юридической практики).

Идеальной является адаптация, построенная одновременно на четырех элементах. В этом случае она позволяет не только разрешить частные проблемы регулирования, но и представить их в системном единстве с основными идеями, принципами и конструкциями права.

Осознавая важность разработки единой концепции цифрового права, юридическая наука тем не менее обходит вниманием вопрос о стратегии развития права, основанной на его адаптивных возможностях. Ввиду отсутствия теоретического каркаса цифрового права эксперты предпочитают заниматься решением прикладных вопросов регулирования отдельных цифровых технологий. В частности, вопросы правовой регламентации искусственного интеллекта (далее – ИИ) рассматриваются в рамках оценки надежности технологии [35], возможности ее использова-

ния в отдельных сферах юридической деятельности [28]; изменения современного деликтного и контрактного законодательства [14] и др. Правовое регулирование использования беспилотников и иных прорывных технологий анализируется в ключе реформирования специального законодательства (транспортного [1], медицинского [18], информационного [25] и др.).

Большое значение в научной литературе уделяется регулированию смарт-контрактов в контексте оборота ценных бумаг [19], волеизъявления сторон [13], правильного юридического оформления смарт-контрактов [22]. Внимание уделяется и вопросам регулирования криптоактивов. Большинство работ посвящено базовым принципам финансового законодательства [11], регулированию рынка цифровых платежных инструментов [16], вопросам налогообложения [33] и принципам нормотворчества в сфере цифровых финансов [7]. Не менее обсуждаемым является вопрос о правовом статусе больших данных, об их использовании в юридической деятельности [12], моделях правового контроля [20] и правовых рисках использования больших данных [23].

Несмотря на глубину проработки отдельных правовых проблем, большинство исследователей так и не приблизилось к ответу на вопрос о том, на основе каких реперных точек должна оцениваться адаптивность права в эпоху цифровизации.

Не претендуя на бесспорность позиции, считаем возможным оценивать адаптивные возможности современного права через две группы факторов:

1) правовые категории и институты, задающие общий тон цифровой трансформации права: юридическая природа цифровых технологий как объектов гражданских прав, их охраноспособность и деликтоспособность;

2) частные вопросы регулирования отдельных технологий: Интернета вещей, ИИ, больших данных, машинного обучения, беспилотных летальных объектов, роботов и др., а также ряд ранее обозначенных общих вопросов, приобретающих новое звучание применительно к отдельным технологиям.

Решение первого блока вопросов предполагает использование эвристических и аксиологических инструментов адаптации, второй блок ориентирован на применение коммуникационного и эмпирического инструментария.

Первой реперной точкой, позволяющей оценить адаптивные возможности права в условиях цифровизации, является **охрано-**

способность цифровых технологий и их продуктов. Под охраноспособностью цифровых технологий понимается их способность выступать объектом гражданских и интеллектуальных прав, и в этом смысле важным является вопрос о том, допустима ли эмансипация (отграничение) вещного и авторского права от традиционных правовых институтов.

Противники эмансипации настаивают на том, что в основу права нельзя поставить искусственный интеллект и машинное обучение. Ими нельзя заменить фундаментальные принципы права, поскольку эти принципы веками вырабатывались тем способом, который в сфере ИИ называется «закрепляющим обучением», а человеческое поведение в основе своей слишком иррационально и непоследовательно [9].

Сторонники, напротив, видят в эмансипации естественный конфликт общественных и частных интересов в цифровом мире и рассматривают возможность признания за цифровыми технологиями правосубъектности, если они «обладают функциональной самостоятельностью, приобретают стоимость и полезность в экономическом смысле» [41].

В действующем российском законодательстве к объектам гражданских прав наряду с вещами и иным имуществом относятся и цифровые права. Они представляют собой вид имущественных прав и упоминаются наряду с интеллектуальными правами, что дает основание некоторым исследователям отрицать возможность отнесения цифровых объектов к объектам защиты авторских прав. Они определяются как обязательственные и иные права, осуществление, распоряжение и ограничение которых возможны только в информационной системе (ст. 141.1 ГК РФ), и в силу этого имеют весьма ограниченное применение.

В итоге за рамками правового регулирования остается целый блок вопросов, связанных с использованием этих прав вне рамок цифровой среды, а именно использование результатов осуществления прав (обобщения и анализа больших данных, результатов машинного обучения и др.).

Если в российском праве отправной точкой регулирования цифровых прав является их связь с информационной системой, то в англосаксонском праве охраноспособность цифровых объектов связывается с их отношением к имуществу [31]. С этих позиций цифровые технологии приобретают статус объектов гражданских прав, равно как и продукты, созданные на основе использо-

вания этих технологий. Таким образом, в англосаксонском праве гораздо легче ответить на вопросы о том, кому принадлежат:

- а) новый код самообучающейся программы, в котором воплощен ее «опыт» выполнения команд;
- б) права на произведения, создаваемые такими программами и роботами;
- в) кто несет имущественную и иную ответственность за негативные последствия применения цифровых технологий или их продуктов.

Однако для поступательного и успешного развития цифровой экономики опыта отдельных стран недостаточно. Важно выработать единый универсальный подход к признанию цифровых технологий, продуктов и прав объектами гражданских правоотношений. Полагаем, данный подход должен быть основан на следующих методологических положениях:

1) признание цифрового продукта или явления объектом гражданских прав не должно основываться на установлении его материальной сущности или экономической ценности. Как правило, цифровые объекты обладают комплексной правовой природой и могут быть одновременно рассмотрены и с позиции интеллектуальных, и с позиции вещных (имущественных) прав;

2) в оценке цифровых технологий следует основываться на правовой модели, максимально приближенной к юридической сущности отношений и способной обеспечить баланс частных и публичных интересов в цифровом обороте;

3) в выработке универсального подхода к регулированию цифровых технологий как объекта гражданских прав необходимо исходить из объективной эмансипации цифрового права от традиционных правовых институтов. Иными словами, адаптивные возможности традиционного права применительно к цифровым технологиям являются весьма ограниченными ввиду многофункциональности объектов, технической насыщенности, неопределенности задач регулирования и возможных рисков их внедрения в гражданский оборот.

Охраноспособность в авторском праве. Говоря о развитии интеллектуальных прав в цифровой сфере, важно отметить, что одним из самых актуальных является выбор между предоставлением права на результаты использования цифровых технологий частным лицам или признанием их общественным достоянием. Из этого фундаментального вопроса вытекает ряд дополнитель-

ных, связанных с 1) охраной объектов, созданных с помощью цифровых технологий, 2) определением цифровой формы существования виртуального произведения; 3) квалификацией содержащего цифровых платформ, 4) возможностью изменения природы распоряжения исключительным правом на охраняемый объект в связи с его существованием в цифровой среде, 5) совместным использованием исключительных прав при краудсорсинге и др.

Однако, каким бы ни было решение, очевидно, что оно не может быть принято прежде, чем будет определена юридическая природа прав на продукты деятельности цифровых технологий, в частности ИИ. Трудности связаны и с объективными характеристиками цифровых продуктов: высокая степень повторимости получаемых от применения этих технологий результатов, низкий вклад творческого труда человека, автоматизация отдельных процессов, невозможность разграничить творческую и нетворческую составляющую, сложность разграничения прав автора и прав составителя и др. В первую очередь это касается цифровых платформ и платформенных решений, баз данных, алгоритмов обработки данных, созданных в процессе машинного обучения, и др.

Цифровая экономика ставит перед правом вопрос о том, как должна быть выстроена защита результатов интеллектуальной деятельности и максимально полно соблюдены интересы создателей, пользователей и инвесторов. В науке и практике обоснованно рассматривается три возможных модели защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности:

рассмотрение продуктов цифровых технологий сквозь призму авторских прав. Этот подход взят за основу в Директиве Европейского союза № 96/9/ЕС¹ в случаях, когда цифровые объекты соответствуют критерию оригинальности подбора и обработки данных.

Однако при таком подходе сводится на нет разница между автором и обладателем технологии. Кроме того, могут возникнуть трудности в разграничении авторства в случаях, когда, например, на основе цифрового решения (цифровой платформы, блокчейн реестра, облачной технологии) одного автора создается продукт другого автора, а равно в случаях переноса части данных из одной авторской системы в другую без согласия изготовителя

¹ Directive N 96/9/EC of the European Parliament and of the Council of 11 March 1996 on the legal protection of databases // OJ L 77. 27.03.1996. P. 20-28

первой базы. Помимо этого предлагаемое решение входит в противоречие с одним из основных принципов авторского права – охраной произведения, имеющего оригинальную, неизменную и единичную форму. Цифровые решения, как правило, имеют множественность форматов представления, способов и методов кодирования, а это исключает возможность их рассмотрения как неделимого оригинального произведения;

регулирование цифровых технологий в формате смежных прав. Этот подход в большей мере характерен для российского права, где деятельность изготовителей баз данных или иных цифровых продуктов определяется как организационно-техническая [24]. В этом случае создатели и разработчики архитектуры баз данных приобретают исключительное право на результаты интеллектуального труда в целом. Но в этом случае размываются границы смежных прав, и создается риск ущемления прав пользователей цифровых продуктов;

введение самостоятельного института интеллектуальных прав на цифровые объекты, который бы сочетал в себе и имущественные, и неимущественные права, а также отражал технологическую специфику охраняемых объектов [8; 41]. Разработка принципиально нового механизма позволит выстроить корректную модель регулирования отношений, связанных с использованием продуктов цифровых технологий (произведений, созданными роботами, кодов самообучающихся программ и др.).

Следующим важным вопросом является придание цифровым технологиям **свойства правосубъектности**. Это предложение вышло за рамки теории. Уже сейчас роботы и объекты роботехники предлагается признать субъектами обязательственных прав и рассматривать их в качестве агентов при заключении договоров с третьими лицами, которые действуют от имени своего владельца и от своего имени [39, с. 71]. В частности, в праве Аризоны роботам-курьерам предоставлены все права и обязанности пешеходов, за исключением обязанности уступать дорогу пешеходам¹.

В традиционном праве правосубъектность – это совокупность правоспособности, дееспособности и деликтоспособности. Сегодня выделяются три вида правоспособности: физических лиц,

¹ Arizona law gives delivery robots same rights as pedestrians – but they must abide by same rules. URL: <https://www.foxnews.com/tech/arizona-law-gives-delivery-robots-same-rights-as-pedestrians-but-they-must-abide-by-same-rules> (дата обращения: 22.09.2020).

корпораций и публично-правовых образований. При этом расширение данного перечня осуществлялось постепенно по мере необходимости введения новых участников оборота. В частности, придание правосубъектности юридическим лицам потребовало изменения подходов к пониманию воли, интереса, мотивом и воли субъекта. В этой части отрицание правосубъектности цифровых технологий ввиду отсутствия у них волевого компонента вряд ли целесообразно [30].

Гораздо важнее оценивать технологии сквозь призму правосубъектности корпораций, а именно с позиции их автономности и возможности принимать самостоятельные решения. К этим свойствам можно также добавить способность к самообучению и возможность изменять алгоритм действий самостоятельно.

Следует, однако, заметить, что современные цифровые технологии обладают различной степенью самостоятельности. Можно ли применить к ним единые правила правосубъектности, или они должны быть дифференцированы? В современном праве этот вопрос пока не нашел своего решения.

В случае признания правосубъектности ИИ и других цифровых технологий важно будет решить и такие вопросы, как страхование гражданской ответственности, критерии определения возможной опасности деятельности роботов, установить правила деликтоспособности цифровых технологий, определить порядок учета и регистрации новых субъектов правоотношений.

В целом, сама идея правосубъектности цифровых технологий разумна, но она должна приравниваться не к правосубъектности физических лиц, а к правосубъектности корпораций. Как отмечают эксперты, признание правосубъектности у роботов возможно, поскольку ранее уже была признана правосубъектность международных объединений, в частности ООН [5].

Важно учитывать и автономность цифровых объектов. От того, насколько технология зависима от человека, будет определяться и ее деликтоспособность.

Прикладные юридические вопросы. Говоря о трансформации права в условиях цифровизации, нельзя не отметить важность узкоприкладного подхода, когда через решение частных вопросов регулирования отдельных технологий эксперты в конечном счете выходят на решение общетеоретических проблем адаптации права. В частности, нуждаются в решении вопросы, связанные с применением ИИ.

Возникают трудности в определении ответственных лиц за ошибки, допущенные цифровыми устройствами. Экспертами широко обсуждается ответственность ИИ «Ватсон» от IBM, который диагностирует рак в Южной Корее. Они приходят к выводу, что ответственность должны нести создатели «Ватсона» и связанные с ним медицинские сотрудники [4].

Помимо вопросов регулирования деятельности широко обсуждается создание правовых гарантий безопасности ИИ и роботов. В частности, К. Чесман и Т. Хьюман ставят вопрос о применении к роботам правил обращения с животными, вплоть до установления ответственности за жестокое обращение с похожими на живых существ роботами или ИИ, поскольку созерцание этого жестокого обращения может причинить психический вред человеку [4].

В связи с активным внедрением ИИ и машинного обучения возникает задача определения возможных границ использования технологии в юридической деятельности. Как отмечает большинство экспертов, принятие юридических решений не может быть автоматизировано в силу того, что в нем слишком много оценочных суждений, нормы рассчитаны на применение с опорой на интуицию и с учетом контекста, как и сама справедливость в любой форме [34].

Данный подход видится чрезвычайно категоричным, особенно в свете того, что цифровые технологии уже давно используются в деятельности юристов. Вопрос заключается в том, как это участие должно быть оформлено и как может быть выделена мера ответственности машин за конечное решение.

По справедливому замечанию Р. Каттервела, машинное обучение и ИИ могут быть использованы для автоматизированного толкования договоров. Однако если одни положения вполне могут толковаться машиной, то другие не могут. Основных ограничений здесь два: 1) некоторые положения относительны, интуитивны и скорее являют собой «вопрос впечатления»; 2) некоторые положения могут быть истолкованы только с учетом мнения сторон и их обстоятельств. Потому машинное обучение может только помочь юристам, но не заменить их при толковании договоров [2].

В связи с этим обоснованным выглядит разграничение полномочий человека и машины в части принятия решений. ИИ может взять на себя функцию обработки данных и их анализа, а человек

– принятие решения на основе критического анализа подготовленной ИИ информации.

Много вопросов возникает и при использовании Интернета вещей. Юристы подчеркивают недостаточную защиту персональных данных пользователей «умных» вещей, потому что устройства часто собирают и обмениваются информацией без ведома владельцев, могут обмениваться информацией трансгранично и т.д. [27]. Проблема заключается в том, что положения действующего законодательства, в частности Общего регламента по защите данных ЕС (GDPR), не учитывают использование Интернета вещей и умных домов, а буквальное применение норм в одних случаях может возложить на создателей устройств неоправданно высокую ответственность, а в других – создать риски кибербезопасности [3].

Вопрос о защите персональных данных возникает и в связи с использованием облачных технологий. Даже самый современный и жесткий Общий регламент по защите данных (GDPR) на практике неприменим к обработке персональных данных облачными технологиями, в частности потому, что может быть невозможно установить контролеров и провайдеров данных, и, более того, сам факт сбора данных программой может остаться втайне ото всех [10].

Не меньше вопросов вызывает и обмен данными, находящимися в облачных хранилищах. В настоящее время данные, которые могут быть нужны в ходе уголовного следствия в Стране 1, могут оказаться под контролем в Стране 2. Современные международные договоры о взаимной правовой помощи, однако, не могут помочь Стране 1 получить данные из облака Страны 2, а простая международная вежливость оставляет слишком большую свободу усмотрения, о чем свидетельствует судебная практика в делах *Microsoft Ireland* или *the Yahoo! Belgium*. Поэтому эксперты предлагают странам начать переговоры по поводу заключения международных договоров об обмене информацией [36].

Говоря о правовом регулировании цифровых технологий, нельзя не сказать и о прикладных аспектах использования беспилотников (дронов). Хотя в законодательстве многих стран, включая Россию, уже появились нормы, ограничивающие использование дронов, по-прежнему открытым остается вопрос о защите личной жизни. В частности, ни одна страна мира не предоставля-

ет собственникам земельных участков должной правовой защиты против злонамеренных действий владельцев дронов, которые могут использовать беспилотники, чтобы фактически вторгаться на чужую территорию и вмешиваться в частную жизнь [15]. Не решен вопрос о собранной дронами информации и возможности ее использования владельцами [17].

Подводя итог настоящему исследованию, важно подчеркнуть, что современное законодательство приступает к первой стадии адаптации, когда только исследуются закономерности и вызовы цифровизации. Фактически формируется пласт аксиологических и эвристических задач через выбор стратегии развития права: стимулирования развития цифровой экономики (стратегия поступательного развития) или минимизации рисков ее использования (стратегия безопасности).

Не отрицая важность этого направления, следует, однако, отметить необходимость более последовательного и системного подхода к разработке цифрового права через обращение к двум фундаментальным вопросам:

- могут ли традиционные правовые конструкции быть адаптированы к реалиям цифровой экономики или необходима разработка принципиально новых законов?
- как может быть выстроена модель универсализации права транснациональных технологий?

Решение первого вопроса напрямую зависит от того, как современная юриспруденция будет оценивать правосубъектность и охраноспособность цифровых технологий. Проведенное исследование показало, что налицо маргинализация традиционного права в свете развития цифровых технологий, а потому использование старых конструкций может привести лишь к мозаичному регулированию без резервов для дальнейшей адаптации.

Поступательное развитие цифровой экономики невозможно без разработки и принятия принципиально новых правовых конструкций с запасом прочности на перспективу. В частности, в кардинальном пересмотре нуждается вопрос о правосубъектности технологий, авторское и смежное право, ответственность машин и страхование. Важно также отметить, что разработка этих моделей должна вестись на уровне не отдельного государства, а международного сообщества для обеспечения универсализации права.

Список литературы

1. *Bassi E.* (2020). From Here to 2023: Civil Drones Operations and the Setting of New Legal Rules for the European Single Sky // Journal of Intelligent & Robotic Systems. Available at Springer Professional: <https://www.springerprofessional.de/from-here-to-2023-civil-drones-operations-and-the-setting-of-new/17841218> (access date: 03/23/2020).
2. *Catterwell R.* (2020). Automation in Contract Interpretation // Law, Innovation and Technology Journal. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3542549> (access date: 03/23/2020).
3. *Chen J., Edwards L., Urquhart L., & McAuley D.* (2019). Who Is Responsible for Data Processing in Smart Homes? Reconsidering Joint Controllership and the Household Exemption // Edinburgh School of Law Research Paper. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3483511> (access date: 03/23/2020).
4. *Chessman C.* (2018). Not Quite Human: Artificial Intelligence, Animals, and the Regulation of Sentient Property // SSRN Electronic Journal. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3200802> (access date: 03/23/2020).
5. *Chung J., Zink A.* (2017). Hey Watson, Can I Sue You for Malpractice? Examining the Liability of Artificial Intelligence in Medicine // Asia-Pacific Journal of Health Law, Policy and Ethics. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3076576> (access date: 03/23/2020).
6. *Custers B.H.M. & Leeuw F.L.* (2017). Legal Big Data // Toepassingen voor de rechtspraak en juridisch onderzoek, Nederlands Juristenblad. Available at SSRN: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3196084 (access date: 03/23/2020).
7. *Edwards F.R., Hanley K., Litan R. & Weil R.L.* (2019). Crypto Assets Require Better Regulation: Statement of the Financial Economists Roundtable on Crypto Assets // Financial Analysts Journal. Available at SSRN: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0015198X.2019.1593766> (access date: 03/23/2020).
8. *Entin V.L.* (2017). Copyright in Virtual Reality // New Opportunities and Challenges in Digital Age.
9. *Fernández-Villaverde J.* (2020). Simple Rules for a Complex World with Artificial Intelligence // PIER Working Paper. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3559378> (access date: 03/23/2020).
10. *Fosch Villaronga E. & Millard C.* (2018). Cloud Robotics Law and Regulation // Queen Mary School of Law Legal Studies Research Paper.

Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3305353> (access date: 03/23/2020).

11. *Giudici G., Milne A. & Vinogradov D.* (2019). Cryptocurrencies: Market Analysis and Perspectives // *Economia e Politica Industriale*. Available at ResearchGate: https://www.researchgate.net/publication/335869065_Cryptocurrencies_market_analysis_and_perspectives (access date: 03/23/2020).

12. *Goanta C.* (2017). Big Law, Big Data // *Law and Method*. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3166290> (access date: 03/23/2020).

13. *Gomes S.* (2018). Smart Contracts: Legal Frontiers and Insertion into the Creative Economy // *Brazilian Journal of Operations & Production Management*. 2018. Vol. 15. Iss. 3. P. 376-385.

14. *Hacker P., Krestel R., Grundmann S. & Naumann F.* (2020). Explainable AI Under Contract and Tort Law: Legal Incentives and Technical Challenges // *Artificial Intelligence and Law*. Available at ResearchGate: https://www.researchgate.net/publication/338685551_Explainable_AI_under_contract_and_tort_law_legal_incentives_and_technical_challenges (access date: 03/23/2020).

15. *Holden P.* (2016). Flying Robots and Privacy in Canada // *SSRN Electronic Journal*. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2571490> (access date: 03/23/2020).

16. *Huang R., Yang D. & Loo F.* (2020). The Development and Regulation of Cryptoassets: Hong Kong Experiences and a Comparative Analysis // *European Business Organization Law Review*. Available at SSRN: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3544034 (access date: 03/23/2020)

17. *Kaminski M.E.* (2015). Robots in the Home: What Will We Have Agreed To? // *Ohio State Public Law Working Paper*. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2592500> (access date: 03/23/2020).

18. *Konert A., Smereka J. & Szarpak Ł.* (2019). The Use of Drones in Emergency Medicine: Practical and Legal Aspects // *Emergency Medicine International*. Available at PubMed.gov: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31871790/> (access date: 03/23/2020).

19. *Lee J.* (2019). Smart Contracts for Securities Transactions on the DLT Platform (Blockchain): Legal Obstacles and Regulatory Challenges // *SSRN Electronic Journal*. Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3523317> (access date: 03/23/2020).

20. *Lei C.* (2019). Legal Control over Big Data Criminal Investigation // *Social Sciences in China*. Available at ResearchGate: <https://www>.

researchgate.net/publication/335010293_Legal_Control_over_Big_Data_Criminal_Investigation (access date: 03/23/2020).

21. *Lin C., Shah K., Mauntel C. & Shah S.* (2017). Drone Delivery of Medications: Review of the Landscape and Legal Considerations // American Journal of Health-System Pharmacy. <https://academic.oup.com/ajhp/article-abstract/75/3/153/5102071?redirectedFrom=fulltext> (access date: 03/23/2020).

22. *Liu Y. & Huang J.* (2019). Legal Creation of Smart Contracts and the Legal Effects // Journal of Physics: Conference Series. <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1345/4/042033> (access date: 03/23/2020).

23. *Low K. & Mik, E.* (2019). Pause the Blockchain Legal Revolution // International and Comparative Law Quarterly. Available at SSRN: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3439918 (access date: 03/23/2020).

24. *Maggon H.* (2006). Legal Protection of Databases: An Indian Perspective // Journal of Intellectual Property Rights. Vol. 11. P. 140-144.

25. *Marquès M.C.* (2019). Recreational Drones: Legal Framework, Civil Liability and Data Protection // Revista de Derecho Civil. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2773598> (access date: 03/23/2020).

26. *Modh K.* (2015). Drones and Their Legality in the Context of Privacy // SSRN Electronic Journal. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2773598> (access date: 03/23/2020).

27. *Mohamed S. & Zulhuda S.* (2015). The Concept of Internet of Things and its Challenges to Privacy // South East Asia Journal of Contemporary Business, Economics and Law. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3513673> (access date: 03/23/2020).

28. *Mowbray A., Chung P. & Greenleaf G.* (2019). Utilising AI in the Legal Assistance Sector – Testing a Role for Legal Information Institutes // LegalAIIA. Available at SSRN: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3379441 (access date: 03/23/2020).

29. *Pike G.H.* (2015). Legal Issues: The Internet of Drones // SSRN Electronic Journal. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2963623> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2963623> (access date: 03/23/2020).

30. *Ponkin I.V. & Redkina A.I.* (2018). Artificial Intelligence from a Legal Viewpoint (available in Russian) // Peoples' Friendship University of Russia Bulletin. Ser.: Juridical Sciences. № 1. V. 22. P. 91-109.

31. *Rahmatian A.* (2013). Originality in UK Copyright Law: the Old “Skill and Labour” Doctrine Under Pressure // *International Review of Intellectual Property and Competition Law*. Vol. 44 (1). P. 4-34.

32. *Sanz Bayón P.* (2019). Key Legal Issues Surrounding Smart Contract Applications // *KLRI Journal of Law and Legislation*, Vol. 9. No. 1. P. 63-91.

33. *Sixt E. & Himmer K.* (2019). Accounting and Taxation of Cryptoassets // *SSRN Electronic Journal*. Available at SSRN: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3419691 (access date: 03/23/2020).

34. *Wachter S., Mittelstadt B. & Russell C.* (2020). Why Fairness Cannot Be Automated: Bridging the Gap Between EU Non-Discrimination Law and AI // *SSRN Electronic Journal*. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3547922> (access date: 03/23/2020).

35. *Yu R. & Ali G.* (2019). What’s Inside the Black Box? AI Challenges for Lawyers and Researchers // *Legal Information Management*. Vol. 19. P. 2-13.

36. *Yunquera R.* (2018). One Cloud in the Sky and Conflicting Laws on the Ground: Regulating Law Enforcement Access to E-Evidence in Cloud Computing in the European Union and the United States // *Mayer Brown Legal Business Prize*. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3271580> (access date: 03/23/2020).

37. *Zimmerman E.* (2015). Machine Minds: Frontiers in Legal Personhood // *SSRN Electronic Journal*. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2563965> (access date: 03/23/2020).

38. *Гурко А.* Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // *Авторское право и смежные права*. 2017. № 12. С. 7-18.

39. *Незнамов А.В., Наумов В.Б.* Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // *Закон*. 2018. № 2. С. 69-89.

40. *Ростовцева М.В.* Адаптивность как отношение личности и общества: социально-философский аспект: автореф. ... дис. канд. философ. наук. Красноярск, 2010.

41. *Харитонов Ю.С.* Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта // *Современные информационные технологии и право: монография / отв. ред. Е.Б. Лаутс*. М.: Статут, 2019. С. 68-83.

УДК 342.922

Смагина Тамара Алексеевна

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры
административного и муниципального права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

Вишнякова Полина Владимировна

*Студент 3 курса
Института правоохранительной деятельности,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

Трушин Артём Олегович

*Студент 3 курса
Института правоохранительной деятельности,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД
НА РЕФОРМУ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ**

Аннотация. *Рассматриваются вопросы, поставленные перед федеральным законодателем в части расширения правового статуса работников уголовно-исполнительной системы (далее УИС). Глобальная цифровизация требует усиления штата учреждений УИС высококвалифицированными специалистами и влечёт реформирование структуры этих учреждений.*

Ключевые слова: *пенитенциарная система России, уголовно-исполнительная система, сотрудники уголовно-исполнительной системы, колонии-поселения.*

Smagina Tamara Alekseevna

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Administrative and Municipal Law,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
ta-smagina@mail.ru*

Vishnyakova Polina Vladimirovna

*3rd year Student of the Institute of Law Enforcement,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
polina.vishnyakova.2018@list.ru*

Trushin Artem Olegovich

*3rd year Student of the Institute of Law Enforcement,
Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
artem.trushin.2000@mail.ru*

ADMINISTRATIVE AND LEGAL VIEW ON THE REFORM OF THE RUSSIAN PENITENTIARY SYSTEM

Abstract. *The issues raised by the Federal legislator in terms of expanding the legal status of employees of the criminal-executive system are considered. Global digitalization requires the strengthening of the staff of penal institutions with highly qualified specialists and entails reforming the structure of these institutions.*

Keywords: *penitentiary system of Russia, penal enforcement system, employees of penal institutions, colonies-settlements.*

Административное реформирование современной правоохранительной системы России периодически обуславливает изменения в пенитенциарной системе. Главной проблемой современной пенитенциарной системы является ее архаичность и труднодоступность в части контроля и надзора за осуществляемой деятельностью. Вопросы реформирования структуры пенитенциарной службы не один год находятся на повестке дня заседаний рабочих групп на уровне Совета по правам человека при Президенте РФ¹ и высшего руководства Федеральной службы исполнения наказаний (далее ФСИН)². Следует отметить, что развитие правовой базы уголовноисполнительной системы (далее УИС) осуществляется планомерно в соответствии с концептуальными воззрениями³.

Успешно реализуя политику государства в установленной сфере, ФСИН находится на страже устоев правопорядка и стабильности на территории нашей страны. Она является централь-

¹ Заседания постоянных комиссий и рабочих групп Совета. URL: <http://president-sovet.ru/events/work/groups/read/156/> (дата обращения: 25.05.2020).

² Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (с изм. и доп. от 4 ноября 2019 г., № 542) // СЗ РФ. 2004. № 42, ст. 4109.

³ Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» (с изм. и доп. от 23 сентября 2015 г., № 1877-р) // СЗ РФ. 2010. № 43, ст. 5544.

ным органом УИС, который включает учреждения, исполняющие наказания, и территориальные органы в субъектах РФ, а Минюст России¹ осуществляет выработку и реализацию государственной политики в сфере исполнения уголовных наказаний, что находит выражение в издании подзаконных актов.

УИК РФ, претерпевший в последнее время ряд изменений, устанавливает вектор, направленный на открытие новых учреждений УИС на территориях при крупных предприятиях, а на государственных стройках – филиалы колоний-поселений. Тем самым усматриваются принципиально актуальные вопросы, требующие ответственных решений государства, которые реально, а не декларативно будут обеспечивать цель исправления осуждённого через призму трудовой обязанности.

Административное реформирование влечёт для пенитенциарной системы изменения, касающиеся и служебной деятельности сотрудников УИС. Полагаем, что основа реформирования рассматриваемой системы может начинаться только с установления устойчивого правового статуса лиц, обеспечивающих деятельность УИС, в т.ч. в уголовно-исполнительных инспекциях, исправительных колониях общего, строгого, особого режимов, колониях-поселениях, следственных изоляторах, лечебных исправительных учреждениях, исправительных центрах, тюрьмах, воспитательных колониях для несовершеннолетних². При установлении правовых гарантий для сотрудников УИС законодателью необходимо учитывать значительное количество функций, выполняемых сотрудниками, в т.ч. безопасность, охрана, оперативная работа, социальная, психологическая и воспитательная работа, трудовая занятость, медицинское обеспечение, тыловое обеспечение и др. Возможность овладеть усовершенствованными

¹ Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» (с изм. и доп. 6 августа 2020 г., № 494) // СЗ РФ. 2004. № 42, ст. 4108.

² Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (с изм. и доп. от 27 декабря 2019 г., 3 487-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33, ст. 1316; Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» (с изм. и доп. от 30 декабря 2020 г., № 517-ФЗ) // СЗ РФ. 2018. № 30, ст. 4532; Указ Президента РФ от 15 августа 2019 г. № 382 «Об утверждении перечня типовых должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и соответствующих им специальных званий» // СЗ РФ. 2019. № 33, ст. 4808.

ми в современной действительности коммуникационными технологиями, в т.ч. позволяющими воздействовать на поведение граждан в условиях изоляции от общества, значительно повысит социальный статус сотрудников УИС и будет являться одним из критериев профилактики их профессиональной деформации.

Структурные изменения прогнозируются и нормами подзаконных актов, устанавливая, что на базе организаций (неподведомственных ФСИН) могут создаваться колонии-поселения, а порядок создания и функционирования данных участков будет определяться Минюстом России¹. Вопрос о расширении в учреждениях УИС условий для трудоустройства осужденных всегда находится на повестке дня. При этом возникает резонное размышление, не вернётся ли государство к самостоятельной системе лагерей по принципу, существовавшему во времена ГУЛАГ [1]. Несомненно, поднятие экономической мощи государства напрямую зависит от наличия рабочей силы, потенциал которой должен соответствовать определённым квалификационным критериям и навыкам. Трактовать позицию государства по совершенствованию УИС можно по-разному. Давая этому правовую оценку, можно сказать, что цель данных решений – не иначе как совмещение необходимого (оплачиваемой по низким тарифам рабочей силы) с исключительно обязательным (исполнением уголовного наказания). Если государство нацелено воплотить в действие установленные в законе нормы, то при недостаточном контроле со стороны государства возможен возврат обратно: от экономически и духовно развивающегося демократического общества к сталинскому тоталитаризму. Лишь трагическое прошлое сталинского режима и воспоминания заключённых ГУЛАГа позволяют это предполагать. Представляется, что воспитательно-трудовая функция УИС, лежащая в основе её деятельности, повлечёт вероятность переобучения заключённых в рамках необходимых рабочих специальностей, что даст возможность реализации их в этом направлении в будущем.

По нашему мнению, реформирование пенитенциарной системы повлечёт для государства хороший прирост экономики, но это

¹ Приказ ФСИН России от 18 декабря 2019 г. № 1160 «Об утверждении типового договора между колонией-поселением и организацией, использующей труд осужденных, находящихся на участке колонии-поселения, расположенном вне территории колонии-поселения» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.05.2020).

не будет связано с устойчивым поддержанием правопорядка, т.к. во вновь сформированных организациях должны быть усилены меры охраны, контроль за заключёнными, а это дополнительная нагрузка для сотрудников УИС. Также предприятие должно организовать колонию-поселение, соответствующую всем нормативным стандартам.

Цель периодического реформирования УИС РФ состоит в создании современной системы исполнения наказаний, соответствующей международным стандартам и общим гуманистическим началам. Но отвечают ли современные действия власти тем идеям гуманизма, которых хотелось бы достичь при реформировании? Ведь по смыслу принимаемых решений государство освобождает себя от бремени содержания осужденных и, соответственно, отдает это структурам исправительных центров, не подвластным органам ФСИН. Возможно ли считать гуманной трудовую деятельность, которую должны осуществлять осужденные, и насколько она будет добровольной. Законодатель не устанавливает принципы, по которым будет проходить распределение осужденных на предприятия или в колонии-поселения ФСИН. Также необходимо детально прописать в нормах правовой статус осужденных-рабочих, которые будут основной артерией в каком-либо производственном цикле, материальную организацию нахождения данных людей не только на производстве, но и в быту, оплату их труда на данном предприятии. В действиях государства прослеживается очевидная цель – оптимизация размещения сети учреждений, исполняющих наказание на территории России.

Рассматривая деятельность УИС России, можно выразить уверенность, что данная система отстает от современных реалий, поэтому государство стремится выстроить ее в более современном отношении. ФСИН унаследовала сеть исправительных учреждений, территориально расположенных в соответствии с экономико-географическими тенденциями 1950-1970-х гг. XIX в. Значительная часть этих учреждений находится в отдалении от современных социально-экономических центров. Это затрудняет внешний контроль за соблюдением прав осужденных, а также выстраивает некую самостоятельность самих учреждений от власти.

Резюмируя изложенное, отметим, что уголовно-исполнительная система, являясь одним из важнейших социально-правовых институтов государства, в большей мере имеет зависимость

от процессов и изменений, происходящих в государстве. В целом реформирование УИС России проходит успешно. По мнению А.В. Щербакова, пенитенциарную систему России следует вывести на мировой уровень по количеству сотрудников на одного осужденного, где страной-лидером по изученным статистическим данным является Королевство Испании – 2,4 сотрудника на 1 осужденного [2; с. 38-41]. Несомненно, данный опыт носит положительный характер, но перед государством сейчас стоит иная цель: следовать в направлении увеличения количества лиц, осуществляющих государственную службу в УИС, посредством улучшения её качественных сторон, одной из которых выступает снижение уровня преступности.

Полагаем, что кардинальное реформирование пенитенциарной системы России необходимо. Сущность УИС, сформировавшаяся в советский период в рамках исполнительно-трудовой модели, трудно выполнима в настоящее время ввиду необходимости проводить обучение лиц, находящихся в учреждениях УИС. Глобальная цифровизация не позволит оставаться служащим, деятельность которых направлена на изменение образа жизни и воспитание лиц, содержащихся в учреждениях УИС, вне оцифрованного правового поля деятельности. Потребуется усиление штата учреждений УИС инженерами, владеющими основами рабочих профессий и специалистами, реализующими телекоммуникационные технологии, ввиду компьютеризации большинства производственных процессов. Также проблема порождает территориальная удаленность учреждений УИС от центров экономического развития. Считаем, что возможность эффективно реализовывать уголовно-исполнительную политику государства посредством открытия новых учреждений исполнения наказания – производственных центров с перспективными направлениями рабочих профессий позволит УИС в большей мере соответствовать целям своей деятельности – исправлению осужденных.

Список литературы

1. *Белова Н.А.* История ГУЛАГа в современной историографии // Пенитенциарная наука. 2013. № 2 (22). С. 64-70.
2. *Щербаков А.В.* Проблемы организации обеспечения безопасности в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2011. № 2. С. 38-41.

УДК 343.9.018.3

Хутов Казбек Мухамедович

*К.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, Саратов*

О ПРИНЦИПАХ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ПРАВА*

Аннотация. При изучении сущности профилактических правоотношений, которые выступают предметом такой комплексной отрасли законодательства, как профилактическое право, большое значение имеют принципы профилактики правонарушений. В статье осмысливаются проблемы определения перечня принципов профилактики правонарушений.

Ключевые слова: принципы профилактики правонарушений, профилактическое законодательство, профилактические правоотношения, предупреждение преступлений.

Hutov Kazbek Muhamedovich

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal and Penal Law,
Saratov State Academy of Law, Russia, Saratov
hutov@yandex.ru*

ON THE PRINCIPLES OF PREVENTIVE LAW

Abstract. When studying the essence of preventive legal relations, which are the subject of such a complex branch of legislation as preventive law, the principles of crime prevention are of great importance. The article comprehends the problems of determining the list of principles for the prevention of offenses.

Keywords: principles of crime prevention, preventive legislation, preventive legal relations, crime prevention.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00194.

Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹ (далее ФЗ о профилактике правонарушений) и федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»² (далее ФЗ о профилактике безнадзорности) предусматривают принципы профилактики правонарушений. В первом названном законе принципы профилактики приводятся в шести отдельных пунктах (ст. 4), однако в некоторых пунктах содержится сразу несколько принципов, в частности в п. 4 упоминается семь принципов. ФЗ о профилактике безнадзорности также содержит семь принципов, на которых основывается деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (ч. 2 ст. 2). Таким образом, в законодательстве в общей сложности насчитывается 19 принципов профилактики правонарушений.

При рассмотрении принципов, указанных в данных законах, входящих в одну отрасль законодательства – профилактическое право³, первое, на что следует обратить внимание, это то, что перечни принципов, предусмотренные в этих двух законах, не совпадают. Безусловно, система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по сравнению с системой общей профилактики правонарушений имеет немало особенностей. Тем не менее, это не объясняет практически полное несовпадение их принципов. Наоборот, учитывая общность отрасли законодательства, основополагающие идеи, исходные положения этих систем профилактики должны быть общими, одинаковыми, а различия должны касаться только некоторых их особенностей. В этом плане отчасти следует поддержать позицию Е.А. Писаревской, считающей несовпадение данных принципов необоснованным [4, с. 146]. Однако, в отличие от нее, нам представляется, что решение этой проблемы лежит не в приведении положений ФЗ о профилактике безнадзорности в соот-

¹ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26, ч. 1, ст. 3851.

² Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (с изм. и доп. от 24 апреля 2020 г., № 147-ФЗ) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Рос. газета. 1999. 28 июня.

³ Исходим из того, что профилактическое право является самостоятельной комплексной отраслью законодательства, имеющей свой специфический предмет и систему источников права, основу которой составляет базовый закон – ФЗ о профилактике правонарушений.

ветствие с положениями ФЗ о профилактике правонарушений, а в выработке новой единой системы принципов, т.к. данные законы входят в единую самостоятельную отрасль законодательства. Любая самостоятельная отрасль законодательства должна базироваться на единых принципах.

В основу новой единой системы принципов, безусловно, могут быть положены указанные выше принципы ФЗ о профилактике правонарушений. По крайней мере, большинство из этих принципов не вызывает каких-либо нареканий. Однако среди них есть такие, которые вызывают некоторое непонимание. К таковым, в частности, относится принцип научной обоснованности принимаемых мер профилактики правонарушений.

Безусловно, вся система профилактики правонарушений должна базироваться на достижениях прежде всего криминологической науки; нормативно-правовые акты, принимаемые в данной сфере, должны предварительно проходить научно-правовую экспертизу. Для их осуществления даже предлагается создать самостоятельный научно-исследовательский центр проблем преступности [1, с. 97]. Значит ли это, что научная обоснованность может выступать в качестве принципа права (законодательства)¹?

Как известно, принципы права (законодательства) – это его руководящие начала, исходные положения, определяющие незыблемые отправные моменты [5, с. 122; 6, с. 390], в соответствии с которыми строится система права и происходит правовое регулирование.

Научная обоснованность – это не что-то неизменное, статичное, незыблемое. Во-первых, наука не стоит на месте, развивается, постоянно вырабатываются какие-то новые положения. Во-вторых, в науке почти всегда имеются различные точки зрения по тем или иным проблемам, порой противоположные, взаимоисключающие. Как в этом случае определять, что является исходным положением, т.е. принципом? Представляется, что во многих случаях это будет сделать невозможно.

Исходя из этого, полагаем, что научную обоснованность принимаемых мер профилактики правонарушений нельзя рассматривать в качестве принципа профилактического права. Упоми-

¹ Существуют различные точки зрения по поводу соотношения понятий «принцип права» и «принцип законодательства». Исходим из того, что данные понятия совпадают.

нение об этом следует исключить из ст. 4 ФЗ о профилактике правонарушений.

Небесспорным является и указание в профилактическом законодательстве таких принципов, как «ответственность субъектов профилактики правонарушений и их должностных лиц за обеспечение прав и законных интересов человека и гражданина» (п. 6 ст. 4 ФЗ о профилактике правонарушений) и «обеспечение ответственности должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних» (ч. 2 ст. 2 ФЗ о профилактике безнадзорности). Если в первом случае можно предположить, что законодатель имеет в виду не ретроспективную, а перспективную ответственность в плане осознания субъектом профилактики общественной полезности и важности своих профилактических действий, осуществляемых с учетом необходимости обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина, то во втором случае явно имеется в виду ретроспективная ответственность – «обеспечение ответственности ... за нарушение прав и законных интересов ...». Т.е. должна наступать юридическая ответственность за совершение правонарушения.

Можно ли в этом случае юридическую ответственность рассматривать как принцип права (законодательства)? Полагаем, что нет. Это разные правовые явления. Юридическая ответственность сама по себе не является принципом права. Она лишь основывается на этих принципах.

При выработке новой системы принципов профилактики правонарушений необходимо также учесть предложения, изложенные в научных работах. Так, в качестве принципа профилактики правонарушений предлагается предусмотреть принцип нравственности [3, с. 52-55]. Если антиобщественное поведение и правонарушение по своей сути безнравственны, то действия по их предотвращению признаются нравственными. Но в тех случаях, когда законность и обоснованность таких действий ставится под сомнение, именно этот принцип позволит разрешить возникшую коллизию [2, с. 144-145].

В.Н. Бурлаков и В.И. Полудняков также полагают, что для предупреждения преступлений важен принцип эффективности. По их мнению, его значение состоит в том, чтобы меры предупреждения соответствовали причинам и условиям совершения преступлений, т.е., устраняя их, не вызывали дополнительных негативных последствий [2, с. 136-137]. С этим сложно

согласиться. Вряд ли эффективность можно рассматривать как принцип права (законодательства). Скорее, это некое свойство, отражающее действенность норм права, результативность их применения, а не руководящее начало или исходное положение.

Между тем меры предупреждения, безусловно, должны соответствовать причинам и условиям совершения правонарушений. Представляется, что это должно основываться на предусмотренном в ФЗ о профилактике правонарушений принципе достаточности принимаемых мер профилактики правонарушений. При этом полагаем, что данный принцип должен быть дополнен еще одним положением – неизбыточностью мер профилактики правонарушений. Таким образом, в ФЗ о профилактике правонарушений должен быть предусмотрен принцип достаточности и неизбыточности принимаемых мер профилактики правонарушений, что будет означать обеспечение соответствия принимаемых мер причинам и условиям совершения правонарушений, и в то же время меры профилактики правонарушений, устраняя причины и условия, не будут избыточными, следовательно не будут влечь необоснованные негативные последствия.

Таким образом, принципы, предусмотренные в ныне действующем профилактическом законодательстве, должны быть переосмыслены. Необходимо выработать новую, единую для всей отрасли профилактического законодательства систему принципов, в которую следует включить наряду с другими принцип ответственности, а также принцип достаточности и неизбыточности принимаемых мер профилактики правонарушений.

Список литературы

1. *Александров А.И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2003.
2. *Булаков В.Н., Полудняков В.И.* Закон о профилактике правонарушений: история, настоящее, будущее // Правоведение. 2016. № 6 (329). С. 134-150.
3. *Кудрявцев В.Н.* Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юристъ, 2003.
4. *Писаревская Е.А.* Законодательная регламентация профилактики преступности несовершеннолетних: проблемы и перспективы // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 144-147.

5. Уголовное право России: курс лекций. В 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «СГАП», 2004. Т. 1. Кн. 1.

6. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. II. Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016.

Содержание

Предисловие.....	3
Указатель сокращений.....	5

Секция 1

Уголовное право

в условиях глобальных вызовов обществу

Блинов Александр Георгиевич Генетическая безопасность Homo sapiens и модель ее уголовно-правового обеспечения.....	6
Волков Вячеслав Русланович Межотраслевые свойства уголовного права и дифференциация ответственности: к вопросу об их взаимодействии.....	16
Волошенко Денис Николаевич Реализация наказания в виде ограничения свободы.....	23
Герасимов Александр Михайлович Поведение как конструктивный признак преступления.....	32
Голикова Арина Владимировна Стандартизация поведения и уголовное право.....	39
Донченко Александр Григорьевич Новые формы оборота детской порнографии и их уголовно-правовое предупреждение.....	45
Зарецкая Елена Андреевна, Козюберда Вячеслав Иванович Уголовно-правовое значение категории ограниченной вменяемости.....	51
Иванчин Артем Владимирович Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172 ² УК РФ): вопросы квалификации и реконструкции состава.....	61
Кирова Татьяна Александровна Фальсификация электронной медицинской карты: вопросы уголовно-правовой оценки.....	73

Князьков Александр Александрович Распространение коронавируса: уголовно-правовое регулирование	81
Кобзева Елена Васильевна Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в свете принципов справедливости и гуманизма	89
Копшева Кристина Олеговна Сущность наказания и кара	100
Красовская Оксана Юрьевна К вопросу о назначении уголовного наказания в виде штрафа в отношении несовершеннолетних.....	106
Лапунин Михаил Михайлович Проблемы межотраслевой дифференциации ответственности за противоправные деяния в сфере высоких технологий.....	116
Лапунина Наталия Николаевна Некоторые проблемы криминализации и совершенствования уголовно-правовых норм на современном этапе	125
Лопашенко Наталья Александровна Новая криминализация: подкуп арбитра (третейского судьи).....	132
Лыков Александр Александрович Криптовалюта: предмет или средство легализации преступных доходов	142
Пономаренко Елена Валерьевна Уголовное законодательство Российской Федерации в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19).....	150
Проводина Елена Валерьевна Институт иных мер уголовно-правового характера как необходимая форма правового принуждения в условиях глобального вызова обществу (на примере конфискации и судебного штрафа)	156
Рабданов Абдулла Салихбекович Гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном праве Российской Федерации: постановка проблемы	164

Сверчков Владимир Викторович Совершенствование уголовного законодательства как ответ глобальным вызовам: от полумер к формированию оптимальных конструкций	171
Смоляков Александр Николаевич Момент окончания мошенничества в отношении безналичных денежных средств	184
Уманец Вера Сергеевна Виды назначения более мягкого наказания: проблемы теории и практики	194
Храмов Сергей Михайлович Противоправные действия в сфере применения современных медицинских технологий и их уголовно-правовая квалификация	205

Секция 2

**Потенциал наук антикриминального цикла
в свете ожиданий и запросов современного общества**

Антонян Елена Александровна Распространение экстремизма в телекоммуникационных сетях и сети Интернет	214
Баранова Марина Александровна Процессуальная альтернатива при применении мер пресечения в уголовном судопроизводстве: компромиссное начало	225
Батчаева Аминат Алхазовна Некоторые суждения о примирительной сущности производств, предусмотренных разделом X УПК РФ	235
Бекмагамбетов Алимжан Бауржанович, Кандалина Елена Михайловна Цифровые технологии в юридическом, экономическом и IT-образовании и междисциплинарной научно- исследовательской деятельности (опыт КГУ им. А. Байтурсынова и Университета «Туран-Астана»)	242
Варыгин Александр Николаевич, Ефремова Ирина Алексеевна Духовно-нравственная сфера личности преступника: значение и направления изучения	254

Желудков Михаил Александрович Изучение влияния новых цифровых технологий на детерминацию мошеннических действий (технология Deepfake).....	262
Зайцева Олеся Викторовна Юридические факты в механизме правового регулирувания профилактических правоотношений.....	271
Исмагулова Айгуль Турехановна Актуальные вопросы применения цифровых технологий в адвокатской деятельности в Республике Казахстан.....	280
Комиссаренко Екатерина Сергеевна Особенности организации профилактической работы в условиях следственного изолятора.....	287
Лавнов Михаил Александрович Правовая модель деятельности прокурора в условиях цифровизации уголовного судопроизводства.....	297
Маркунин Роман Сергеевич Система юридической ответственности органов публичной власти за коррупционные правонарушения и перспектива ее совершенствования.....	305
Мироненко Сергей Юрьевич Проблемы контроля за преступностью (вопросы теории).....	313
Насиров Немэт Интигам оглы Унификация понятийно-категориального аппарата уголовного и уголовно-исполнительного законодательства России.....	320
Смагина Тамара Алексеевна, Вишнякова Полина Владимировна, Трушин Артём Олегович Административно-правовой взгляд на реформу пенитенциарной системы России.....	327
Сидоренко Элина Леонидовна Цифровизация и основные направления развития российского права.....	342
Хутов Казбек Мухамедович О принципах профилактического права.....	348

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**РАЗВИТИЕ НАУК
АНТИКРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА
В СВЕТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ
ОБЩЕСТВУ**

*Сборник трудов
по материалам всероссийской заочной
научно-практической конференции
с международным участием
(Саратов, 16 октября 2020 г.)*

В авторской редакции
Компьютерная верстка, дизайн – *О.А. Фальян*

Тем. план 2021 г.

Подписано в печать 15.03.2021. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура «Cambria». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 500. Заказ № 50.

Издательство ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия».
410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.